ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПОЛА ХОКИНС

В ТИХОМ ОМУТЕ

от автора бестселлера «ДЕВУШКА В ПОЕЗДЕ»

В тихом омуте
Пола Хокинс

Аннотация
Пола Хокинс. В тихом омуте
Часть первая
Часть вторая
Часть третья
Часть четвертая
От автора

Аннотация

Новый роман от автора мирового бестселлера «Девушка в поезде»!

Не так давно Нел оставила своей сестре Джулс странное сообщение, но та не ответила. Теперь Нел мертва, а Джулс вынуждена приехать в родной городок, чтобы забрать осиротевшую племянницу. Она возвращается в то место, где прошла ее юность – юность, о которой хотела бы забыть навсегда.

Ее преследуют воспоминания о том, что произошло много лет назад. Ее пугает уверенность в том, что сестра не покончила с собой, а была убита. Но сильнее всего она опасается заводи, прозванной Смертельной, – заводи, в чьих обманчиво спокойных водах погибло слишком много женщин. И возможно, она боится не зря… Кто знает, что кроется в тихом омуте?

Пола Хокинс
В тихом омуте

Paula Hawkins
INTO THE WATER

Печатается с разрешения автора при содействии литературных агентств David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Цитата из «Галлюцинаций» Оливера Сакса использована с разрешения The Wylie Agency (UK) Limited. Цитата из «Игры чисел» Эмили Берри использована с разрешения Faber & Faber.

Текст песни PJ Harvey «Down by the Water» использован с любезного разрешения Hot Head Music Ltd.

© Paula Hawkins Ltd., 2017
© Oliver Sacks, 2012
© Emily Berry, Dear Boy
© Photo. Alisa Connan, 2017
© Перевод. В.В. Антонов, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается всем возмутителям спокойствия

Я открылась миру слишком юной.
Одни вещи стоит отпустить,
Другие – нет,
Вопрос в том, как их различить.

Эмили Берри. Игра чисел

Теперь мы знаем, что воспоминания не хранятся в мозге в фиксированном или замороженном виде, как продукты в леднике, а видоизменяются, рассыпаются на фрагменты, снова воссоздаются из них и по-новому классифицируются при каждом акте припоминания.

***Оливер Сакс. Галлюцинации*[1]**

Смертельная заводь

Либби

– Еще! Еще раз!

Мужчины опять связывают ее. На этот раз иначе: левую руку привязывают за большой палец к правой стопе, а правую руку – к левой. Вокруг талии затягивают

---

[1] Сноски: 1

Пер. с англ. А. Анваера. — *Здесь и далее примеч. пер.*

веревку. И тащат в воду.

– Пожалуйста... – молит она, потому что не уверена в том, что ей удастся пережить тьму и холод.

Она хочет вернуться в свой дом, которого больше нет, в те времена, когда они с тетей сидели у очага и рассказывали друг другу разные истории. Она хочет оказаться в своей постели, хочет снова стать маленькой и вдыхать запах дыма, цветов и родного тепла своей тети.

– Пожалуйста.

Она тонет. Когда ее вытаскивают во второй раз, у нее губы синего цвета, и она больше не дышит.

Часть первая

2015

Джулс Эбботт

Ты хотела мне что-то рассказать, верно? Что именно? У меня такое чувство, будто я давно перестала слушать, отвлеклась и, задумавшись о чем-то другом, постороннем, совершенно утратила нить разговора. Но теперь я вся внимание. Хотя никак не могу избавиться от мысли, что пропустила что-то очень важное.

Когда ко мне пришли, я разозлилась, но сначала почувствовала облегчение… Если вы заняты поиском билета на поезд, торопясь успеть на работу, а на пороге вашего дома появляются два сотрудника полиции, вы думаете, что произошло нечто ужасное. Я испугалась за людей, которые мне дороги: за своих друзей, за бывшего мужа, за сослуживцев. Но полицейские объяснили, что речь не о них, а о тебе. Вот почему в первый момент я испытала облегчение, а потом узнала, что случилось и что ты сделала. Они сообщили, что тебя нашли в воде, и меня охватила злость. Злость и страх.

Я подумала о том, что скажу тебе, когда доберусь до места. Что знаю, почему ты так поступила — чтобы расстроить и напугать меня, отравить мне жизнь. Чтобы привлечь мое внимание и заставить вернуться туда, куда нужно тебе. Что ж, Нел, у тебя получилось. Я приехала в город, возвращаться в который не собиралась, и мне предстоит позаботиться о твоей дочери и разобраться в оставленном тобою бардаке.

Понедельник, 10 августа
Джош Уиттакер

Что-то меня разбудило. Я слез с кровати, чтобы сходить в туалет, и, заметив, что дверь в спальню родителей открыта, заглянул и увидел, что мамы в кровати нет. Папа, как обычно, храпел. Часы показывали 4.08. Я решил, что она, наверное, внизу. Мама страдала бессонницей. Вообще-то проблемы со сном были у обоих родителей, но папа принимает такие сильные таблетки, что можно стоять у кровати и кричать ему в ухо, а он все равно не проснется.

Я тихо спустился, потому что мама часто включает телевизор и смотрит скучные рекламные ролики о разных устройствах, которые помогают похудеть, вымыть пол, нарезать овощи или еще что-нибудь, и снова засыпает. Но телевизор не

работал, на диване ее тоже не оказалось, поэтому я понял: она куда-то ушла.

Такое бывало и раньше, о нескольких случаях я знал точно. Не могу же я всегда быть в курсе, где кто находится. В первый раз она объяснила, что просто вышла подышать свежим воздухом, но в другой день, когда я проснулся, а ее не было дома, я выглянул в окно и увидел, что ее машины нет на обычном месте.

Я думаю, что она, наверное, ездит к реке или на могилу Кэти. Я тоже иногда так делаю, хотя и не среди ночи.

Я бы побоялся бродить в темноте, к тому же мне точно было бы не по себе, ведь именно так и поступила Кэти: она встала ночью, пошла на реку и больше не вернулась. Но я понимаю, почему мама это делает: у реки она чувствует себя ближе к Кэти, если не считать ее комнаты — я знаю, что иногда мама заходит в нее. Комната Кэти находится рядом с моей, и я слышу, как мама там плачет.

Я сел на диван, собираясь подождать ее, и, наверное, заснул, потому что, когда меня разбудил звук открывающейся входной двери, было уже светло, а часы на камине показывали четверть восьмого. Я слышал, как мама, закрыв за собой

дверь, быстро поднялась по лестнице.

Я направился за ней. Остановившись у спальни родителей, я посмотрел в щелку. Мама стояла на коленях возле кровати со стороны папы, вся красная, будто долго бежала, расталкивала его и с надрывом говорила:

— Алек, проснись. Проснись! Нел Эбботт мертва! Ее нашли в воде. Она прыгнула с обрыва.

Мне кажется, я молчал, но, видимо, издал какой-то звук, потому что мама посмотрела в мою сторону и, заметив меня, вскочила.

— Господи, Джош! — воскликнула она, подходя ко мне. — О, Джош!

По ее лицу текли слезы. Она крепко обняла меня. Когда я выбрался из объятий, она все еще плакала, но на ее лице была улыбка.

— Дорогой ты мой, — сказала она.

Папа сел в кровати, потирая глаза. Чтобы окончательно проснуться, ему надо много времени.

— Я не понимаю. Когда… ты хочешь сказать прошлой ночью? Откуда ты знаешь?

— Я вышла купить молока, — объяснила она. — И все об этом говорили… в магазине. Ее нашли сегодня утром.

Она села на кровать и снова начала плакать. Папа обнял ее и посмотрел на меня — взгляд у

него был странный.

— А куда ты ходила? — спросил я.

— В магазин, Джош. Я же сказала.

Мне хотелось возразить. Ее не было несколько часов, и выходила она точно не за молоком. Но я промолчал, потому что родители сидели на кровати, смотрели друг на друга и казались счастливыми.

Вторник, 11 августа

Джулс

Я все помню. Гора подушек на заднем сиденье фургона — граница, разделяющая наши территории. Мы едем на лето в Бекфорд: ты оживлена и возбуждена, не в силах дождаться, когда мы окажемся на месте, а на мне лица нет. Меня укачало, и я изо всех сил сдерживаю тошноту.

Это не просто воспоминание, это то, что я снова почувствовала. Началось это после обеда, и я, сгорбившись над рулем как старуха, ехала быстро и неумело, забираясь на поворотах на середину дороги, тормозя слишком резко и шарахаясь в сторону при виде встречных машин. Мне это свойственно: каждый раз, когда я вижу, как навстречу по узкой дороге движется белый фургон, и собираюсь взять немного в сторону, меня так и подмывает сделать наоборот и по-

ехать прямо на него, и не потому, что мне так хочется, а потому, что я не могу иначе. Как будто в последний момент я все равно не удержусь. Словно человек, который, стоя на краю утеса или железнодорожной платформы, чувствует, как сзади его подталкивает невидимая рука. А что если? Что если просто шагнуть вперед? Если просто крутануть руль?

(В конце концов, мы с тобой не так сильно отличаемся друг от друга.)

Меня поразило, как хорошо я это помнила. Слишком хорошо. Почему же так получается, что я отлично помню происходившее со мной в восемь лет и никак не могу вспомнить, попросила ли коллег перенести оценку клиента на следующую неделю? Я не могу запомнить то, что хочу, а то, что стараюсь забыть, продолжает всплывать в памяти. Чем ближе я подъезжала к Бекфорду, тем больше убеждалась: прошлое накатывало на меня так же явственно и неотвратимо, как слышалось чириканье воробьев, прятавшихся в живой изгороди.

Вся эта пышность, изумрудная зелень травы, яркая желтизна растущего на холме кустарника разбудили во мне хлынувшие потоком воспоминания. Вот меня четырех-пятилетнюю несет в

воду папа, а я вырываюсь и визжу от восторга; вот ты прыгаешь в воду со скал, каждый раз забираясь все выше и выше. Пикники на песчаном берегу и вкус крема от загара на языке; ловля жирной коричневой рыбы в стоячей мутной воде вниз по течению от мельницы. Ты приходишь домой, и по ноге у тебя течет кровь. Ты содрала кожу, неудачно прыгнув, и теперь, пока папа обрабатывает тебе рану, кусаешь кухонное полотенце, чтобы не заплакать, — я не должна видеть твоих слез. Мама в светло-голубом сарафане варит для нас на кухне кашу на завтрак — она босиком, стопы у нее темного ржаво-коричневого цвета. Папа сидит на берегу и делает наброски. Позже, когда мы уже стали постарше, ты в джинсовых шортах и лифе от купальника под футболкой тайком сбегаешь на свидание. И не просто к парню, а к тому самому парню. Мама, хрупкая и сильно похудевшая, дремлет в кресле в гостиной; папа исчезает на долгих прогулках с пухленькой женой викария, бледной, в шляпке, защищающей от солнца. Я помню ту игру в футбол. Горячее солнце на воде, все глазеют на меня; я смаргиваю слезы, бедро перепачкано кровью, в ушах звенит их смех. Я до сих пор его слышу. Его и несмолкаемое журчание воды.

Я так глубоко погрузилась в воспоминания, что не заметила, как оказалась в центре города. Он вдруг возник, будто по мановению волшебной палочки, и не успела я оглянуться, как уже медленно пробиралась по узким улочкам, заставленным внедорожниками. Теперь я осторожно ехала в сторону церкви и старого моста, и боковым зрением видела пятна розового камня. Я не сводила глаз с дороги перед собой и старалась не смотреть на деревья и реку. Старалась не смотреть, но все равно видела.

Я остановилась на обочине и заглушила двигатель. Бросила взгляд наверх, на деревья и каменные ступени, покрытые зеленым мхом и скользкие после дождя. По телу пробежали мурашки. Перед глазами возникла картина: холодные капли дождя барабанят по асфальту; реку и небо выхватывают из мрака вспышки синих мигалок и молний; изо ртов охваченных ужасом людей вырываются клубы пара; маленького, смертельно бледного, дрожащего мальчика ведет по ступенькам женщина-полицейский. Она держит его за руку, ее глаза широко раскрыты и полны ужаса, она оглядывается по сторонам, подзывая кого-то. Меня по-прежнему переполняют те же чувства, что и в ту ночь: страх и возбуж-

дение. У меня в ушах по-прежнему звучат твои слова: «Ты можешь себе представить, каково это? Видеть, как умирает твоя мать?»

Я отвернулась. Потом завела машину, выбралась обратно на дорогу и проехала по мосту, за которым дорога становилась извилистой. Я вспоминала, где нужный поворот: первый слева? Нет, не этот, следующий. А вот и Милл-Хаус — внушительное каменное строение бурого цвета. По холодной влажной коже снова побежали мурашки, сердце учащенно забилось, и я въехала через открытые ворота на подъездную дорожку.

Стоявший там мужчина смотрел на экран мобильника. Полицейский в форме. Он быстро подошел к моей машине, и я опустила стекло.

— Я Джулс, — сказала я. — Джулс Эбботт. Я… ее сестра.

— О! — смутился он. — Да. Верно. Конечно. Послушайте, — он оглянулся на дом, — там сейчас никого нет. Девушки… вашей племянницы… сейчас нет дома. Я даже не знаю, где… — Он вытащил из-за пояса рацию.

Я открыла дверцу и вылезла из машины.

— Я могу пройти в дом? — спросила я и перевела взгляд на открытое окно в твоей старой комнате.

Я отлично помнила, как ты сидела на подокон-

нике, свесив ноги наружу. От такого зрелища становилось не по себе.

Полицейский засомневался. Он отвернулся, тихо что-то спросил по рации, после чего снова повернулся ко мне:

— Да, все в порядке. Вы можете войти.

Поднимаясь по ступенькам, я ничего не видела, но слышала журчание воды и чувствовала запах земли — едкий смрад гниющих листьев в тени дома, под деревьями, везде, куда не проникали лучи солнца, и этот запах опять перенес меня в прошлое.

Я открыла входную дверь, ожидая услышать голос мамы из кухни. Я машинально толкнула дверь в том самом месте, где она постоянно цеплялась за пол. Я вошла в прихожую и закрыла за собой дверь — глаза привыкали к темноте, а от внезапного холода кожа покрылась мурашками.

На кухне к окну был придвинут дубовый стол. Тот самый? Похож, но вряд ли он, ведь за столько лет у дома не раз менялись владельцы. Я могла бы узнать точно, если бы залезла под стол и поискала отметины, которые мы с тобой там делали, но от одной только мысли об этом у меня лихорадочно забилось сердце.

Я помню, как по утрам сюда падали лучи солн-

ца. Сев слева, лицом к кухонной плите, можно было насладиться изумительным видом на живописный старый мост. Все отмечали, какой красивый открывался вид, но по-настоящему его никто не видел. Никто не открывал окно и не высовывался наружу, никто не смотрел вниз на старое полусгнившее мельничное колесо, не видел, как играют лучи солнца на поверхности воды, не знал, какой вода была на самом деле — черно-зеленой и заполненной живыми и умирающими существами.

Из кухни я прошла в коридор, мимо лестницы, в глубь дома. Она появилась передо мной так неожиданно, что я невольно вздрогнула: огромные окна выходили на реку, и казалось, что стоит их открыть, как вода из бежавшей внизу реки начнет переливаться через широкий деревянный подоконник.

Я все помню. Все эти годы летом мы с мамой сидели на этом устланном подушками подоконнике, почти касаясь друг друга пальцами ног, с книгами на коленях. Рядом стояла тарелка с бутербродами, хотя она никогда к ним не притрагивалась. Я не могла спокойно смотреть на подоконник — у меня щемило сердце и накатывало отчаяние.

Штукатурку специально сбили, чтобы обнажить кирпичи, и в обстановке была вся ты: на полу восточные ковры, массивная мебель из черного дерева, большие диваны и кожаные кресла, и повсюду свечи. И проявление твоих маний: огромные гравюры в рамах, «Офелия» Джона Милле, красивая и безмятежная, глаза и рот открыты, а рука сжимает цветы; три тела Гекаты Уильяма Блейка; «Шабаш ведьм» Франсиско Гойи, его же «Тонущая собака». Я особенно ненавижу эту картину — бедное животное изо всех сил пытается удержать голову над прибывающей водой.

Я услышала, как зазвонил телефон, и мне показалось, что он звонит из-под дома. Я пошла на звук через гостиную, спустилась на несколько ступенек — там раньше была кладовка, наполненная хламом. Однажды ее затопило, и все там так и осталось под слоем ила, словно дом превращался в русло реки.

Я прошла в помещение, в котором ты устроила мастерскую. В нем находились оборудование для съемки, экраны, напольные светильники и отражатели, принтер, на полу — стопки бумаг, книг и папок, а вдоль стен расставлены шкафы. И конечно, фотографии. Все стены были сплошь

завешаны твоими снимками. На первый взгляд могло показаться, что тебя интересуют мосты: «Золотые ворота» в Сан-Франциско, Нанкинский мост через Янцзы, Виадук Принца Эдварда. Но это только на первый взгляд. Дело было не в мостах и не в восхищении шедеврами инженерной мысли. Посмотрев внимательно, поймешь: тут не только мосты, но и зловещая скала самоубийц Бичи-Хед, лес Аокигахара у подножия горы Фудзи, утес Прекестулен в Норвегии. Места, куда отправляются отчаявшиеся люди, чтобы свести счеты с жизнью. Это — храмы отчаяния.

На стене напротив входа развешаны фотографии Смертельной заводи. Их бесконечно много, заводь снята с каждого мыслимого угла, под всеми возможными ракурсами. Зимой она бесцветная и ледяная на фоне сурового черного обрыва, летом — переливается яркими красками, превращаясь в утопающий в пышной зелени оазис, или, напротив, становится унылой и кремнисто-серой под тяжестью нависших над ней туч. Бесчисленные изображения сливаются в одно, отчего начинает кружиться голова. Я чувствую себя там, на вершине обрыва, будто смотрю вниз, на воду, и меня охватывает непреодолимое желание поддаться искушению забвения.

Никки Сейдж

Кто-то совершал смертельный прыжок в воду с обрыва по своей воле, кого-то с него сталкивали. Если бы спросили Никки — чего никто не собирался делать, потому что ее никто и никогда не слушал, — то она бы ответила, что Нел Эбботт столкнули. Но никто не собирался задавать ей вопросы и выслушивать ее ответы, и говорить ей не имело никакого смысла. Особенно полиции. Даже если бы в ее прошлом и не было проблем с блюстителями закона, она бы все равно не могла говорить с ними об этом. Слишком опасно.

Никки жила в квартирке над бакалейным магазином. В действительности комната была всего одна, а кухня и ванная такие крошечные, что с трудом оправдывали свое название. Жила она более чем скромно, но у нее имелось удобное кресло у окна с видом на город, и в нем она сидела, ела и даже иногда спала, потому что в последнее время страдала бессонницей и особого смысла ложиться не было.

Никки сидела и наблюдала за всем происходящим, а если чего-то не видела, то чувствовала. Она что-то почувствовала еще до того, как над мостом синевой начали мерцать звезды. Она не знала, что это Нел Эбботт, во всяком случае снача-

ла. Люди думают, что виде́ния бывают четкими и ясными, но это далеко не так. Никки знала только одно: кто-то снова оказался в воде. Она сидела без света и смотрела: вот мужчина с собаками побежал наверх по ступенькам, затем приехал автомобиль. Не полицейская машина, а самая обычная, темно-синяя. Детектив Шон Таунсенд, подумала она, и была права. Он и мужчина с собаками направились вниз по ступенькам, а потом появилась толпа полицейских на машинах с включенными мигалками, но без сирен. В них не было смысла. Все уже произошло.

Когда встало солнце и она отправилась за молоком и газетой, все только и обсуждали случившееся — второй раз за год. Но когда Никки услышала, что это была Нел Эбботт, она уже знала: второй случай не похож на первый.

Она даже подумывала, не пойти ли к Шону Таунсенду и сразу ему об этом сказать. Но, каким бы приятным и вежливым молодым человеком он ни был, он служил в полиции и оставался сыном своего отца, так что доверять ему не следовало. Никки не стала бы даже думать об этом, не относись она к Шону с симпатией. Он сам пережил ужасную трагедию и бог знает через что прошел, и еще он был добр к ней — единственный, кто

отнесся к ней по-человечески во время ареста.

Вообще-то второго ареста, если быть честной. Он случился лет шесть или семь назад. После первого обвинения в мошенничестве она не оставила свою практику, но ограничила ее старыми проверенными клиентами и представительницами сообщества ведуний, которые изредка появлялись, чтобы отдать дань памяти Либби, Мэри и вообще всем утопленницам. Иногда она гадала на картах Таро — пару раз за лето; время от времени ее просили связаться с умершим родственником или одним из утопленников. Долгое время она не афишировала свою деятельность и никаких услуг сама не предлагала.

Но потом ее пособие сократили во второй раз, и Никки решила: надо что-то делать. Один из ребят, работавших в библиотеке на общественных началах, помог ей создать сайт, предлагавший сеансы гадания по 15 фунтов за полчаса. Вполне приличная такса, учитывая, что Салли Морган из телевизора была такой же ясновидящей, как задница Никки. При этом та просила за сеанс в двадцать минут целых 29 фунтов 99 пенсов, причем за эти деньги общалась не сама — всю работу выполнял кто-нибудь из ее «команды медиумов».

Сайт проработал всего несколько недель, а потом в полицию обратился сотрудник управления торговых стандартов и обвинил ее в «непредоставлении письменного отказа от ответственности за возможные последствия, предусмотренного Положениями об охране интересов потребителей». Положения об охране интересов потребителей! Никки заявила, что понятия не имела о необходимости этих документов, но в полиции на это возразили, что закон изменился. А откуда, поинтересовалась она, ей было об этом знать? Что, понятно, всех безумно развеселило. Мол, разве вы не должны были об этом знать? Или вы можете заглянуть только в будущее, но никак не в прошлое?

И только инспектор уголовной полиции Таунсенд — в то время простой констебль — не смеялся вместе со всеми. Он был добр и объяснил, что это связано с новыми правилами ЕС. Правила ЕС! Защита прав потребителей! Было время, когда людей, подобных Никки, привлекали к ответственности (преследованию) по Закону о колдовстве и Закону о лже-медиумах. Теперь же их судьбой распоряжаются европейские бюрократы. Как же низко пали сильные мира сего!

После этого Никки закрыла сайт, зареклась

иметь дело с новыми технологиями и вернулась к прежнему порядку ведения дел, но сейчас клиентов практически не осталось.

Надо признать, что смерть Нел выбила Никки из колеи. Она плохо себя чувствовала. Не виноватой, нет, потому что ее вины в этом не было. И все же она продолжала задаваться вопросом: не слишком ли она разоткровенничалась, не слишком ли много рассказала. Но не она положила этому начало. Нел Эбботт уже играла с огнем — она была одержима рекой и ее тайнами, а ничем хорошим подобная одержимость не заканчивается. Нет, Никки никогда не предлагала Нел искать неприятности, она лишь указала ей нужное направление. И потом, разве она не предупреждала ее? Проблема в том, что никто ее не слушал. Никки говорила, что в городе есть люди, которые проклянут ее, едва завидев, — так было всегда. Но никто не хотел ничего слышать и знать, разве не так? Никому не нравилась мысль, что вода в реке отравлена кровью и болью несчастных женщин, подвергнувшихся преследованию; они пили эту воду каждый день.

Джулс

Ты ничуть не изменилась. Мне следовало это знать. И я это знала. Ты любила Милл-Хаус и воду

и была одержима теми женщинами, их поступками и оставленными ими близкими. А теперь еще и это! Если честно, Нел, неужели все так далеко зашло?

На втором этаже я нерешительно остановилась у спальни. Потом взялась за ручку двери и сделала глубокий вдох. Я помнила, что мне сказали, но я знала тебя и потому не могла им поверить. Мне казалось, что стоит открыть дверь, и за ней окажешься ты, такая же высокая и худая, и нашей встрече ты будешь совсем не рада.

В комнате никого не было. Казалось, ты только что вышла отсюда — например, спустилась по лестнице, чтобы сварить чашку кофе. И можешь вернуться в любую минуту. В воздухе по-прежнему витал аромат твоих духов — насыщенный, сладковатый и старомодный, наподобие тех, которыми пользовалась мама, — «Опиум» или «Ивресс».

— Нел? — тихо позвала я, будто произносила заклинание, призывающее дьявола.

В ответ — тишина.

Дальше по коридору располагалась «моя комната». Я в ней спала, и она была самой маленькой в доме, как и полагается быть комнате самого младшего в семье. Она оказалась даже меньше,

чем я запомнила, и мрачнее. В ней стояла только разобранная кровать, пахло сыростью, как от земли. В этой комнате мне всегда было не по себе. Неудивительно, учитывая, как ты любила меня пугать. Сидя за стеной, ты скребла по штукатурке ногтями, рисовала снаружи на двери разные символы кроваво-красным лаком, писала имена погибших женщин на запотевших оконных стеклах. И рассказывала истории о ведьмах, которых топили в реке, о потерявших надежду женщинах, разбивавшихся о скалы внизу, о перепуганном маленьком мальчике, прятавшемся в лесу и видевшем, как его мать бросилась с обрыва и разбилась насмерть.

Конечно, я не могла об этом помнить. Пытаясь найти в памяти прячущегося маленького мальчика, я вижу только бессмысленные обрывки, похожие на прерванный сон. Ты шептала мне на ухо. И это происходило не холодной ночью у воды. Во всяком случае, мы не жили тут зимой, и холодных ночей у воды не проводили. Я никогда не видела напуганного ребенка на мосту посреди ночи — как бы я, в то время совсем маленькая, сама оказалась там? Нет, это была история, которую рассказала мне ты. Как мальчик прокрался среди деревьев, поднял голову и увидел в лунном

свете белое как полотно лицо своей матери, увидел, как она, раскинув руки, бросается в тишине вниз, услышал, как оборвался ее крик при ударе о черную воду.

Я даже не знаю, существовал ли мальчик, видевший, как умирает его мать, или ты все придумала.

Я вышла из своей старой комнаты и направилась в ту, которая раньше была твоей, а теперь, судя по всему, ее занимает твоя дочь. Там царил жуткий беспорядок: одежда и книги разбросаны, на полу валяется влажное полотенце, на прикроватной тумбочке грязные кружки, спертый воздух пропитан табачным дымом и приторным запахом увядших лилий в вазе возле окна.

Я машинально начала уборку. Расправила постельное белье и повесила полотенце сушиться в ванной. Я стояла на коленях, вытаскивая из-под кровати грязную тарелку, когда услышала твой голос, и у меня перехватило дыхание.

— Какого черта ты тут делаешь?

Джулс

Я поднялась с довольной улыбкой, поскольку с самого начала знала, что они ошиблись. Я знала: ты не могла умереть. И вот ты действительно стоишь в дверях и велишь мне убираться к чертовой

матери! Тебе шестнадцать или семнадцать лет, ты держишь меня за запястье, впившись в кожу накрашенными ногтями. «Я сказала вон, Джулия! Толстая корова».

Улыбка сползла с моих губ, потому что, конечно, это была вовсе не ты, а твоя дочь, которая очень похожа на тебя в том возрасте. Она стояла в дверях, уперев руку в бок.

— Что ты тут делаешь? — снова спросила она.

— Мне очень жаль, — ответила я. — Я — Джулс. Мы не встречались, но я твоя тетя.

— Я не спрашиваю, кто ты, — отозвалась она, глядя на меня, как на идиотку. — Я спросила, что ты тут делаешь? Что ты ищешь? — Она отвернулась от меня и бросила взгляд на дверь в ванную. — Внизу ждут полицейские, — сообщила она и, не дожидаясь ответа, не спеша направилась по коридору, стуча шлепанцами по кафельному полу.

Я пошла за ней.

— Лина, — сказала я и положила руку ей на плечо.

Она дернулась, будто ошпаренная, и резко повернулась, испепеляя меня взглядом.

— Мне очень жаль.

Она опустила глаза и начала тереть то место, до

которого я дотронулась. На ногтях у нее был облезший синий лак, а кончики пальцев выглядели так, будто принадлежали трупу. Она кивнула, не глядя мне в глаза.

— С тобой хотят поговорить полицейские, — повторила она.

Лина оказалась совсем не такой, какой мне представлялось. Наверное, я рассчитывала увидеть растерянного ребенка, который отчаянно нуждался в утешении. Но она, конечно, совсем не ребенок, ей пятнадцать лет, а что касается утешения, то оно ей, похоже, совсем не нужно. Во всяком случае, от меня. В конце концов, она же твоя дочь!

Полицейские ждали на кухне, стоя за столом и глядя в сторону моста. Высокий мужчина с седоватой щетиной и рядом с ним женщина намного ниже ростом.

Мужчина сделал шаг вперед, протягивая руку и не сводя с меня пристального взгляда светло-серых глаз.

— Инспектор уголовной полиции Шон Таунсенд, — представился он и протянул руку.

Я заметила, что его пальцы слегка дрожат. На ощупь его ладонь оказалась холодной и сухой, словно принадлежала пожилому человеку.

— Я очень сожалею о вашей потере.

Так странно было слышать эти слова. Их уже произносили вчера, когда приходили сообщить о случившемся. Я сама едва не сказала их Лине, но теперь они звучали по-другому. «Вашей потере». Я хотела ответить, что это слово неправильное. Она не могла «потеряться». Вы просто не знаете Нел, вы не знаете, какая она на самом деле.

Инспектор Таунсенд не сводил с меня взгляда, ожидая, что я произнесу что-то в ответ. Он возвышался надо мной, худой и с таким острым, как бритва, взглядом, что об него, казалось, запросто можно порезаться, если подойти слишком близко. Я продолжала на него смотреть, когда вдруг заметила устремленный на меня взгляд женщины, полный сочувствия.

— Эрин Морган, — представилась она. — Мне очень жаль.

У нее были оливковая кожа, темные глаза и иссиня-черные волосы. Она зачесала их назад, но из-за непокорных завитков на висках и за ушами все равно казалась растрепанной.

— Сержант уголовной полиции Морган будет вашим контактным лицом в полиции, — пояснил инспектор Таунсенд. — Она будет держать вас в курсе расследования.

— А что, ведется расследование? — спросила я непонятно зачем.

Женщина с улыбкой кивнула и жестом пригласила меня сесть за кухонный стол, что я и сделала. Детективы устроились напротив. Инспектор уголовной полиции бросил взгляд вниз и потер правой ладонью левую руку: движения были быстрыми и судорожными — раз, два, три.

Беседу со мной вела сержант Морган, и ее размеренный, спокойный тон никак не соответствовал тому, что она говорила.

— Тело вашей сестры обнаружил в реке мужчина, гулявший вчера рано утром с собакой. — У нее был лондонский акцент и мягкий, обволакивающий, как дым, голос. — Предварительные данные свидетельствуют о том, что она провела в воде всего несколько часов. — Морган посмотрела на инспектора и снова перевела взгляд на меня. — Она была полностью одета, а все имеющиеся травмы получены в результате падения тела в воду с обрыва.

— Вы считаете, что она оступилась? — Я перевела взгляд с полицейских на Лину, которая спустилась за мной на кухню и теперь стояла, опираясь о столешницу.

Она была босиком, в черных легинсах и серой

майке, обтягивающей острые ключицы и маленькую грудь. Вид она приняла безучастный, как будто происходящее ее ничуть не волновало. Словно в нем не было ничего необычного. В правой руке она держала телефон, водя по экрану большим пальцем, а левой обхватывала себя за узкое плечико шириной с мое запястье. Широкий рот, темные брови, грязные светлые волосы, падающие на лицо.

Должно быть, она почувствовала, что я наблюдаю за ней, потому что взглянула на меня, на мгновение расширив глаза, и я отвернулась.

— Ты же не думаешь, что она оступилась? — спросила она, поморщившись. — Это просто невозможно.

Лина Эбботт

Все смотрели на меня, и мне хотелось закричать, велеть им убраться из нашего дома. Моего дома. Это мой дом, он наш и никогда не будет ее. «Тетя Джулия». Я застала ее в своей комнате, когда она рылась в моих вещах, даже не познакомившись со мной. Потом пыталась быть милой и сказала, что ей очень жаль, будто я должна поверить, что ей не наплевать.

Я не спала два дня и не хочу разговаривать ни с ней, ни с другими. Мне не нужна ни ее помощь,

ни ее чертовы соболезнования, и я не хочу выслушивать глупые предположения о том, что случилось с мамой, от людей, которые даже не знали ее.

Я пыталась не вмешиваться, но, когда они сказали, что она, судя по всему, просто оступилась и упала, я разозлилась, потому что, конечно, это не так. Не так. Они не понимают. Это не несчастный случай, она поступила так намеренно. Сейчас, наверное, это уже не важно, но мне кажется, что всем нужно как минимум признать правду.

— Она не оступилась. Она прыгнула намеренно, — произнесла я.

Женщина-детектив начала задавать глупые вопросы, почему я так считаю, была ли мама подавленной и не предпринимала ли попыток самоубийства раньше, и все это время тетя Джулия не сводила с меня печального взгляда, будто у меня не все дома.

— Вы же знаете, что она была одержима этой заводью, всем, что там происходило, всеми, кто там погиб. Вы знаете это. Даже она знает, — сказала я, глядя на Джулию.

Она, как рыба, открыла рот и снова закрыла. Мне даже захотелось им все рассказать и попытаться все объяснить, но какой смысл? Не думаю,

что они способны понять.

Шон — инспектор Таунсенд, так я должна к нему обращаться, когда он при исполнении, — начал задавать вопросы Джулии. Когда она разговаривала с мамой в последний раз? В каком та была состоянии? Не вызвало ли что-нибудь у нее тревоги? А тетя Джулия сидела и врала.

— Я не разговаривала с ней много лет, — сказала она, и ее лицо при этих словах залилось краской. — Мы не общались.

Она видела, что я смотрю, знала, что мне известно, какая это чушь, и покраснела еще больше. А потом попыталась перевести внимание на меня и спросила:

— Послушай, Лина, а почему ты решила, что она прыгнула намеренно?

Я долго на нее смотрела, прежде чем ответить. Я хотела, чтобы она знала: я вижу ее насквозь.

— Меня удивляет, что ты об этом спрашиваешь, — сказала я. — Разве не ты ей говорила, что у нее жажда смерти?

Она замотала головой и залепетала:

— Нет, нет, я не… все было не так…

Врунья!

Другой детектив — женщина — начала говорить, что «в настоящий момент нет доказательств,

указывающих на умышленное действие», и что они не нашли предсмертной записки.

Я не могла сдержать смеха.

— Вы думаете, что она должна была оставить записку? Моя мать ни за что бы не стала оставлять никакой чертовой записки! Это было бы… банально.

Джулия кивнула:

— Да… это правда. Поставить всех в тупик вполне в духе Нел. Она обожала тайны. И хотела бы оказаться в центре одной из них.

Мне захотелось влепить ей пощечину. «Ах ты, гадина, — едва не сорвалось у меня с языка, — ты в этом тоже виновата!»

Женщина-детектив захлопотала, наливая всем воды, и попыталась всунуть мне стакан в руку, но я больше не могла все это выносить. Я чувствовала, что вот-вот расплачусь, но не хотела, чтобы они видели мои слезы.

Я направилась в свою комнату, заперлась и уже там разревелась.

Обмотав рот шарфом, чтобы плакать как можно тише, я сопротивлялась желанию дать себе волю и выплеснуть все отчаяние наружу. Мне казалось, что если я не сдержусь, то уже никогда не смогу прийти в себя.

Я изо всех сил старалась не думать, но в голове продолжали крутиться слова: «Прости, прости, прости, это я виновата». Я смотрела на дверь своей спальни и вновь и вновь видела, как в воскресенье вечером мама зашла пожелать мне спокойной ночи. Она сказала: «Что бы там ни было, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, Лина, правда?» Я повернулась набок и надела наушники, но знала, что она продолжала стоять и смотреть на меня. Я чувствовала это, как и ее печаль, и даже испытывала удовлетворение, потому что считала, что она получила по заслугам. Я бы отдала все на свете, буквально все, лишь бы иметь возможность встать, обнять ее и сказать, что я тоже ее люблю, что она ни в чем не виновата и что я не должна была говорить, будто это целиком ее вина. Если она и была виновата в чем-то, то не больше меня.

Марк Хендерсон

Сегодня был самый жаркий день года, и, поскольку Смертельная заводь исключалась по очевидным причинам, Марк отправился искупаться вверх по реке. На участке перед коттеджем Уордов река становилась шире, а потом снова сужалась, устремляясь по рыжеватой гальке. Но посередине заводь была глубокой, а вода такой

холодной, что перехватывала дыхание и обжигала кожу, невольно вызывая приступ смеха.

И он смеялся, смеялся громко — ему захотелось смеяться впервые за последние несколько месяцев. И в реке он оказался за это время тоже впервые. Река перестала быть для него источником удовольствия и вызывала только ужас, но сегодня все вернулось на круги своя. Сегодня он чувствовал себя хорошо. Проснувшись с ясной головой и легкостью в теле, он сразу понял, что сегодня отличный день для купания. Вчера Нел Эбботт нашли утонувшей. Сегодня отличный день. Он чувствовал, как с души не то чтобы свалился камень, а будто тиски, сжимавшие его виски, сводившие с ума и не позволявшие жить, наконец-то разжались.

К нему домой пришла женщина-полицейский — очень молодая сотрудница уголовной полиции, и ее девичья непосредственность так располагала к себе, что ему даже захотелось сообщить ей то, чего не следовало. Ее звали Келли, а фамилию он не запомнил. Он пригласил ее войти в дом и рассказал правду. Что видел, как в воскресенье вечером Нел Эбботт вышла из паба. Он не стал говорить, что отправился туда в надежде встретить ее, это было не важно. Он сказал, что

они поговорили, но очень недолго, потому что Нел торопилась.

— А о чем вы разговаривали? — поинтересовалась Келли.

— О ее дочери, Лине, одной из моих учениц. В последний семестр у меня с ней были кое-какие проблемы, главным образом связанные с дисциплиной. В сентябре начнутся занятия, и английский она станет изучать в моем классе, а это важный год, ей предстоит сдавать экзамен на аттестат, и я хотел убедиться, что больше проблем с ней не возникнет.

Это было правдой. Она сказала, что спешит, у нее дела. Это тоже было правдой, хотя и не всей. Ничего, кроме правды.

— У нее не было времени обсудить проблемы своей дочери в школе? — удивилась детектив.

Марк пожал плечами и грустно улыбнулся.

— Одни родители принимают большее участие в воспитании, другие меньшее, — пояснил он.

— А куда она отправилась из паба? Поехала на машине?

Марк покачал головой:

— Думаю, домой. Она пошла в сторону дома.

Келли кивнула.

— И после этого вы ее больше не видели? —

спросила она, на что Марк опять покачал головой.

Что-то из этого являлось правдой, а что-то — ложью, однако детектив, судя по всему, была удовлетворена; она оставила ему визитку с номером телефона и попросила позвонить, если он вспомнит что-нибудь еще.

— Обязательно, — заверил Марк с обаятельной улыбкой, от которой она вдруг поморщилась. Он даже подумал, не переиграл ли.

Теперь он нырнул с головой, добрался до дна и зачерпнул ладонью мягкую илистую грязь. Потом свернулся в клубок, и мощная подъемная сила выбросила его на поверхность, где он жадно вдохнул свежий воздух.

Он будет скучать по реке. Ему придется найти новую работу, может, в Шотландии, а может, даже дальше: во Франции или Италии, где никто не будет знать, ни откуда он родом, ни его прошлое. Он мечтал о том, что начнет жизнь с чистого листа и с незапятнанной репутацией.

Выбравшись на берег, Марк почувствовал, как его вновь охватывает тревога. Опасность еще не миновала. Пока нет. Девушка по-прежнему может создать проблемы, хотя, раз уж до сих пор держала рот на замке, маловероятно, что

она вдруг решится нарушить молчание. К Лине Эбботт можно относиться по-разному, но одного у нее не отнять: она умела хранить верность и держать слово. И теперь, когда мать уже не будет оказывать на нее дурное влияние, она может стать вполне приличным человеком.

Он еще немного посидел на берегу, опустив голову, слушая журчание воды и чувствуя тепло солнечных лучей на плечах. Мокрая спина высыхала, и его приподнятое настроение стало улетучиваться, уступая место предчувствию, что основания для надежды имелись.

Услышав шум, Марк поднял голову. Кто-то приближался. Он узнал ее фигуру, мучительную медлительность походки, и сердце в его груди тревожно забилось. Луиза.

Луиза Уиттакер

На берегу сидел мужчина. Сначала Луизе показалось, что он голый, но, когда он поднялся, она увидела, что на нем плавки, узкие и облегающие. Она смутилась. Это был мистер Хендерсон.

Когда Луиза приблизилась, он уже успел обернуть вокруг талии полотенце и натянуть футболку.

— Миссис Уиттакер, как вы?

— Луиза, — поправила она. — Пожалуйста.

Он наклонил голову, слегка улыбнулся.

— Луиза. Как вы?

Она попыталась улыбнуться в ответ.

— Сами знаете.

Он не знал. Никто не знал.

— Говорят… Психологи говорят, что бывают хорошие дни, а бывают плохие, и это надо просто принять.

Марк кивнул и отвел взгляд, и она заметила, как он покраснел, явно смутившись.

Оба чувствовали себя неловко. До того как ее жизнь разбилась вдребезги, она никогда не задумывалась, насколько не по себе бывает людям, с которыми заговаривает человек, переживший горе. Сначала эту скорбь признавали, уважали и принимали в расчет. Но позднее она начала мешать — беседе, смеху, нормальной жизни. Всем хотелось оставить ее в прошлом и продолжать жить, и тут появлялась Луиза со своим горем, действуя всем на нервы и волоча за собой тело своего мертвого ребенка.

— Как вода? — спросила она, и он покраснел еще больше. Вода, вода, вода — в этом городе от нее никуда не деться. — Наверное, холодная?

Марк потряс головой, как мокрая собака.

— Бррр! — произнес он и натянуто рассмеялся.

Оба думали об одном и том же, и она чувствовала, что должна об этом заговорить.

— Вы слышали о матери Лины?

Как будто кто-то мог не слышать. Мог жить в этом городе и не знать.

— Да, ужасно. Настоящий кошмар. Такой шок. — Он замолчал и, так и не дождавшись реакции Луизы, продолжил: — Э-э… я хочу сказать, что в курсе, что вы с ней… — Не договорив, он обернулся и бросил взгляд на свою машину.

Он не знал, как уйти, бедняга.

— Не совсем ладили? — закончила за него Луиза, играя талисманом в виде маленькой голубой птички, висевшей на шее. — Да, мы не ладили. Но все равно…

«Но все равно» было всем, что она смогла из себя выжать. Сказать «не ладили» про их отношения с Нел значило не сказать ничего, но говорить об этом не имело смысла. Мистер Хендерсон отлично знал о вражде между ними, и будь она проклята, если станет стоять тут на берегу реки и делать вид, будто смерть Нел Эбботт ее опечалила. Притворяться она не могла, да и не хотела.

Слушая психологов, она знала, что все их слова чушь и в ее жизни больше никогда не будет ни одного хорошего дня, но все же в последние сут-

ки или около того она не могла не чувствовать торжества.

— Такой ужасный конец, — продолжал мистер Хендерсон, — и то, как это произошло… как она сорвалась…

Луиза мрачно кивнула.

— Может, ей самой этого хотелось. И она сделала то, что хотела.

Марк нахмурился.

— Вы думаете, что она… что это не было случайностью?

Луиза покачала головой:

— Понятия не имею.

— Да нет, конечно, нет. — Он помолчал. — По крайней… по крайней мере, теперь то, что она писала, уже наверняка не опубликуют, верно? Ведь книга о заводи, над которой она работала, не закончена? И потому не может быть опубликована…

Луиза смерила его насмешливым взглядом.

— Вы так думаете? А вот мне кажется, что ее смерть, напротив, повышает шансы на издание. Женщина пишет книгу о людях, погибших в Смертельной заводи, и сама же лишается жизни в воде. Полагаю, что желающие опубликовать это найдутся.

Марк с ужасом смотрел на нее.

— Но Лина… наверняка Лина… этого не захочет.

Луиза пожала плечами.

— Кто знает? — снова спросила она. — Ведь авторский гонорар будет выплачиваться ей. — Она вздохнула. — Мне пора, мистер Хендерсон. — Она похлопала его по руке, и он накрыл ее руку своей.

— Мне очень жаль, миссис Уиттакер, — произнес он, и она была тронута, увидев в его глазах слезы.

— Луиза, — поправила она. — Зовите меня Луиза. И я знаю. Знаю, что вы чувствуете.

Луиза направилась обратно. Такая прогулка по тропинке вдоль реки занимала несколько часов, а в жаркие дни даже больше, но иного способа хоть чем-то себя занять она не находила. Не то чтобы других дел у нее не было. Надо связаться с агентами по недвижимости, начать наконец поиск подходящей школы. Поменять постельное белье, разобрать шкаф и убрать ставшую ненужной одежду. Сын тоже требовал внимания. Наверное, завтра. Всем этим она займется завтра, а сегодня Луиза шла вдоль реки и думала о дочери.

Сегодня, как и во все предыдущие дни, она

вновь безрезультатно пыталась воскресить в памяти хоть какие-то особенности в поведении дочери, те самые «красные флажки», которые так и не сумела заметить. Она постоянно задавалась вопросом, что могло указывать на проблемы в счастливой жизни ее дочери. Потому что, если быть откровенной, Кэти никогда не давала им повода для беспокойства. Она была яркой, способной и уравновешенной девочкой с твердым характером.

Ее переход из детства в юность произошел легко и просто, она восприняла его совершенно спокойно. Если Луиза иногда и переживала, то только из-за того, что Кэти, похоже, вообще могла обходиться без заботы и внимания родителей. Ее ничто не раздражало, и ничто не мешало ей радоваться жизни — ни школьные занятия, ни навязчивое общество лучшей подруги, ни даже шокирующий в своей стремительности расцвет взрослой красоты. Луиза отлично помнила, какое острое чувство стыда она сама испытывала подростком, замечая, как мужчины смотрят на ее тело, но Кэти это ничуть не смущало. Другие времена, объясняла себе Луиза, и девочки сейчас тоже другие.

Луизу и ее мужа Алека беспокоила не Кэти, их

беспокоил Джош. Он всегда был чувствительным и нервным ребенком, но в этом году что-то изменилось и угнетало его; казалось, с каждым днем он становился все более скрытным и замыкался в себе. Они переживали, что над ним могли издеваться в школе, что он стал хуже учиться, что по утрам у него под глазами темные круги.

Наверное, — а какая может быть другая причина? — пока они следили за сыном, боясь, что тот может упасть, оступилась их дочь, а они и не заметили, и потому не смогли вовремя подхватить и поддержать ее. Чувство вины, как ком в горле, не позволяло ей дышать — она думала, что в конце концов оно окончательно ее задушит, но этого никак не происходило, и она была вынуждена жить дальше — жить и помнить.

В тот последний вечер Кэти была очень тихой. Они ужинали втроем, потому что Джош остался ночевать у своего друга Хьюго. Обычно они не разрешали этого в учебные дни, но тогда сделали исключение, потому что беспокоились о том, что с ним происходит. Они воспользовались возможностью поговорить об этом с Кэти. Они спросили, не заметила ли она, что в последнее время Джош из-за чего-то переживает?

— Наверное, из-за того, что на будущий год

будет учиться уже в обычной, а не начальной школе, — ответила она, не глядя на родителей и уткнувшись в тарелку, и голос ее слегка дрогнул.

— С ним все будет в порядке, — заметил Алек. — Там будет учиться половина их класса. Да и ты тоже.

Луиза помнила, как при этих словах Алека Кэти сжала в руке стакан с водой. Помнила, как она с трудом сглотнула и на секунду прикрыла глаза.

Они вместе помыли посуду. Луиза мыла, а Кэти вытирала, потому что посудомоечная машина сломалась. Луиза помнила, что предложила убрать все сама, если Кэти надо делать уроки, на что Кэти сказала, что все уже сделала. Луиза помнила, что каждый раз, беря у нее вытереть тарелку, Кэти касалась ее руки чуть дольше, чем это было необходимо.

Правда, сейчас Луиза не была уверена, действительно ли все происходило именно так. Отводила ли Кэти взгляд, опуская глаза в тарелку? Сжимала ли в руке стакан с водой и касалась ли ее руки не так, как обычно? Ответить сейчас наверняка было невозможно, а все ее воспоминания представлялись ненадежными и могли быть истолкованы неправильно. Не исключено, что причиной стал шок от осознания, что все, в чем она была так

уверена, на самом деле оказалось совсем не так. А может, неуверенность объясняется тем, что ее ум был затуманен действием лекарств, которые она постоянно принимала после смерти Кэти. Луиза глотала таблетки горстями: они давали временное забвение, на смену которому неизменно приходил кошмар пробуждения. Через какое-то время она пришла к выводу, что часы забытья не стоили ужаса осознания каждый раз заново, что ее дочери больше нет.

Но в одном она не сомневалась: когда Кэти прощалась с ней перед сном, она улыбнулась и поцеловала ее так, как делала это всегда. Она обнимала ее не крепче и не дольше, чем обычно, и сказала:

— Спокойной ночи.

Как она могла так себя повести, зная, что собирается сделать?

От слез тропинка впереди расплылась, и Луиза заметила натянутую ленту полицейского ограждения, только когда на нее налетела. «Полицейское ограждение. Не заходить». Она уже проделала полпути вверх по склону и приближалась к вершине, теперь ей пришлось резко повернуть налево и сделать крюк, чтобы не потревожить то место, на котором Нел Эбботт

стояла перед смертью.

Она обогнула вершину и направилась вниз по склону холма. Ноги уже ныли, волосы слиплись от пота, но там, где тропинка вилась среди зарослей деревьев на краю заводи, ее ждала спасительная тень. Пройдя еще примерно километр по тропинке, она добралась до моста и начала подниматься по ступенькам к дороге. Слева появилась группа девочек, и Луиза по привычке поискала взглядом, нет ли среди них ярких каштановых волос дочери, напрягла слух, не раздается ли ее смех. Ее сердце снова оборвалось.

Она смотрела, как девочки, обняв друг друга за плечи, образуют круг, в центре которого находится Лина Эбботт. Лина, такая одинокая в эти последние месяцы, получила свою минуту славы. Теперь она тоже окажется в центре внимания, ее будут сначала жалеть, а потом избегать.

Луиза отвернулась от девушек и направилась вверх по холму в сторону дома. Она сгорбилась и опустила голову, надеясь, что ей удастся проскользнуть незамеченной, потому что смотреть на Лину Эбботт было невыносимо, при виде ее у Луизы возникали ужасные мысли. Но девушка заметила ее и крикнула:

— Луиза! Миссис Уиттакер! Пожалуйста, по-

дождите.

Луиза пыталась ускорить шаг, но ноги уже плохо ее слушались, сердце походило на сдувшийся воздушный шар, а Лина была молодой и сильной.

— Миссис Уиттакер, мне надо с вами поговорить.

— Не сейчас, Лина. Извини.

Лина коснулась руки Луизы, но та отстранилась — она не могла ее видеть.

— Мне очень жаль. Но я не могу сейчас с тобой разговаривать.

Луиза превратилась в бездушного монстра, в чудовище, которое отказывалось утешить ребенка, потерявшего мать. И что гораздо хуже — которое не могло смотреть на эту девочку и не думать: «Почему это была не ты? Почему не ты оказалась в воде, Лина? Почему моя Кэти? Добрая, нежная, великодушная, трудолюбивая и целеустремленная — она во всех отношениях лучше тебя. Она никогда не должна была оказаться в воде. На ее месте должна была быть ты».

Даниэла Эбботт

Смертельная заводь

(Из неопубликованной рукописи)

Пролог

Когда мне было семнадцать лет, я вытащила из воды сестру, не дав ей утопиться. Но началось все, как ни странно, совсем не с этого.

Есть люди, которых тянет к воде, в них живет некая изначальная и рудиментарная привязанность к местам, где она течет. Мне кажется, что я одна из них. Возле воды, и этой реки в первую очередь, я чувствую себя особенно живой. Здесь я научилась плавать, здесь ощутила себя частью природы, почувствовала радость и удовольствие от владения своим телом.

После переезда в Бекфорд в 2008 году я купалась в реке почти каждый день, зимой и летом, иногда с дочерью, иногда одна, и сама мысль, что место, которое стало для меня источником истинного наслаждения, может вызывать в других страх и ужас, придавала моим ощущениям особую остроту.

Я спасла сестру от смерти, вытащив ее из воды, когда мне было семнадцать

лет, но заводью Бекфорда была одержима задолго до этого. Мои родители любили рассказывать разные истории, особенно мама: это от нее я впервые услышала о трагической судьбе Либби, о страшной резне в коттедже Уордов, о шокирующей истории мальчика, видевшего, как его мать прыгнула с обрыва и разбилась насмерть. Я заставляла ее пересказывать их снова и снова и помню, как возмущался отец («Эти рассказы не для детей») и как не соглашалась с ним мама («Наоборот! Это же история!»).

Ее рассказы пустили ростки, и задолго до того как моя сестра зашла в воду, как я взяла в руки камеру или ручку, я часами напролет грезила наяву, представляя, что они чувствовали и какой холодной была вода в последний день их жизни.

Теперь, повзрослев, я понимаю, что тайна, которая никак не дает мне покоя, конечно же, связана с нашей семьей. Казалось бы, никакой тайны быть не должно, но она есть, потому что, несмотря на все мои усилия наладить отношения, сестра упорно отказывается разгова-

ривать со мной уже много лет. Из-за ее молчания я пыталась сама представить, что заставило ее отправиться на реку посреди ночи, но даже со своим исключительно богатым воображением так и не смогла ничего придумать. Потому что моя сестра никогда не была склонна к драматизму, она не из тех, кто способен совершить вызывающий поступок. Она могла быть скрытной, себе на уме и такой же мстительной, как сама вода, но я до сих пор теряюсь в догадках. Неужели так будет всегда?

Я решила, что, пытаясь разобраться в себе, в нашей семье и историях, которые мы рассказываем друг другу, попробую найти смысл в этих преданиях Бекфорда и изложить на бумаге последние мгновения жизни женщин, расставшихся с ней в Смертельной заводи, так, как они мне представляются.

Ее название говорит само за себя, и все же – что это такое? Простой изгиб реки, ничего более. Обычная извилина. Ее легко найти, если идти вниз по течению и наблюдать, как река, набухая и ширясь,

дарит жизнь и отнимает ее. Вода в ней то холодная и чистая, то стоячая и грязная. Затем река петляет через лес, разрезая, будто хлебный мякиш, Чевиот-Хилс, и к северу от Бекфорда замедляет свой бег, чтобы ненадолго перевести дух в Смертельной заводи.

Тут царит настоящая идиллия: в тени дубов вьется тропинка, склоны холмов усеяны живописными рощицами из буков и платанов, а на южной стороне раскинулся пологий песчаный берег. Идеальное место для купания, прогулок с детьми и пикника в солнечный день.

Но впечатление это обманчивое, ибо место это коварное и губительное. Под зеркальной поверхностью темной воды скрываются водоросли, готовые опутать и навсегда утащить тебя в подводное царство, и острые камни, легко разрезающие плоть. А рядом, бросая вызов и провоцируя, нависает серая громада сланцевого утеса.

За несколько веков это место унесло жизни Либби Ситон, Мэри Марш, Энн Уорд, Джинни Томас, Лорен Слейтер,

Кэти Уиттакер и бесчисленного множества других, безымянных и безликих женщин. Я хотела узнать, как и почему это произошло и что их жизни и смерти говорят нам о нас самих. Есть люди, которым эта затея не нравится, им больше по душе замалчивать и утаивать. Но я никогда не относилась к тем, кто прячет голову в песок.

Эту книгу воспоминаний о своей жизни и заводи Бекфорда мне хотелось бы начать не с утопления, а с плавания. Потому что все начинается именно с него – с испытания ведьм водой. Сюда, в мою заводь, в чудесный мирный уголок всего в километре от того места, где я сейчас сижу, притаскивали ведьм, связывали и бросали в воду, проверяя, утонут они или выплывут.

Одни утверждают, что эти женщины оставили в воде часть себя, другие – что воде передалась их власть, ибо с тех пор она притягивает к своим берегам несчастных, отчаявшихся и потерявших всякую надежду женщин. Они приходят сюда, чтобы соединиться со своими сест-

рами.

Эрин Морган

Бекфорд — чертовски странное место. Красивое, местами даже потрясающее, но при этом странное, какое-то обособленное, отрезанное от окружающего мира. Город действительно стоит особняком, и до цивилизованного мира надо добираться на машине несколько часов. Если, конечно, считать Ньюкасл цивилизованным, в чем лично я сомневаюсь. Бекфорд — странное место, в нем полно людей со странностями, да и в его истории немало необычного. Через город протекает река, и что удивительно — куда бы вы ни направились, все равно окажетесь на ее берегу. Так, во всяком случае, кажется.

Что-то странное есть и в инспекторе уголовной полиции. Он из местных, поэтому вряд ли этому стоит удивляться. Мне это бросилось в глаза при первой же встрече вчера утром, когда из воды вытащили тело Нел Эбботт. Он стоял на берегу, уперев руки в бока и наклонив голову. Он с кем-то разговаривал — как потом выяснилось, с судмедэкспертом, — но издали все выглядело так, будто он молился. Я даже решила, что он священник. Высокий худой мужчина в темном на фоне чер-

ной воды, сзади высится скала, а у его ног лежит женщина с безмятежным бледным лицом.

Не безмятежным, конечно, а мертвым. Но лицо не было искажено, на нем не имелось повреждений. Если не видеть ее тела, сломанных конечностей или неестественно выгнутой спины, можно было бы решить, что она утонула.

Я представилась инспектору, и мне сразу показалось, что в нем было нечто странное — слезящиеся глаза, легкая дрожь пальцев, которую он пытался подавить, потирая ладонью запястье. Мне невольно вспомнился отец, когда он вставал с похмелья, — нужно было говорить тихо и не привлекать к себе внимания.

Не привлекать к себе внимания казалось хорошей идеей в любом случае. За опрометчивую связь с коллегой меня поспешно перевели из Лондона на север меньше трех недель назад. Честно говоря, мне хотелось заниматься исключительно ведением порученных дел и поскорее забыть все лондонские неприятности. Я не сомневалась, что сначала мне придется выполнять скучную рутинную работу, но меня решили подключить к расследованию подозрительной смерти. Смерти женщины, чье тело обнаружил в воде мужчина, гулявший с собакой. Погибшая была полностью

одета, так что точно не купалась.

«Почти наверняка это окажется самоубийством. Она найдена в Смертельной заводи Бекфорда», — заявил старший инспектор.

Об этом я и спросила инспектора Таунсенда в самом начале:

— Вы считаете, что она прыгнула с обрыва сама?

Он смерил меня оценивающим взглядом и показал на вершину утеса.

— Поднимитесь, — сказал он, — найдите эксперта и узнайте, что им удалось обнаружить. Следы борьбы, кровь, оружие. Хорошо бы найти телефон, потому что при ней его не было.

— Сделаю.

Перед уходом я еще раз бросила взгляд на женщину и подумала, как печально она выглядела — такой будничной и невзрачной.

— Ее зовут Даниэла Эбботт, — пояснил Таунсенд, чуть повысив голос. — Местная жительница. Она писатель и фотограф, причем довольно успешный. У нее есть дочь пятнадцати лет. Вот ответ на ваш вопрос: нет, я не думаю, что она совершила самоубийство.

Мы направились на обрыв вместе. Путь туда лежал через небольшой пляж возле заводи, а потом

тропинка уходила вправо в небольшую рощицу, после чего круто забирала вверх на вершину хребта. На отдельных участках поблескивала невысохшая грязь, и было видно, как на ней все скользили, стирая оставленные прежде следы. На обрыве у меня закружилась голова, а к горлу подкатил ком.

— Боже!

Таунсенд оглянулся. Моя реакция, похоже, его позабавила.

— Боитесь высоты?

— Совершенно естественный страх оступиться и разбиться насмерть, — ответила я. — Вообще-то тут следовало бы установить какое-нибудь ограждение. Тут точно небезопасно, или я не права?

Инспектор промолчал и пошел дальше, опасно приблизившись к краю обрыва. Я старалась держаться поближе к кустам можжевельника, чтобы не смотреть с отвесной скалы вниз на воду.

Бледный лохматый эксперт-криминалист — почему-то они всегда такие — не мог порадовать нас ничем интересным.

— Ни крови, ни оружия, ни очевидных признаков борьбы, — сообщил он, пожимая плечами. — Свежий мусор тоже не дает никаких зацепок. Правда, ее видеокамера сломана. И в ней нет

карты памяти.

— Ее камера?

Лохматый повернулся ко мне:

— Представляете? Для работы над своим проектом она установила видеокамеру с датчиком движения.

— Зачем?

Он пожал плечами:

— Чтобы снимать тут людей… или узнать, зачем они сюда поднимаются? Знаете, из-за истории этого места сюда иногда забредают всякие чудики. А может, она хотела снять, как кто-нибудь совершает самоубийство…

Он поморщился.

— Господи! И кто-то вывел из строя камеру? Это… странно.

Он согласно кивнул.

Таунсенд вздохнул и сложил руки на груди.

— Действительно, странно. Хотя может ничего и не означать. Ее оборудование ломали и раньше. Не все местные жители одобряли то, чем она занималась. На самом деле, — он сделал еще пару шагов к краю пропасти, и голова у меня снова закружилась, — я даже не уверен, что она заменила камеру после последней поломки.

Он бросил взгляд на реку.

— Есть ведь еще одна, верно? Она закреплена где-то внизу. Ее осмотрели?

— Да. Похоже, с ней все в порядке. Мы заберем ее, однако…

— На ней ничего не будет.

Лохматый эксперт снова пожал плечами:

— Наверное, там будет снято, как она упала в воду, но это не поможет узнать, что случилось наверху.

С тех пор прошло больше суток, но мы нисколько не продвинулись в расследовании обстоятельств случившегося. Телефон Нел Эбботт так и не нашелся. Если она действительно прыгнула вниз с обрыва по собственной воле, то могла запросто его выкинуть. Если же просто сорвалась и упала, то телефон мог зарыться в ил или его могло унести течением. А если ее столкнули, то тот, кто это сделал, мог сначала отнять у нее телефон, но, поскольку на площадке отсутствовали следы борьбы, такой вариант представлялся маловероятным.

Я отвезла Джулс (она настаивала, чтобы ее называли именно так, а не Джулией) на опознание в больницу, потом домой и на обратном пути заблудилась. Я высадила ее у Милл-Хаус и думала, что еду в участок, но вскоре поняла, что

ошиблась: после моста я почему-то сделала круг и снова оказалась у реки. Как я уже говорила, не важно, в какую сторону здесь сворачивать, все равно выезжаешь к реке. Как бы то ни было, я достала телефон, чтобы посмотреть, где нахожусь, и тут заметила группу девушек, идущих по мосту. От нее отделилась Лина, ростом на голову выше остальных.

Я вылезла из машины и направилась за ней. Я хотела уточнить кое-что, сказанное Джулс, но она уже разговаривала с женщиной лет сорока, причем они явно ссорились. Я увидела, как Лина схватила ее за руку, а женщина отшатнулась и закрыла лицо руками, будто закрываясь от удара. Потом они неожиданно разошлись: Лина пошла налево, а женщина направилась вверх по холму. Я догнала Лину, но та отказалась объяснить, в чем дело. Она говорила, что все в порядке, что они вовсе не ссорились и это вообще не мое дело. Она явно храбрилась, но по ее лицу ручьем текли слезы. Я предложила подвезти ее домой, но она велела мне убираться.

Так я и сделала, вернулась в участок и рассказала Таунсенду подробности о формальном опознании Джулс Эбботт тела своей сестры.

Как и следовало ожидать, процедура опознания

тоже прошла со странностями.

— Она не плакала, — сообщила я начальнику, и он кивнул, будто подобная реакция в порядке вещей. — Но это не нормально, — настаивала я. — И причина тут совсем не в шоке. Все это очень странно.

Он поерзал в кресле. Сидя за столом в крошечном кабинете, он казался слишком крупным для него: создавалось впечатление, что стоит ему подняться, как он непременно ударится головой о потолок.

— В каком смысле «странно»?

— Трудно объяснить, но она словно разговаривала, не произнося ни слова. И это точно были не беззвучные рыдания. Очень странно. Ее губы шевелились, будто она что-то говорила, с кем-то говорила. Беседовала.

— Но вы ничего не слышали?

— Ничего.

Он бросил взгляд на экран ноутбука, потом снова посмотрел на меня:

— И это все? Она что-нибудь вам сказала? Что-нибудь еще, что-нибудь полезное?

— Она спросила насчет браслета. Насколько я поняла, у Нел имелся браслет, принадлежавший их матери. И она его постоянно носила, во вся-

ком случае, когда они виделись в последний раз много лет назад.

Таунсенд кивнул, потирая запястье.

— Среди ее вещей браслета нет, я проверял. Из украшений на ней было только кольцо.

Он надолго замолчал, и я уже решила, что беседа закончена, и собралась уходить, как вдруг он произнес:

— Надо спросить об этом у Лины.

— Я собиралась, но она не захотела со мной разговаривать, — ответила я и рассказала о случившемся на мосту.

— Опишите, как выглядела та женщина, — попросил он.

Я так и сделала: чуть за сорок, немного полновата, темные волосы, одета в длинный красный жакет, несмотря на жару.

Таунсенд не сводил с меня изучающего взгляда.

— Есть идеи, кто это может быть?

— О да, — сообщил он, глядя на меня, как на неразумного ребенка.

— И кто?

— А вы вообще в курсе событий, имеющих отношение к делу?

— Нет, — покачала головой я.

Мне захотелось напомнить ему, что, будучи местным жителем, именно ему следовало рассказать мне все, что могло оказать помощь в расследовании.

Он вздохнул и принялся что-то набирать на клавиатуре.

— Чтобы ускорить нашу работу, вы должны быть в курсе всего. Вам должны были передать все необходимые материалы. — Он с силой ударил по клавише, будто печатал на обычной пишущей машинке, а не на дорогом ноутбуке. — И еще вам нужно прочитать рукопись Нел Эбботт. — Он хмуро посмотрел на меня. — Проект, над которым она работала. Думаю, что книга планировалась как дорогое подарочное издание. Фотографии Бекфорда и рассказы о нем.

— История города?

Таунсенд резко выдохнул.

— Вроде того. Ее личная трактовка событий. Вполне определенных. Ее… ви́дение их. Как я уже говорил, не всем местным это нравилось. Как бы то ни было, у нас есть экземпляры того, что она успела написать. Констебль передаст вам один из них. Попросите Келли Бьюкен — она в помещении при входе. Дело в том, что один из случаев, описанных в книге, был о Кэти Уиттакер,

покончившей с собой в июне. Кэти была близкой подругой Лины Эбботт, а Луиза, ее мать, дружила с Нел. Затем они поссорились, судя по всему из-за того, чем занималась Нел, а когда Кэти умерла…

— Луиза винила в этом ее, — закончила я. — Она считает, что это ее вина.

— Да, — кивнул он.

— Тогда мне надо пойти и поговорить с ней, с этой Луизой.

— Нет, — отрезал он, не сводя глаз с экрана. — Я сам поговорю с ней. Я ее знаю. Мне было поручено вести расследование смерти ее дочери. — Он снова надолго замолчал.

Поскольку он не отпустил меня, я в конце концов заговорила первой:

— А имелись подозрения, что к смерти Кэти кто-то причастен?

Таунсенд покачал головой:

— Никаких. Нам не удалось найти вразумительной причины, толкнувшей ее на самоубийство, но вы не хуже меня знаете, что ее может и не быть. Во всяком случае, понятной тем, кто остался жить. Но она оставила прощальную записку. — Он провел рукой по глазам. — Ужасная трагедия.

— Выходит, в этом году на реке погибли две женщины? — удивилась я. — Две женщины, ко-

торые знали друг друга и общались…

Инспектор молчал и не смотрел на меня, я даже не была уверена, что он слушает.

— И сколько там погибло женщин? Я имею в виду, в общей сложности?

— За какой период? — поинтересовался он, снова качая головой. — Как далеко в прошлое вы хотите заглянуть?

Как я уже сказала, все это было чертовски странно.

Джулс

Я всегда тебя немного боялась. Ты это знала, тебе это нравилось, нравилась власть, которой ты обладала, держа меня в страхе. Думаю, что, несмотря на обстоятельства, сегодняшний день тебя бы порадовал.

Меня попросили опознать твое тело — Лина вызвалась съездить сама, но ей не разрешили, так что мне пришлось согласиться. Потому что больше некому. Несмотря на то что я не хотела тебя видеть, я знала, что должна была это сделать, поскольку увидеть тебя было лучше, чем представлять, — воображаемые ужасы всегда страшнее реальности. И мне надо было тебя увидеть, потому что мы обе знали: я не поверю, не смогу поверить, что тебя больше нет, пока не

увижу твое тело собственными глазами.

Ты лежала на каталке в центре холодной комнаты, накрытая светло-зеленой простыней. Там находился молодой человек в медицинском костюме, он кивнул нам с детективом Морган, и та кивнула в ответ. Когда он потянулся, чтобы откинуть простыню, я задержала дыхание. Так страшно мне не было с детства.

Я ждала, что ты на меня набросишься. Но этого не произошло. Ты лежала неподвижно и была очень красивой. Твое лицо всегда отличалось выразительностью, выражая радость или злость, и даже сейчас в его чертах это легко угадывалось. Да, ты осталась прежней и такой же красивой, и потом вдруг до меня дошло: ты прыгнула с обрыва.

Как это — ты прыгнула с обрыва?!

Ты прыгнула с обрыва?!

Этого не может быть! Ты бы ни за что не стала прыгать вниз, если бы хотела покончить с собой. Ты сама мне рассказывала. Говорила, что скала для этого недостаточно высока. От ее вершины до воды всего пятьдесят пять метров, и при падении можно выжить. Говорила, что если действительно ищешь смерти, то делать все надо наверняка. Бросаться головой вниз. Если кто-то

окончательно решил расстаться с жизнью, ему надо не прыгать, а нырять.

А если есть сомнения, то зачем вообще об этом думать? Не надо быть размазней, говорила ты. Таких никто не любит.

При падении можно выжить, но можно и погибнуть. В конце концов, вот ты лежишь здесь, и ты не бросилась вниз головой. Ты просто шагнула, ударилась о воду ногами, и теперь лежишь мертвая с переломанными конечностями и позвоночником. Что это значит, Нел? Что в последний момент у тебя сдали нервы? (На тебя это совсем не похоже.) Не решилась броситься вниз головой, чтобы не разбить свое красивое лицо? (Ты всегда была очень тщеславной.) У меня просто не укладывалось в голове. На тебя совсем не похоже делать то, чего ты не собиралась, и нарушить свои планы.

(Лина сказала, что в этом нет ничего удивительного, но что она может знать?)

Я взяла тебя за руку, и она показалась мне чужой. Не потому, что была холодной, но я не узнавала ее на ощупь. Когда я в последний раз держала тебя за руку? Наверное, когда ты взяла мою на похоронах мамы? Я помню, как отвернулась от тебя и посмотрела на папу. Я помню

выражение твоего лица. (А чего ты ждала?) Сердце у меня окаменело, и его биение стало похожим на скорбный стук барабана.

— Извините, но вам нельзя ее трогать, — произнес кто-то.

Над головой гудели лампы, подчеркивая матовую бледность твоей кожи на фоне стальной каталки. Я приложила большой палец к твоему лбу и провела им по щеке.

— Пожалуйста, не трогайте ее, — повторила стоявшая позади детектив Морган. Я слышала гул ламп и ее ровное и мерное дыхание.

— А где ее вещи? — спросила я. — Одежда, в которой она была, и украшения?

— Их вам вернут, когда криминалисты закончат осмотр, — пояснила детектив.

— А на ней был браслет?

Морган покачала головой:

— Я не знаю, но вам вернут все, что было на ней.

— Браслет обязательно должен быть, — тихо сказала я, глядя на Нел. — Серебряный браслет с застежкой из оникса. Он принадлежал маме, и на нем была гравировка с ее инициалами. С. Д. Сара Джейн. Она носила его постоянно. Сначала мама, потом ты. — Поймав на себе удивленный взгляд

детектива, я поправилась: — Я хотела сказать «она». Нел носила.

Я снова перевела взгляд на тебя, на тонкое запястье с голубыми прожилками вен, на котором ты всегда носила браслет. Мне снова захотелось до тебя дотронуться, ощутить гладкость твоей кожи. Я была уверена, что могу разбудить тебя. Я прошептала твое имя и ждала, как у тебя дрогнут веки, глаза откроются и уставятся на меня. Я даже подумала, не стоит ли тебя поцеловать, чтобы вернуть к жизни, как Спящую красавицу, и невольно улыбнулась, потому что подобное сравнение наверняка бы тебя разозлило. Ты никогда не была похожей на тихую принцессу, которая терпеливо ждет своего принца, — ты была другой. Ты находилась на стороне темных сил, злой мачехи, колдуньи.

Почувствовав на себе взгляд детектива, я поджала губы, чтобы подавить улыбку. Мои глаза оставались сухими, голос не слушался, и заданный шепотом вопрос беззвучно повис в воздухе:

— Что ты хотела мне рассказать?

Лина

На опознание должны были пустить меня. Это я ее ближайшая родственница, ее семья. Это я ее любила. Это я должна была поехать, но мне не

разрешили. Меня оставили одну в пустом доме, где было нечего делать, только курить, пока не кончатся сигареты. Я отправилась за ними в магазин — толстая продавщица иногда просит документ, удостоверяющий личность, но я знала, что сегодня она его спрашивать не будет. При выходе из магазина я увидела, как мне навстречу двигается стайка идиоток из школы: Таня, Элли и другие.

При виде них меня затошнило, и я, опустив голову, отвернулась и быстро зашагала в другую сторону, но они меня заметили, окликнули и бросились догонять. Я не знала, что им от меня нужно. А потом они меня обступили, стали обнимать, говорить, как им жаль, и Элли даже сподобилась выжать из себя пару фальшивых слез. Я позволила им выражать сочувствие, обнимать и гладить меня по голове. Вообще-то чувствовать их прикосновения было даже приятно.

Мы шли по мосту, и они предложили пойти к коттеджу Уордов, принять там «колеса», а потом искупаться. Таня сказала, что «это меня встряхнет и позволит расслабиться». Чертова идиотка! Неужели она и впрямь считала, что мне сегодня есть дело до наркоты и купания? Я размышляла,

что им ответить, но тут увидела Луизу и, не говоря ни слова, направилась к ней. Помешать мне они не могли.

Сначала я решила, что она меня не слышит, но, догнав, увидела на ее лице слезы и поняла, что она не хочет меня видеть. Я схватила ее за руку. Не знаю почему, но мне не хотелось, чтобы она ушла, оставив меня с этими чертовыми гиенами с их напускной жалостью. На самом деле случившаяся трагедия была для них всего лишь развлечением. Луиза попыталась освободиться и сказала, разжимая мои пальцы:

— Извини, Лина, мне очень жаль. Но я не могу сейчас с тобой разговаривать. Просто не могу.

Мне хотелось ей напомнить, что она потеряла дочь, а я потеряла мать. Разве это нас не объединяет? Неужели она и сейчас не может меня простить?

Но я промолчала, а потом появилась эта женщина из полиции, которая вообще не в курсе, и стала спрашивать, из-за чего мы ссорились. Я послала ее подальше и пошла домой.

Я думала, что к моему возвращению Джулия уже будет дома. Ну сколько надо времени, чтобы добраться до морга, увидеть, как с лица убирают простыню, и сказать: да, это она? Джулия же не

из тех, кому захочется побыть рядом с ней, взять за руку, погладить, как это сделала бы я.

В морг надо было ехать мне, но меня не пустили.

Я не могу даже слушать музыку, потому что теперь все обретает какой-то другой смысл, которого я раньше не замечала, и становится совсем тяжело. Не хочу все время плакать — от этого заболят грудь и горло, а хуже всего то, что никто не придет на помощь. Просто некому прийти. Я лежала на кровати и курила одну сигарету за другой, пока не услышала, как открылась входная дверь.

Она не стала меня звать. Захлопала на кухне дверцами шкафов, загремела кастрюлями и сковородками. Я ждала, что она поднимется ко мне, но в конце концов ждать мне надоело, от сигарет уже тошнило, и, почувствовав сильный голод, я спустилась сама.

Она стояла у плиты и что-то помешивала, потом повернулась и, увидев меня, вздрогнула от неожиданности. Но это был не невольный испуг — на ее лице застыл страх.

— Лина, — сказала она. — Как ты?

— Ты ее видела? — спросила я.

Она кивнула и опустила глаза.

— Она выглядела… нормально.

— Это хорошо. Мне не хочется думать, что она…

— Нет, нет. Она не была… искалечена.

Она повернулась к плите.

— Ты любишь спагетти по-болонски? Я… я как раз их готовлю.

Я их люблю, но признаваться в этом мне не хотелось, и я промолчала. А вместо это спросила:

— А зачем ты солгала полиции?

Она резко обернулась, роняя на пол капли красного соуса с деревянной ложки.

— Ты о чем, Лина? Я не лгала…

— Лгала! Ты сказала, что давно не говорила с мамой, что вы не общались много лет…

— Так и есть.

Ее лицо и шея стали пунцовыми, а уголки рта опустились вниз, как у клоуна. И я поняла, что имела в виду мама, говоря о ее неприятной внешности.

— Я с ней ни разу толком не разговаривала с тех пор, как…

— Но она тебе постоянно звонила.

— Не постоянно. Изредка. И в любом случае, мы не разговаривали.

— Да, она рассказывала, что ты отказывалась с

ней общаться, как бы она ни старалась.

— Все не так просто, как тебе кажется, Лина.

— И в чем тут сложность? — взорвалась я. — В чем?!

Она отвернулась.

— Это ты во всем виновата.

Она положила ложку и сделала пару шагов мне навстречу. Руки она держала на бедрах, а на ее лице появилось выражение, с каким учителя отчитывают учеников за плохое поведение.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она. — В чем я виновата?

— Она хотела с тобой поговорить, ты была ей нужна…

— Я никогда не была ей нужна. Я никогда не была нужна Нел.

— Она была несчастна! — воскликнула я. — Неужели тебе наплевать?

Она отступила на шаг и вытерла лицо, будто я в него плюнула.

— Почему она была несчастна? Я не… Она никогда мне не говорила, что несчастна. Никогда.

— А что бы ты сделала, если бы она сказала? Ничего! Ты бы ничего не сделала, как не делала никогда. А как ужасно ты с ней обошлась, когда умерла ваша мама, или когда она пригласила

тебя навестить нас после переезда сюда, или приехать на мой день рождения, а ты даже не ответила! Ты ее просто не замечала, как будто ее вообще не существовало! Хотя отлично знала, что кроме тебя у нее никого нет…

— У нее была ты, — поправила меня Джулия. — И я понятия не имела, что она была несчастна, я…

— Да, была. Она больше не плавала.

Джулия замерла на месте, повернув голову к окну, будто прислушиваясь к чему-то.

— Что? — спросила она, по-прежнему глядя в сторону. Как будто смотрела на кого-то или на свое отражение. — Что ты сказала?

— Она перестала плавать. Сколько себя помню, она всегда ходила в бассейн или на реку, ходила каждый божий день. Плавание было ее страстью. Даже зимой, в жуткий мороз, когда приходилось разбивать лед, чтобы добраться до воды. А потом она вдруг перестала плавать. Ни с того ни с сего. Вот как несчастна она была!

Джулия продолжала стоять и смотреть в окно, как будто ждала кого-то.

— Лина… ты думаешь, она кого-то обидела? Или ей кто-то угрожал? Или…

Я покачала головой:

— Нет. Она бы мне сказала. Предупредила.

— Ты уверена? — возразила Джулия. — Дело в том, что у Нел… твоей мамы… была одна особенность, верно? Я имею в виду, что она умела задеть людей за живое, вывести их из себя…

— Нет, неправда! — возмутилась я, хотя такое иногда случалось, но только со стороны тех, кто ее не понимал. — Ты совсем ее не знала. Ты просто завистливая мерзавка, как была ею в молодости, так и осталась. Господи! Да о чем с тобой говорить!

Я выскочила из дома, хотя умирала от голода. Лучше голодать, чем сидеть с ней за одним столом, что равно предательству. Я вспоминала, как мама сидела с телефоном в руке, говорила, а в ответ ни слова. Жестокая гадина! Я тогда разозлилась и спросила, почему бы не перестать ей звонить? Почему не выкинуть ее из головы раз и навсегда? Она же явно не хочет иметь с нами ничего общего! А мама ответила, что это ее сестра, единственный родной человек. Тогда я спросила: а как же я? Разве я не родной человек? А мама засмеялась и сказала, что я больше, чем родной человек, я — ее часть.

И вот теперь больше нет части уже меня, а мне даже не разрешили ее увидеть. Не разрешили ни

взять ее за руку, ни поцеловать на прощание, ни сказать, как мне жаль.

Джулс

Я не пошла за ней. Мне не хотелось ее возвращать. Я сама не знала, чего хотела. Я просто стояла на ступеньках у входа, зябко потирая плечи, а мои глаза привыкали к сгущавшимся сумеркам.

Но я знала, чего не хотела. Не хотела никаких разборок, не хотела больше ничего слышать. В чем моя вина? Как я могу быть виновата? Если ты была несчастна, то никогда мне об этом не говорила. Если бы сказала, я бы точно выслушала. Я слышу у себя в голове твой смех при этих словах. Ладно, но ты могла мне сказать, что перестала плавать, Нел, и я бы поняла: что-то случилось. Ты сама мне говорила, что плавание было необходимым условием твоей жизни, что без него ты просто разваливалась на куски. Ничто не могло вытащить тебя из воды, как меня в нее затащить.

И все же это случилось. Какая-то причина нашлась.

Я вдруг ощутила дикий голод, неистовое желание немедленно набить желудок. Я вернулась на кухню, положила себе порцию спагетти, потом вторую, а затем и третью. Я ела, и ела, и ела, после

чего почувствовала отвращение к себе и пошла наверх.

Не включая свет, я опустилась на колени перед унитазом. От этой процедуры я давно отказалась, но теперь привычные навыки даже успокаивали. В темноте я наклонила голову, вызывая позывы к рвоте, лицо налилось кровью, из глаз потекли слезы, и меня вырвало. Когда в желудке ничего не осталось, я поднялась с колен, спустила воду и умылась, стараясь не встречаться с собой взглядом в зеркале, а смотреть только на отражение ванной позади.

Уже больше двадцати лет я ни разу не погружалась в воду целиком. После того как я едва не утонула, мне вообще было трудно даже умываться. Когда от тела начало пахнуть, мама силой заставила меня встать под душ и держала под ним.

Я закрыла глаза и снова плеснула водой в лицо. Я услышала, как на дороге возле дома притормозил автомобиль, и мое сердце тревожно заколотилось, но тут же успокоилось, стоило машине опять набрать скорость.

— Никто сюда не придет, — громко проговорила я. — Бояться совершенно нечего.

Лина не вернулась, и я понятия не имела, где ее

искать в этом городе, вдруг ставшем и знакомым, и чужим. Я легла в постель, но уснуть не могла. Каждый раз, закрывая глаза, я видела твое лицо — бледно-серое с лиловыми губами, — и мне представлялось, что они раздвигаются в улыбке, несмотря на полный крови рот.

— Прекрати, Нел! — снова громко сказала я, будто лишилась рассудка. — Перестань!

Я ждала, что ты ответишь, но слышала только тишину, которую нарушали лишь плеск воды да поскрипывание дома, качавшегося под напором реки. В темноте я нащупала на прикроватной тумбочке телефон и набрала голосовую почту. Электронный голос произнес, что новых сообщений нет и сохранено семь сообщений.

Последнее было оставлено в половине второго ночи прошлого вторника, меньше чем за неделю до твоей смерти.

«Джулия, это я. Пожалуйста, перезвони мне. Пожалуйста, Джулия. Это важно. И как можно скорее, ладно? Я… э-э… это важно. Ладно. Пока».

Я нажала клавишу с цифрой один, чтобы прослушать сообщение еще раз, а потом еще и еще. Я слушала твой голос, а не знакомую хрипотцу с чуть заметным и раздражающим заокеанским акцентом, я слушала тебя. Что ты пыталась мне

сказать?

Ты оставила сообщение посреди ночи, и я прослушала его рано утром, повернувшись в кровати и заметив светящийся экран. Услышав первые три слова «Джулия, это я», я выключила телефон. Я была уставшей, в плохом настроении и не хотела слышать твой голос. Я прослушала сообщение до конца позже. Ничего в нем не показалось мне странным или необычным. Вполне в твоем духе — оставить загадочное сообщение, чтобы возбудить мое любопытство. Ты проделывала это на протяжении многих лет, а потом, когда звонила в следующий раз через месяц или два, выяснялось, что не было никакого кризиса, никаких тайн, никаких особых событий. Просто такая игра. Ведь так?

Я прослушивала сообщение снова и снова и теперь не могла поверить, что не заметила сразу нехарактерную для тебя мягкость речи, нерешительность, то, как у тебя слегка перехватывало дыхание.

Ты боялась.

Чего ты боялась? Кого ты боялась? Местных жителей, которые просто наблюдают со стороны, но не приносят ни соболезнований, ни еды, ни цветов? Судя по всему, Нел, по тебе здесь не особо

скорбят. А может, ты боялась своей странной, черствой и колючей дочери, которая не плачет по тебе и утверждает, что ты сама себя убила, хотя у нее нет никаких тому подтверждений.

Я вылезла из кровати и потихоньку прошла к твоей спальне. Меня вдруг охватили те же чувства, что и в детстве. Я так часто делала — осторожно пробиралась сюда, где спали родители, когда мне становилось страшно ночью, когда после твоих рассказов мне снились кошмары. Я толкнула дверь и проскользнула внутрь.

В комнате было душно и тепло, и при виде твоей неубранной постели я вдруг расплакалась.

Я присела на край, взяла твою подушку в хрустящей темно-серой наволочке с кроваво-красной окантовкой и прижала к себе. Перед глазами вдруг ясно возникла картина, как мы с тобой входим сюда в день рождения мамы. Мы приготовили ей завтрак — она тогда уже болела, и мы старались не ссориться. Но перемирия никогда не длились долго: тебя утомлял груз постоянной ответственности за меня, ведь за мной вечно нужно было присматривать. Я забиралась к маме под бок, а ты смотрела, прищурившись, с презрением и болью одновременно.

Я никогда не понимала тебя, но если тогда мы

не были близки, то сейчас ты для меня совсем чужая. Я сижу в твоем доме, среди твоих вещей, но дом мне знаком, а ты — нет. Начало разрыву положила та ночь, когда мы были еще подростками — тебе исполнилось семнадцать, а мне тринадцать. Та ночь, как топор, раскалывающий полено, образовала между нами глубокую и широкую трещину.

А спустя шесть лет ты снова подняла топор и на этот раз расколола нашу связь окончательно. Это случилось на поминках. Мы только что похоронили маму и вместе вышли покурить в сад в ту холодную ноябрьскую ночь. Я едва соображала от горя, а ты с завтрака пичкала себя лекарствами и постоянно что-то говорила. Рассказывала о предстоящем путешествии, которое собиралась совершить в Норвегию, чтобы побывать на скале Прекестулен — шестисотметровом утесе над фьордом. Я старалась не слушать, поскольку знала, что это такое, и не хотела обсуждать. Кто-то из друзей отца нас окликнул:

— Девочки, с вами все в порядке? — Язык у него слегка заплетался. — Топите свои печали?

— Топите, топите, топите… — повторила ты.

Ты тоже была навеселе. А потом посмотрела на меня из-под опухших век, и глаза у тебя странно

блеснули.

— Джу-у-лия, — обратилась ты, растягивая мое имя, — ты когда-нибудь думаешь об этом?

Ты накрыла мою руку своей, но я ее отдернула.

— О чем «этом»? — Я поднялась со скамейки, не желая больше находиться рядом с тобой. Мне хотелось остаться одной.

— О той ночи. Ты… когда-нибудь это обсуждала с кем-нибудь?

Я шагнула, намереваясь уйти, но ты схватила меня за руку и сильно сжала.

— Ну же, Джулия… Признайся. Неужели в глубине души тебе не понравилось?

После этого я перестала с тобой разговаривать. И твоя дочь считает, что это я повела себя с тобой «ужасно». Мы по-разному видим одно и то же, разве не так?

Я перестала с тобой разговаривать, но это не мешало тебе мне звонить. Ты оставляла короткие сообщения, в которых рассказывала о своей работе и дочери, полученной премии, хвалебных отзывах. Ты никогда не говорила, где или с кем была, хотя время от времени в трубке я слышала музыку, шум дороги или мужской голос. Иногда я удаляла сообщения, иногда оставляла. Иногда прослушивала их столько раз, что помнила

каждое слово и даже годы спустя могла воспроизвести их слово в слово.

Иногда ты говорила загадками, иногда со злостью; ты вспоминала старые обиды и ссоры, протестовала против давних обвинений. Жажда смерти! Однажды, устав от твоих наваждений, я в запале обвинила тебя в одержимости смертью, и как же тебя это задело!

Иногда ты была настроена сентиментально, говорила о нашей маме, о детстве, о тех счастливых временах, что безвозвратно канули в Лету. Были и звонки, сделанные в минуты необычайного подъема и счастья. Ты умоляла меня приехать в Милл-Хаус. «Ну, пожалуйста! Ты будешь в восторге. Пожалуйста, Джулия, пора оставить старые обиды. Не упрямься. Хватит уже!» Я была в ярости — «Хватит уже!». С какой стати это ты решаешь, что пора наладить наши отношения?

Я хотела лишь, чтобы меня оставили в покое, хотела забыть Бекфорд, забыть тебя. Я живу так, как мне нравится, пусть моя жизнь и не такая яркая, как у тебя, что неудивительно. Но это моя жизнь. Хорошие друзья, серьезные отношения, крошечная квартирка в чудесном пригороде северного Лондона. Работа в социальной сфере, наполняющая жизнь смыслом и приносящая

удовлетворение, несмотря на скромную зарплату и длинный рабочий день.

Я хотела, чтобы меня оставили в покое, но ты никак не унималась. Ты звонила пару раз в год, а то и в месяц, и твои звонки выбивали меня из колеи. Что было вполне в твоем духе — взрослая версия тех же игр, в которые ты любила играть в детстве. И все это время я ждала. Ждала того самого звонка, на который смогу ответить. Когда ты объяснишь, почему так себя повела, как могла причинить мне такую боль и не вмешаться, когда меня обидели. В глубине души мне хотелось с тобой поговорить, но не раньше, чем ты извинишься, попросишь прощения. Но извинений так и не последовало, а я по-прежнему продолжаю их ждать.

Я открыла верхний ящик прикроватной тумбочки. В нем лежали чистые видовые открытки — наверное, тех мест, где ты побывала, презервативы, лубрикант, старомодная серебряная зажигалка с выгравированными инициалами «ЛС» на боку. «ЛС». Любовник? Я снова оглядела комнату, и меня поразило, что в доме нет ни одной фотографии с мужчинами. Ни здесь, ни внизу. Даже на картинах были изображены только женщины. В оставленных сообщениях ты

рассказывала о работе, доме, Лине, но никогда не упоминала мужчин. Казалось, что мужчины не играли особой роли в твоей жизни.

Но один мужчина все же играл, правда? Когда-то давно один парень был очень для тебя важен. В юности ты часто по ночам выскальзывала из дома через окно кладовки, спрыгивала на берег и потом крадучись пробиралась вдоль дома, перемазавшись грязью до самых коленок. А затем карабкалась вверх по берегу и оказывалась на дороге, где тебя ждал он. Робби.

При мысли о Робби, о вас с Робби, меня охватывала та же дурнота, которую чувствуешь, проскочив горбатый мост на большой скорости. Робби был высоким широкоплечим блондином с неизменной ухмылкой на губах. Он умел смотреть на девушек так, что внутри у них все замирало. Робби Кэннон. Брутальный и наглый альфа-самец, вожак стаи, от которого всегда исходил запах дезодоранта «Линкс» и секса. Ты говорила, что любила его, хотя, думаю, ничего общего с любовью твои чувства не имели. Вы с ним или облизывали друг друга, или оскорбляли последними словами — середины просто не существовало. Между вами никогда не было мира. Я не помню, чтобы вы смеялись. Но я отлично

помню, как вы лежали и обнимались на берегу, болтая ногами в воде, а потом он переворачивался и вжимал тебя в песок.

Это воспоминание меня покоробило, и мне стало стыдно, а чувства стыда я не испытывала уже давно. Грязного, потаенного стыда вуайериста, смешанного с чем-то еще, что никак не поддавалось пониманию, но я и не хотела понимать. Я старалась выкинуть эту картину из головы, но вместо этого вспомнила, что подглядывала за вами не раз и не два.

Мне вдруг стало не по себе, и я встала с твоей кровати и обошла комнату, рассматривая фотографии. Они были повсюду. Что неудивительно. На комоде снимки в рамках — на них ты загорелая и веселая с дочерью на руках в Токио и Буэнос-Айресе, на горнолыжных курортах и пляжах. На стенах, тоже в рамках, — обложки журналов со снятыми тобой фотографиями, статья на первой полосе «Нью-Йорк таймс», полученные награды. Здесь свидетельства твоего успеха, доказательства того, что ты превзошла меня во всем. В работе, в красоте, в детях. А теперь ты снова меня обошла. Даже в этом победа на твоей стороне.

Один снимок заставил меня остановиться. На

нем были сняты вы с Линой — уже не младенцем, а маленькой девочкой лет пяти-шести, может, постарше, — я никогда не умела определять возраст детей. Лина улыбается, показывая крошечные белые зубки, и в ней видно нечто странное, отчего по коже у меня побежали мурашки: ее глаза, черты лица выдают хищника.

Я почувствовала, как на шее у меня забилась жилка, и мною начал овладевать старый страх. Я легла обратно на кровать, стараясь не замечать шума реки, но плеск воды все равно доносился — даже на второй этаж, через закрытые окна. Он упирался в стены, просачивался сквозь трещины в кирпичной кладке, заполнял все пространство. Я чувствовала во рту привкус мутной и грязной воды, и кожа у меня становилась влажной.

Где-то в глубине дома слышался чей-то смех, и он был похож на твой.

Август 1993 года

Джулс

Мама купила мне новый купальник — старомодный, в сине-белую полоску, с «чашечками». Он был призван вызывать ассоциации с 1950-ми, со временами Мэрилин Монро. Будучи толстой и светлокожей, я совсем не походила на Мэрилин

Монро, урожденной Нормой Джин, но все равно надела его, потому что мама потратила немало сил, чтобы его отыскать. Найти купальник для девочки моей комплекции было настоящей проблемой.

Поверх купальника я натянула синие шорты и огромную белую футболку. Когда на обед пришла Нел в коротких джинсовых шортиках и бюстгальтере-бикини и увидела меня, то сразу поинтересовалась:

— Ты что, собираешься на реку после обеда?

Ее тон не оставлял сомнений, что она против, но потом, поймав мамин взгляд, она уточнила:

— Я не буду за ней смотреть, ладно? У меня там встреча с друзьями.

— Будь хорошей девочкой, Нел, — попросила мама.

Мама тогда находилась в состоянии ремиссии и была настолько слаба, что ее, казалось, мог сбить с ног порыв ветра, кожа у нее стала желтой, как старая бумага, и папа нам строго-настрого наказал «вести себя прилично».

Под этим подразумевалось, среди прочего, что ты должна брать меня с собой на реку, поэтому выбора у тебя не оставалось. На реку ходили все. Вообще-то других развлечений тут и не было.

Бекфорд — не курортный город, в нем нет ни аттракционов, ни залов игровых автоматов, ни даже площадки для мини-гольфа. Только река.

Через несколько летних недель, когда установился новый ритм жизни, когда все определились со своими компаниями и симпатиями, когда местные и приезжие перемешались, завязались дружбы и затеялись вражды, отдельные участки берега облюбовали разные группы. Ребята помладше предпочитали купаться к югу от Милл-Хаус, где течение было медленным и ловилась рыба. Неблагополучная молодежь тусовалась у коттеджа Уордов, где принимала наркотики, занималась сексом, пыталась вызвать злых духов с помощью колдовской доски. (Нел говорила, что если долго вглядываться, то на стенах можно различить следы крови Роберта Уорда.) Но больше всего ребят собиралось у Смертельной заводи. Мальчишки прыгали в воду со скал, девчонки загорали, играла музыка, на мангалах жарили мясо. Кто-то обязательно приносил пиво.

Я бы предпочла никуда не ходить и остаться дома подальше от солнца. Я бы предпочла устроиться на своей кровати и почитать или поиграть с мамой в карты, но я не хотела, чтобы она из-за меня переживала, потому что переживаний ей и

так хватало. Я хотела ей показать, что умею общаться и заводить друзей. Что могу быть частью компании.

Я знала, что Нел не хотела, чтобы я ходила на реку. Чем меньше я показывалась на людях, тем было лучше для нее, тем реже ее друзья могли меня видеть — недотепу Джулию, толстую, некрасивую и не крутую, сплошное недоразумение. Она стеснялась меня и всегда ходила со мной, обогнав или отстав на несколько шагов. Однажды, когда мы вместе выходили из магазина, я услышала, как один из местных парней заметил: «Ее наверняка удочерили. Она просто не может быть родной сестрой Нел Эбботт».

Его друзья рассмеялись, а когда я посмотрела на Нел, рассчитывая найти в ней поддержку, то увидела на ее лице только стыд.

В тот день я отправилась на реку одна. Я несла сумку, в которой лежали полотенце с книгой, банка диетической колы и два сникерса на случай, если я проголодаюсь между завтраком и обедом. У меня болели живот и спина. Мне хотелось вернуться в свою уютную маленькую, прохладную и темную комнату, где никого кроме меня не будет. И никто меня не будет видеть.

Друзья Нел уже оказались на месте. Они заняли

пляж — маленький песчаный полумесяц возле заводи. Самое лучшее место: берег полого уходил вниз, и можно лежать на песке, держа ноги в воде. Там были три девушки — две местные и одна из Эдинбурга, по имени Дженни, с чудесной кожей цвета слоновой кости и коротко стриженными темными волосами. Она приехала из Шотландии, но говорила на безупречном английском, и все ребята отчаянно пытались добиться ее расположения, потому что, по слухам, она до сих пор была девственницей.

Все ребята, кроме Робби, конечно, который смотрел только на Нел. Они познакомились два года назад, когда ему исполнилось семнадцать, а ей пятнадцать, и теперь были неразлучны, хотя и позволяли друг другу крутить романы в остальное время года — рассчитывать, что он станет хранить верность Нел в ее отсутствие, было глупо. Робби — высокий, красивый, пользовался успехом, активно занимался спортом и к тому же происходил из богатой семьи.

После встреч с Робби Нел иногда возвращалась с синяками на запястьях и плечах. На мой вопрос, откуда эти синяки, она со смехом отвечала: «А сама как думаешь?» При виде Робби у меня появлялось странное ощущение в животе, и я не

могла на него не смотреть, когда он оказывался в поле зрения. Я старалась не смотреть, но ничего не могла с собой поделать. Он это заметил и стал смотреть в ответ. Они с Нел шутили на этот счет, и иногда он тоже на меня пялился, облизывал губы и смеялся.

Мальчишки тоже уже собрались, но столпились на другой стороне. Они купались, забирались на обрыв и сталкивали друг друга в воду, смеясь, ругаясь и обзываясь гомосеками. По установившемуся порядку, девчонки сидели и ждали, пока ребятам не надоест беситься и они не явятся и не начнут лезть к ним с приставаниями, которые те иногда отвергали, а иногда и поощряли. Все, кроме Нел, которая не боялась нырять и намочить волосы, которой нравилось участвовать в этих мальчишечьих разборках и удавалось одновременно быть одной из них и оставаться объектом всеобщего вожделения.

Конечно, я не стала устраиваться рядом с подружками Нел, а расстелила полотенце в тени деревьев и села. Неподалеку от меня расположилась еще одна группа девочек, примерно моего возраста, и среди них я узнала одну, которую видела в предыдущие годы. Она мне улыбнулась, и я улыбнулась в ответ. Я махнула ей рукой, но

она отвернулась.

Было жарко. И мне захотелось искупаться. Я представила, какой гладкой и чистой окажется моя кожа, как я буду ступать по мягкому теплому илу, как перевернусь на спину, закрою глаза и сквозь веки начнет сочиться оранжевый свет. Я сняла футболку, но прохладней не стало. Я заметила, что за мной наблюдала Дженни: она наморщила носик и опустила голову, чтобы скрыть отвращение.

Я отвернулась ото всех, легла на правый бок и открыла книгу. Я читала «Тайную историю» Донны Тартт и мечтала быть частью такой же обособленной группы умных друзей-единомышленников. Я нуждалась в человеке, на которого мне хотелось бы равняться, который мог бы меня защитить и вызывал восхищение бы своим умом, а не длинными ногами. Но я знала, что если такие и есть в этом городе или в школе в Лондоне, то они не захотят иметь со мной дело. Я не была глупой, но и не блистала.

А Нел блистала. Она пришла на реку в разгар дня. Я слышала, как она поздоровалась, а мальчишки, курившие, сидя на скалах и свесив ноги, приветственно откликнулись. Обернувшись, я наблюдала, как она, раздевшись, медленно

входила в воду, брызгая на себя и наслаждаясь всеобщим вниманием.

Мальчишки стали спускаться с обрыва через заросли. Я перевернулась на живот и опустила голову, уставившись в книгу, но перед глазами все расплывалось. Я жалела, что пришла, мне хотелось незаметно исчезнуть, но незаметно я ничего сделать не могла. В буквальном смысле. Мое бесформенное белое тело не могло ускользнуть незаметно.

У мальчишек был мяч, и они начали играть в футбол. Я слышала, как они просили дать пас, как мяч залетал в воду и как довольно визжали девчонки, если до них долетали брызги. А потом вдруг почувствовала, как мяч угодил мне в бедро. Все засмеялись. Робби поднял руку и побежал ко мне, чтобы забрать мяч.

— Извини, извини, — говорил он с широкой ухмылкой. — Извини, Джулия, не хотел в тебя попасть.

Он поднял мяч, и я увидела, как он смотрит на красное расплывшееся пятно на моей бледной коже, похожей на охлажденный животный жир. Кто-то крикнул насчет большой мишени: мимо амбарной двери промазать еще можно, а не попасть в такую задницу точно нет.

Я снова уткнулась в книгу. Мяч попал в дерево в паре метров от меня, и кто-то крикнул: «Извини!» Я промолчала. Потом это случилось еще раз, и тут же — еще. Я перевернулась и увидела, что они били мячом по мне. Тренировались на точность. Девчонки катались со смеху, и громче всех веселилась Нел.

Я села, пытаясь сохранить достоинство.

— Ладно, очень смешно! Хватит, перестаньте! — крикнула я, но кто-то уже целился по новой и ударил по мячу.

Мяч несся прямо на меня. Я подняла руку, чтобы защитить лицо, и мяч с громким шлепком угодил прямо в меня. На глаза навернулись слезы, и я с трудом поднялась. Девочки, те, что помладше, тоже наблюдали за происходящим. Одна из них закрыла рот рукой.

— Перестаньте! — закричала она. — Вы ее поранили. У нее кровь!

Я посмотрела вниз. Нога была измазана кровью, стекавшей по внутренней стороне бедра к коленке. Я сразу поняла, что это не от удара. Спазмы в животе, боли в спине, всю неделю я чувствовала себя несчастнее обычного. Крови было много, она насквозь пропитала шорты. И все на меня глазели. Девочки больше не смея-

лись, а переглядывались с выражением ужаса и интереса. Я поймала взгляд Нел, но она отвернулась. Я почти ощущала ее отвращение. Она была в шоке. Стыдилась меня. Я быстро натянула футболку, обернула вокруг талии полотенце и неловко заковыляла по тропинке. Я слышала, как мальчишки загоготали мне вслед.

Той ночью я пошла топиться. Это случилось позже — гораздо позже, и к тому же я выпила, впервые в жизни попробовав алкоголь. За это время произошли и другие события. Меня разыскал Робби и извинился за свое поведение и поведение друзей. Сказал, что ему ужасно жаль, обнял меня за плечи и заверил, что мне нечего стыдиться.

Но я все равно пошла к Смертельной заводи, и Нел вытащила меня из воды. Подтянула к берегу, заставила подняться и влепила сильную пощечину.

— Ах ты, дрянь! Тупая толстая дура! Ты чего творишь?! Что удумала?!

2015

Среда, 12 августа
Патрик Таунсенд
Коттедж Уордов не принадлежал Уордам почти

сотню лет, не принадлежал он и Патрику, да и вообще казалось, что владельцев у него больше нет. Патрик допускал, что он мог находиться в собственности местного совета, хотя никто и никогда не заявлял на коттедж своих прав. Как бы то ни было, у Патрика имелся от него ключ, позволявший ему чувствовать себя владельцем. Он оплачивал скромные счета за электричество и воду и несколько лет назад сам врезал новый замок, после того как старую дверь вышибли хулиганы. Теперь, когда ключи были только у него и Шона, Патрик следил за тем, чтобы в доме царили чистота и порядок.

Иногда дверь оказывалась незапертой, и, если честно, Патрик и сам не был уверен, что закрывал ее. В последние годы он все чаще замечал, что мысли в его голове путаются, отчего испытывал такой ужас, что отказывался принимать происходящее. Иногда он забывал слова или имена, и, чтобы их вспомнить, ему требовалось много времени. Покой его мыслей нарушали старые воспоминания, всплывавшие в памяти с пугающей яркостью и четкостью. А вокруг этих виде́ний из прошлого сгущались тени.

Каждый день Патрик отправлялся вверх по реке, что стало частью его привычного распо-

рядка дня: подняться пораньше и пройти пять километров вдоль берега к коттеджу, иногда час-другой порыбачить. Правда, в последнее время он делал это все реже. И не потому, что силы уже были не те и к тому же болели ноги — просто ему не хотелось. Его перестали радовать вещи, которые раньше доставляли удовольствие. Но ему по-прежнему нравилось приглядывать за домом, и, когда ноги не подводили, он вполне мог осилить прогулку до коттеджа и обратно за пару часов. Однако сегодня утром он проснулся, чувствуя, что левая икра опухла и ноет, отзываясь в венах тупой болью, похожей на тиканье часов. Он решил поехать на машине.

Патрик вылез из кровати, принял душ, оделся и тут с раздражением вспомнил, что машина стоит в гараже, — он напрочь забыл ее вчера забрать. Недовольно бурча себе под нос, он проковылял через двор, чтобы узнать у невестки, можно ли позаимствовать ее автомобиль.

Жена Шона Хелен мыла на кухне пол. Если бы не лето, ее бы уже не было дома — она работала директором школы и считала для себя обязательным находиться в ней с половины восьмого. Но даже во время каникул она не позволяла себе расслабляться. Праздный образ жизни ей претил.

— С утра уже вся в трудах, — заметил Патрик, входя на кухню, и она улыбнулась.

Из-за морщинок вокруг глаз и проседи в коротко стриженных каштановых волосах она выглядела старше своих тридцати шести лет. Старше, подумал Патрик, и утомленнее, чем следует.

— Не спится, — произнесла она.

— Мне жаль, милая.

— Что тут поделаешь? — Она пожала плечами, поставила швабру в ведро и прислонила ручку к стене. — Сварить тебе кофе, папа?

Она его так называла. Сначала это обращение его смущало, но теперь нравилось — в нем звучала такая искренняя любовь, что на душе у него теплело. Он сказал, что возьмет кофе в термосе, объяснив, что собрался поехать на реку.

— Но ты же не поедешь к заводи? Просто я считаю…

— Нет. Конечно, нет, — ответил он, качая головой, после чего, помолчав, спросил: — Как с этим справляется Шон?

Она снова пожала плечами:

— Ты и сам знаешь. Он ничего не говорит.

Шон и Хелен жили в доме, который некогда занимали Патрик с женой. После ее смерти Шон

с Патриком жили в нем вместе. А спустя много лет, когда Шон женился, они перестроили, сделав пригодным для жилья, старый амбар, стоявший через двор, и Патрик переехал в него. Шон возражал, считая, что переехать должны они с Хелен, но Патрик не желал ничего слышать. Он хотел, чтобы они остались жить тут, ему нравилось ощущение преемственности, нравилось, что они втроем образуют маленькую общину, которая живет своей жизнью, не теряя связи с городом.

Добравшись до коттеджа, Патрик сразу увидел, что в нем кто-то побывал. Шторы были задернуты, а входная дверь чуть приоткрыта. Постель оказалась разобрана. На полу стояли стаканы с остатками вина, а в унитазе плавал презерватив. В пепельнице — окурки от самокруток. Он взял один и понюхал — не марихуана ли, — но пахло только холодным пеплом. Были там и другие вещи: отдельные предметы одежды, разный хлам — один синий носок, нитка бус. Патрик все собрал и засунул в пластиковый пакет, снял простыни с кровати, помыл стаканы в раковине, выкинул окурки в мусорное ведро и запер за собой дверь. Он отнес все в машину, бросил простыни на заднее сиденье, мусор убрал в багажник, а мелочовку — в бардачок.

Закрыв машину, Патрик направился к реке и на ходу закурил сигарету. Затянувшись, почувствовал, как заныла нога и сдавило грудь, а горячий дым обжег горло. Он закашлялся: казалось, дым раздирает уставшие почерневшие легкие. Его охватила грусть. Иногда подобное настроение вдруг накатывало на него с такой силой, что ему хотелось, чтобы поскорее наступил конец. Конец всему. Он посмотрел на воду и хмыкнул. Он никогда не относился к тем, кто поддавался слабости и опускал руки, но был достаточно честен, чтобы признаться самому себе в том, что иногда даже ему не был чужд соблазн забвения.

Патрик вернулся домой уже ближе к обеду, когда солнце стояло высоко. Через двор к кустам розмарина под окном кухни лениво шла бездомная кошка, которую подкармливала Хелен. Он заметил, что спина животного словно немного продавлена, а живот раздут. Беременна. С этим придется что-то делать.

Четверг, 13 августа

Эрин

Соседи-дебилы по убогой квартирке, которую я недавно сняла в Ньюкасле, в четыре утра устроили грандиозный скандал, и я решила встать и выйти на пробежку. Я уже собралась уходить, как

подумала: зачем делать это здесь, если можно там? Я поехала в Бекфорд, припарковалась возле церкви и отправилась в путь по тропинке вдоль реки.

Поначалу бежать было тяжело. После заводи тропинка забиралась по склону вверх, а по другую сторону холма спускалась вниз, после чего вилась уже по ровной местности — бежать по такой одно удовольствие. Было прохладно, потому что солнце еще не начало припекать, вокруг — живописный пейзаж и никаких велосипедистов, не то что на Риджентс-канал в Лондоне, где приходилось постоянно уворачиваться от них и от туристов.

Через несколько километров вверх по реке долина становится шире, по ней разбросаны пятна пасущихся овец, и она плавно устремляется вдаль, оставляя позади зеленые гряды холмов. Я бежала по ровной каменистой почве, на которой лишь изредка попадались небольшие участки грубой травы да кусты вездесущего дрока. Опустив голову, я бежала быстро, и примерно через километр заметила небольшой окруженный березами коттедж, стоявший чуть в стороне.

Чтобы отдышаться, я перешла на бег трусцой и повернула в сторону домика — посмотреть,

что там. Место было уединенным, и коттедж казался необитаемым, хотя и не заброшенным. Окна чистые, за ними виднелись шторы. Заглянув внутрь, я увидела крошечную гостиную с двумя зелеными креслами и маленьким столиком. Дверь оказалась заперта, и я устроилась на ступеньках в тени и сделала несколько глотков из бутылки с водой. Вытянув ноги и массируя лодыжки, ждала, пока дыхание и пульс не придут в норму. Внизу двери я заметила нацарапанные кем-то слова «Тут жила безумная Энни» и нарисованный рядом маленький череп.

Вороны на деревьях позади меня затеяли спор, но, если не считать их криков и изредка доносившегося блеяния овец, долина была тихой и безмятежной. Я считаю себя городской жительницей до мозга костей, но это место — при всей своей странности — никого не могло оставить равнодушным.

Инспектор Таунсенд собрал совещание в десятом часу. Участников было немного: пара полицейских, помогавших с опросом свидетелей, детектив-констебль Келли, лохматый эксперт-криминалист и я. Таунсенд с коронером заезжали узнать результаты вскрытия, и инспектор нам их кратко изложил. Как и следовало ожидать, в них

не было ничего неожиданного. Нел умерла от травм, полученных при падении. В ее легких не было воды — она не утонула, а лишилась жизни еще до того, как попала в воду. Все повреждения получены в результате падения — ни царапин, ни ушибов, позволяющих предположить, что к ее смерти кто-то причастен. В крови найдено приличное содержание алкоголя — она выпила не меньше трех-четырех бокалов.

Келли кратко сообщила результаты опроса свидетелей — правда, и рассказывать-то было особо нечего. Мы знаем, что в воскресенье вечером Нел ненадолго заходила в паб, откуда ушла около семи. Нам известно, что она находилась в Милл-Хаус по меньшей мере до половины одиннадцатого, когда Лина отправилась спать. После этого Нел никто не видел. Никто не сообщил, ссорилась ли она с кем-нибудь в последнее время, хотя все признавали, что ее недолюбливали. Местным не нравилось, что она, будучи здесь чужой, считала себя вправе копаться в истории города. И чем для нее все закончилось?

Лохматый эксперт изучил электронную переписку Нел — она завела специальный ящик, посвященный проекту, и просила направлять ей на него разные истории. Чаще всего туда прихо-

дили оскорбления.

— Правда, я бы не сказал, что их поступало больше, чем обычно получают другие женщины по Интернету, — добавил он, виновато пожимая плечами, как будто нес ответственность за каждого женоненавистника в Сети. — Мы, конечно, и дальше будем держать это под контролем, но…

А вот другие новости эксперта определенно представляли интерес. Для начала выяснилось, что Джулс Эбботт лгала: телефон Нел так и не нашли, но распечатка ее звонков показала, что хоть она и пользовалась мобильником не часто, но за последние три месяца звонила сестре одиннадцать раз. Большинство звонков длилось не больше минуты, иногда две или три, все были достаточно короткими, и Джулс на них отвечала.

Ему также удалось установить точное время смерти Нел. Камера, закрепленная на скале внизу, оказалась целой и кое-что зафиксировала. Ничего особенного или достаточно отчетливого, просто размытое движение в темноте, за которым последовал всплеск. Камера показала, что Нел летела вниз в 2.31 ночи.

Но самое интересное эксперт приберег напоследок.

— Нам удалось найти отпечаток пальца на

сломанной камере, — сообщил он. — Он не принадлежит ни одному из тех, кто фигурирует в деле, но разве мы не можем попросить местных прийти на дактилоскопию, чтобы вычеркнуть их имена из общего списка?

Таунсенд медленно кивнул.

— Я знаю, что камеру ломали раньше, — продолжил лохматый эксперт, пожимая плечами, — поэтому вряд ли это даст хорошую зацепку, но…

— Но все равно. Посмотрим, что получится. Этим займетесь вы, — произнес Таунсенд, глядя на меня. — А я поговорю с Джулией Эбботт об этих телефонных звонках. — Он поднялся, сложил руки на груди и опустил голову. — Я хочу вам всем сообщить еще одно, — начал он тихим, почти извиняющимся тоном. — Сегодня утром мне звонили из Управления.

Он тяжело вздохнул, и мы переглянулись. Этого следовало ожидать.

— Учитывая результаты посмертного вскрытия и отсутствие каких-либо вещественных доказательств того, что на обрыве произошла ссора, нам рекомендовано «не тратить силы и средства», — он жестом изобразил кавычки, — на расследование самоубийства или смерти от несчастного случая. Я знаю, что нам еще пред-

стоит немало сделать, но мы должны работать быстро и эффективно. Времени на это у нас немного.

Нельзя сказать, чтобы это меня удивило. Я вспомнила наш разговор с инспектором в тот день, когда меня подключили к расследованию: скорее всего, она прыгнула вниз сама. Самоубийство — вот готовое объяснение, которое напрашивалось сразу, стоит только принять во внимание зловещую историю этого места.

Мне все это не нравилось. Не нравилось, что в течение пары месяцев две женщины, причем знакомые друг с другом, расстались с жизнью в воде. Их многое связывало: место, люди и Лина — лучшая подруга одной и дочь другой. Лина последней видела свою мать живой и утверждала, что это смерть не матери, а тайны, окружавшей ее. Будто она сама этого хотела. Странное утверждение из уст ребенка.

Я поделилась своими сомнениями с инспектором, когда мы вместе выходили из участка. Он смерил меня недовольным взглядом.

— Кто знает, что творится в голове у этой девчонки, — сказал он. — Она будет пытаться найти объяснение. Она…

Он не договорил. Навстречу нам двигалась,

шаркая ногами и бормоча себе под нос, какая-то женщина, похожая на состарившуюся представительницу готов: черное пальто, несмотря на жару, в седых волосах пурпурные пряди, на ногтях черный лак.

— Привет, Никки, — поздоровался Шон.

Женщина взглянула на него, потом перевела взгляд из-под нависших бровей на меня.

— Хм, — произнесла она, судя по всему в знак приветствия. — Как успехи?

— Успехи в чем, Никки?

— В поисках того, кто это сделал! — заявила она, брызгая слюной. — Кто ее столкнул!

— Столкнул? — повторила я. — Вы говорите о Даниэле Эбботт? У вас есть информация, которая может быть нам полезна, миссис… э-э?

Смерив меня сердитым взглядом, она повернулась к Шону.

— А это еще что за птица? — поинтересовалась она, тыча пальцем в мою сторону.

— Это сержант уголовной полиции Морган, — терпеливо ответил он. — У тебя есть что нам рассказать, Никки? Про ту ночь?

Она снова фыркнула.

— Я ничего не видела, — проворчала она, — а если бы и видела, то такие, как вы, все равно

не стали бы меня слушать, ведь правда? — Она двинулась дальше по залитой солнцем дороге, все так же шаркая ногами и ворча себе под нос.

— Что, по-вашему, она имела в виду? — спросила я инспектора. — Может, стоит допросить ее официально?

— Я бы не стал воспринимать Никки Сейдж всерьез, — сказал Шон, качая головой. — Ее словам вряд ли можно доверять.

— В самом деле?

— Она выдает себя за медиума, который разговаривает с мертвыми. У нас уже были с ней проблемы: мошенничество и прочее. И еще она утверждает, что является потомком женщины, которую здесь убили охотники на ведьм, — сухо добавил он. — У нее не все дома.

Джулс

Когда раздался звонок в дверь, я была на кухне. Выглянув в окно, я увидела на крыльце инспектора Таунсенда. Лина оказалась у двери первой и открыла.

— Привет, Шон, — сказала она.

Таунсенд вошел, протиснувшись мимо ее худенького тела, наверняка обратив внимание (не мог не обратить) на короткие джинсовые шорты и футболку с логотипом «Роллинг Стоунз»

с высунутым языком. Он протянул мне руку, и я пожала ее. Ладонь у него была сухая, но кожа имела нездоровый цвет, а под глазами темнели сероватые круги. Разглядывая его из-под опущенных век, Лина принялась грызть ноготь.

Я провела его на кухню, Лина последовала за нами. Мы с инспектором устроились за столом, а Лина прислонилась к столешнице. Она скрестила ноги, потом, переступив, скрестила их по новой.

Таунсенд на нее не смотрел. Он покашлял, потер руки и тихо произнес:

— Вскрытие закончено. — Он перевел взгляд на Лину, а потом снова на меня. — Нел погибла при падении. Доказательств того, что там был кто-то еще, нет. В ее крови найден алкоголь. — Его голос стал еще мягче. — В достаточном количестве, чтобы повлиять на координацию. Чтобы она нетвердо держалась на ногах.

Лина громко и прерывисто выдохнула. Детектив смотрел себе на руки, которые теперь положил на стол.

— Но… на этом обрыве Нел не могла потерять равновесие, — возразила я. — И несколько бокалов вина ничего не меняют. Она могла спокойно выпить бутылку…

Он кивнул:

— Возможно. Но в ту ночь там наверху…

— Это не несчастный случай! — вмешалась Лина.

— Она не могла прыгнуть! — осадила ее я.

Лина покосилась на меня, вытянув губы.

— Откуда тебе знать? — спросила она и повернулась к инспектору: — А ты знаешь, что она тебе врала? Врала, что никакого общения с мамой у нее не было. Мама ей звонила, даже не знаю сколько раз. А она не отвечала, никогда не перезванивала, никогда… — Она запнулась и посмотрела на меня. — Она просто… зачем ты вообще приехала? Я не хочу тебя здесь видеть! — Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью. Через несколько мгновений так же громко хлопнула дверь ее спальни.

Мы с инспектором сидели молча. Я ждала, когда он спросит про телефонные звонки, но он ничего не говорил и просто сидел, закрыв глаза, и его лицо не выражало никаких эмоций.

— Вас не удивляет, — не выдержав, нарушила я молчание, — что она уверена, будто Нел поступила так намеренно?

Он повернулся ко мне, слегка наклонив голову набок. Но по-прежнему ничего не произнес.

— А в вашем расследовании есть подозревае-

мые? Я хочу сказать… похоже, что ее смерть тут вообще никого не волнует.

— А вас? — поинтересовался он.

— Что вы хотите этим сказать?!

Я почувствовала, как мое лицо заливает краска. Я знала, что будет дальше.

— Миссис Эбботт, Джулия.

— Джулс. Меня зовут Джулс. — Я понимала, что отвечать на неприятные вопросы все равно придется, и оттягивала этот момент, как могла.

— Джулс. — Он откашлялся. — Как только что сказала Лина, хотя вы сообщили нам, что не поддерживали контакт с сестрой годами, распечатка звонков с ее мобильного говорит, что за последние три месяца она звонила вам одиннадцать раз.

Мое лицо стало пунцовым от стыда, и я отвернулась.

— Одиннадцать раз. Почему вы нам солгали?

(«Она всегда врет, — пробормотала ты мрачно. — Всегда. Вечно все придумывает».)

— Я не лгала! — заявила я. — Я никогда с ней не разговаривала. Как сказала Лина, она оставляла мне сообщения, но я на них не отвечала. Так что я не лгала, — повторила я. Мой голос звучал заискивающе, и я сама это чувствовала. — Послу-

шайте, вы не можете у меня просить объяснений, потому что постороннему человеку это невозможно объяснить. У нас с Нел были проблемы много лет назад, но к произошедшему это не имеет никакого отношения.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался Таунсенд. — Если вы с ней не разговаривали, то откуда вам знать, что явилось причиной?

— Я просто… Вот, — сказала я, протягивая свой мобильник. — Возьмите. Послушайте сами.

У меня дрожали руки, и, когда он забирал телефон, я увидела, что у него тоже.

Он прослушал твое последнее сообщение.

— А почему вы ей не перезвонили? — спросил он, не в силах скрыть разочарования. — Она была явно расстроена, разве не так?

— Нет, я… я не знаю. Обычный звонок в ее стиле. Иногда она была радостной, иногда грустной, иногда злой, нередко навеселе… этот звонок был как все. Вы ее не знали.

— А другие ее звонки? — Его голос стал требовательным. — У вас они сохранились?

Кое-какие я не стала оставлять, но все сохраненные он прослушал, сжимая трубку так сильно, что костяшки его пальцев побелели. Закончив, он вернул телефон.

— Ничего не стирайте. Нам может понадобиться прослушать их еще раз.

Отодвинув стул, он поднялся, и я проводила его до прихожей. Возле двери он обернулся и посмотрел на меня.

— Должен признаться, — сказал он, — я удивлен, что вы ей не перезвонили. И не стали выяснять, почему ей было так важно срочно с вами поговорить.

— Я думала, ей просто хотелось внимания, — тихо ответила я, и он отвернулся.

Только закрыв за ним дверь, я вдруг вспомнила и бросилась за ним.

— Инспектор Таунсенд! — окликнула я его. — У Нел был браслет. Еще мамин. Она его носила. Вы его нашли?

Он обернулся и покачал головой:

— Нет, мы его не нашли. Лина сказала сержанту Морган, что Нел часто его носила, но не каждый день. Хотя, — он снова покачал головой, — полагаю, что вам неоткуда было это знать.

Бросив взгляд на дом, он сел в машину и осторожно выехал на дорогу.

Джулс

Выходило, что во всем виновата я. Ты не перестаешь меня поражать, Нел. Ты умерла, может,

даже убита, и все показывают пальцем на меня. Хотя меня тут даже не было! Совсем как в детстве, меня захлестнули обида и горечь. Мне хотелось кричать. Как это может быть моей виной?!

После ухода инспектора я вернулась в дом и, бросив в прихожей взгляд на зеркало, увидела в нем тебя — изменившуюся с годами, не такую красивую, но все равно легко узнаваемую. В груди у меня защемило. Я прошла на кухню и расплакалась. Если я тебя подвела, то хочу знать, в чем именно. Может, я тебя и не любила, но я не могу допустить, чтобы все махнули на тебя рукой и не стали ни в чем разбираться. Я хочу знать, кто причинил тебе боль и почему, хочу, чтобы они за это заплатили. Хочу, чтобы не осталось никаких белых пятен, и, может, тогда ты перестанешь шептать мне на ухо, что сделала это «не сама, не сама, не сама». Я тебе верю, хорошо? Скажи, что мне нечего бояться. Что за мной никто не придет. Я хочу быть уверена, что ребенок, о котором я должна позаботиться, действительно невинное дитя, а не тот, кого следует бояться.

Я вспоминала, как Лина смотрела на инспектора Таунсенда, как обращалась к нему по имени (по имени?) и как он смотрел на нее. Интересно, сказала ли она ему правду о браслете? Я в этом

сомневаюсь, потому что помню, как сразу после смерти мамы ты забрала браслет себе, сказав, что он будет твоим. Не исключено, что ты так поступила только потому, что знала, как мне хочется его получить. Когда ты нашла его среди маминых вещей и надела на руку, я пожаловалась папе (да, я снова «выдумываю»). Я спросила: «А почему браслет должен быть у нее?» — на что ты ответила: «А почему нет? Я же старшая!» А когда папа ушел, ты надела браслет на руку и любовалась им. Сказала: «Он мне подходит. Правда, он мне в самый раз?» А потом ущипнула меня за мое жирное предплечье и добавила: «Сомневаюсь, что он застегнется на твоей маленькой пухленькой ручке».

Я вытерла глаза. Ты часто меня обижала, жестокость всегда была у тебя в крови. Какие-то издевки — по поводу моей полноты, медлительности, внешности — я оставляла без внимания. Но некоторые — «Ну же, Джулия… Признайся. Неужели в глубине души тебе это не понравилось?» — так сильно меня ранили, что все попытки выкинуть их из головы лишь бередили раны. Эти слова, произнесенные заплетающимся языком в день похорон мамы… да я была готова задушить тебя собственными руками! И если ты была способна

так обойтись со мной, вызвать такие чувства у меня, то в ком еще ты могла разбудить желание покончить с тобой раз и навсегда?

Я отправилась в твой кабинет и принялась разбирать бумаги. Начала с разных документов. Из деревянного шкафа с бумагами, стоявшего возле стены, я достала папки, в которых хранились ваши с Линой медицинские карты и свидетельство о рождении Лины с прочерком в графе «Отец». Конечно, для меня это не явилось неожиданностью — это было одной из твоих тайн, секретом, которым ты ни с кем не делилась. Но неужели и Лина не имела права знать? (Я даже допускала, что ты и сама не знала, что было не очень-то красиво с моей стороны.)

Там были табели успеваемости из бруклинской Школы Монтессори и местной средней школы в Бекфорде, счета за ремонтные работы по дому, полис страхования жизни (оформленный в пользу Лины), выписки с банковских и инвестиционных счетов. Самые обычные документы, которые хранят благополучные семьи, не имеющие никаких тайн и скелетов в шкафу.

В нижних ящиках лежали материалы по твоему «проекту»: коробки со снимками, листы рукописи, на каких-то текст напечатан, осталь-

ные исписаны твоим паучьим почерком синими и зелеными чернилами. Отдельные слова зачеркнуты, другие написаны печатными буквами и подчеркнуты, придавая тексту вид набросков готовящегося заговора. Сумасшедшая. В отличие от папок с деловыми бумагами, тут царил полный хаос, все было свалено в кучу и перемешано. Как будто в них кто-то рылся, пытаясь что-то отыскать. Мне стало не по себе, по коже побежали мурашки. Понятно, что их просматривали полицейские. Они забрали твой компьютер, но наверняка тут тоже копались. Не исключено, что искали предсмертную записку.

Я просмотрела фотографии из первой коробки. На большинстве из них были сняты заводь, скалы и маленькая полоска песчаного пляжа. Кое-где по границам изображения виднелись твои пометки, но понять их смысл я не могла. Там имелись и снимки Бекфорда, его улиц и домов — красивых старых каменных и новых уродливых. Один дом с грязными занавесками — обычное одноквартирное строение начала двадцатого века — был снят с самых разных ракурсов. На других фотографиях были запечатлены городской центр, мост, паб, церковь, кладбище. Могила Либби Ситон.

Бедная Либби. В детстве ты была буквально

одержима ею. Я ненавидела историю о ней из-за жестокости и плохого конца, но ты просила рассказать ее снова и снова. Ты хотела слышать, как Либби, еще совсем ребенка, притащили к реке и обвинили в колдовстве. Я спрашивала маму, за что, и она объясняла, что Либби с бабушкой разбирались в травах и кореньях. Они умели готовить лекарства. Мне такая причина казалась глупой, но во взрослых историях полно бессмысленной жестокости: маленьких детей не пускали в школу из-за цвета кожи; людей избивали или убивали за то, что они молились неправильным богам. Позже ты рассказала мне, что причиной были вовсе не лекарства, а то, что Либби соблазнила (ты объяснила значение этого слова) мужчину старше себя и заставила его бросить жену и ребенка. Такой поступок вовсе не принижал ее в твоих глазах — напротив, он показывал ее власть.

Лет в шесть или семь ты настояла на том, чтобы отправиться к заводи в одной из старых маминых юбок — ее подол волочился по земле, хотя ты и подтянула пояс до самого подбородка. А потом забралась на скалу и прыгнула в воду, пока я играла на берегу. Ты воображала себя Либби: «Смотри, мам! Я утону или выплыву?»

Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Я помню, каким восторгом горели твои глаза, как мы с мамой смотрели на тебя, каким теплым был песок под ногами и какой мягкой казалась мамина рука в моей. Но как такое возможно? Если тебе было шесть или семь лет, то мне — два или три года. Разве я могу это помнить?

Я сунула руку в карман джинсов и вытащила зажигалку, которую нашла у тебя в ящике. «ЛС». Неужели это Либби? Неужели ты была так одержима девочкой, которой нет в живых уже три сотни лет, что выгравировала ее инициалы на одной из своих вещиц? А может, и нет. Может, ты совсем не была ею одержима, а просто тебе нравилось держать зажигалку в ладони.

Я вернулась к рукописи, стараясь отыскать материал про Либби. Я разбирала фотографии, распечатки статей из старых газет, вырезки из журналов — на краях многих имелись пометки, сделанные твоим неразборчивым почерком и по большей части нечитаемые. Там встречались знакомые и незнакомые имена: Либби, Мэри, Энн, Кэти, Джинни, Лорен, а сверху на странице про Лорен ты написала крупными черными буквами: «Бекфорд — не место самоубийц. Бекфорд — это место, где избавляются от неугодных женщин».

Смертельная заводь

Либби, 1679 год

Вчера они сказали, что завтра, значит, сегодня. Она знает, что за ней скоро придут. Придут, чтобы отвести к реке для испытания водой. Она ждет этого часа, хочет, чтобы он наступил побыстрей, и никак не может дождаться. Она устала от грязи, устала от зуда на коже. Она знает, что вода не поможет залечить язвы, которые загноились и неприятно пахнут. Ей нужны ягоды бузины или календула – трудно сказать, что поможет лучше и не упущено ли время. Тетя Мэй бы точно знала, но ее больше нет – восемь месяцев назад ее повесили.

Либби любит воду, любит реку, хотя и боится глубины. Сейчас вода холодная, и она наверняка замерзнет, но зато вода смоет с кожи насекомых. После первого ареста ее обрили наголо, но теперь волосы немного отросли, и в них постоянно копошатся какие-то существа. Она чувствует, как они вгрызаются в кожу, ползают в ушах, в уголках глаз и между

ногами. Она чешется до крови. Будет хорошо все смыть: и запах крови, и запах грязного тела.

За ней приходят утром. Двое мужчин, молодых, с грубыми руками и грязными словами. Раньше они не стеснялись пускать в ход кулаки, но теперь себе этого не позволяют, опасаются, потому что слышали, что сказал человек, видевший ее в лесу с раздвинутыми ногами и дьяволом между ними. Они смеются и толкают ее, но сами ее боятся, хотя зрелище она представляет жалкое.

Интересно, придет ли он и что подумает? Раньше он считал ее очень красивой, но теперь у нее гнилые зубы, а кожа покрыта синюшными и багровыми пятнами, будто она уже полумертвая.

Ее доставляют в Бекфорд, туда, где река огибает скалу, течение становится медленным, а вода глубокой. Там и будет проведено испытание водой.

Сейчас осень, дует холодный ветер, но солнце светит ярко, и она ежится от стыда, стоя раздетая на глазах собравшихся мужчин и женщин деревни. Ей

кажется, что толпа ахнула от ужаса или удивления при виде того, во что превратилась прелестная Либби Ситон.

Толстая и грубая веревка так сильно стягивает ей запястья, что на коже выступает кровь. У нее связаны только руки. Ноги свободны. Затем вокруг талии ей привязывают веревку, чтобы успеть вытащить, если она начнет тонуть.

Когда ее подводят к воде, она оборачивается и ищет взглядом его. Дети поднимают крик, испугавшись, что она насылает на них проклятие, а мужчины толкают ее в воду. От холода у нее перехватывает дыхание. Один мужчина толкает ее в спину жердью, заставляя идти все дальше и дальше, пока стоять становится невозможно. Она уходит под воду с головой.

Она тонет.

Холод настолько жуткий, что парализует рассудок. Она открывает рот, чтобы ахнуть, и в него устремляется черная вода. Либби давится, содрогается, бьет ногами, но мысли путаются, и ноги больше не достают до дна.

Веревка больно впивается ей в талию, сдирая кожу. Когда ее вытаскивают на берег, она плачет.

– Еще раз!

Кто-то требует повторить испытание.

– Она же утонула! – раздается женский голос. – Она не ведьма, а просто ребенок!

– Еще! Еще раз!

Мужчины опять связывают ее. На этот раз иначе: левую руку привязывают за большой палец к правой стопе, а правую руку – к левой. Вокруг талии затягивают веревку. И тащат в воду.

– Пожалуйста… – молит она, потому что не уверена в том, что ей удастся пережить тьму и холод.

Она хочет вернуться в свой дом, которого больше нет, в те времена, когда они с тетей сидели у очага и рассказывали друг другу разные истории. Она хочет оказаться в своей постели, хочет снова стать маленькой и вдыхать запах дыма, цветов и родного тепла своей тети.

– Пожалуйста.

Она тонет. Когда ее вытаскивают во

второй раз, у нее губы синего цвета, и она больше не дышит.

Понедельник, 17 августа

Никки

Никки сидела в кресле у окна и смотрела, как поднимается солнце и рассеивает утренний туман на холмах. Из-за жары и нескончаемой болтовни сестры, не умолкавшей в ее голове всю ночь, она почти не спала. Никки не любила жару. Она родилась для холодного климата. Отец был выходцем с Гебридских островов, вотчины викингов. А мать — с востока Шотландии, где ее предки осели несколько столетий назад, когда бежали на юг от охотников на ведьм. Жители Бекфорда могли ей не верить и смеяться над ней, но сама Никки знала, что является прямым потомком ведьм. И могла проследить всю родословную Сейджов, восходившую к Ситонам.

Никки приняла душ, позавтракала, облачилась во все черное и отправилась к заводи. Ей предстоял долгий, неспешный путь по тропинке. Она была благодарна дубам и букам за тень, которую они отбрасывали, но все равно от пота щипало в глазах и взмокшая спина стала липкой. Добравшись до маленького пляжа на южной стороне,

она сняла сандалии и зашла по щиколотку в воду. Потом нагнулась, зачерпнула пригоршню воды и побрызгала себе на лицо, шею и руки выше локтя. Теперь, по заведенному ритуалу, ей надлежало подняться на скалу, чтобы отдать дань уважения всем, кто с нее сорвался, прыгнул или кого столкнули вниз. Однако ноги больше не слушались, так что ей придется сказать утопленникам все, что она собиралась, тут, внизу.

Никки стояла почти на том же месте, откуда впервые увидела Нел Эбботт. Это произошло пару лет назад, и она так же переводила дух и остывала, когда заметила на обрыве женщину. Та обошла площадку, потом еще раз, а на третий Никки почувствовала покалывание в ладонях. Женщина же нагнулась, опустилась на колени и, будто змея, подползла к самому краю обрыва и свесила вниз руки. У Никки перехватило дыхание, и она крикнула: «Эй!» Женщина перевела на нее взгляд и, к удивлению Никки, улыбнулась и помахала рукой.

После этого она часто ее там видела. Женщина много времени проводила в заводи, делая снимки, рисуя и что-то записывая. Днем и ночью, в любую погоду. Наблюдая в окно, Никки видела, как Нел шла через город к заводи и посреди ночи,

и в снежную бурю, и в дождь, барабанивший с такой силой, что, казалось, мог содрать с человека кожу.

Иногда Никки проходила мимо нее по тропинке, но Нел ее даже не замечала, полностью погрузившись в работу. Никки это нравилось, ее восхищали целеустремленность этой женщины и то, как она отдавалась своему делу. Еще Никки нравилась привязанность Нел к реке. Было время, когда Никки и сама любила окунуться в воду теплым летним утром, но такие дни остались в прошлом. Но Нел! Она купалась на рассвете и в сумерках, зимой и летом. Правда, в последнее время, наверное с пару недель назад, почему-то перестала. Или раньше? Никки попыталась вспомнить, когда видела Нел в реке в последний раз, но не смогла, потому что сестра снова начала шептать ей на ухо, не давая сосредоточиться. Хоть бы она заткнулась!

Все считали Никки паршивой овцой в семье, но на самом деле ею была Дженни. В детстве все только и говорили, какая Дженни хорошая девочка, какая послушная, а когда ей стукнуло семнадцать, она — кто бы мог подумать! — пошла работать в полицию. Полицию! Боже милостивый, разве их отец не был шахтером? Их мать

назвала решение Дженни предательством, предательством всей семьи, всей общины. Родители перестали с ней разговаривать, и от Никки ждали того же. Но она не смогла. Ведь та была ее младшей сестренкой.

Беда Дженни заключалась в болтливости, она не умела держать рот на замке. После ухода из полиции и перед отъездом из Бекфорда сестра рассказала Никки одну историю, от которой у той волосы встали дыбом, и с тех пор Никки каждый раз, когда Патрик Таунсенд оказывался у нее на пути, прикусывала язык, плевала ему вслед и бормотала заклинания, чтобы защитить себя.

До сих пор это помогало. Защита действовала. Но не в отношении Дженни. После того случая с семьей Патрика и возникшими неприятностями Дженни переехала в Эдинбург и вышла замуж за никчемного человека, и в последующие пятнадцать лет они только и делали, что пили, пока не допились до смерти. Но Никки продолжала с ней видеться и общаться. В последнее время даже чаще. Дженни снова стала болтливой. Беспокойной, шумной и назойливой.

После смерти Нел Эбботт она, казалось, разговорилась еще больше. Нел наверняка бы понравилась Дженни, у них нашлось бы много

общего. Никки Нел тоже нравилась, ей нравилось с ней беседовать и то, что Нел слушала, когда Никки говорила. Она действительно слушала ее рассказы, но предостережениям не придавала значения. Как и Дженни, Нел не знала, когда лучше промолчать.

Иногда, например после сильных дождей, река прибывает. Она заглатывает землю и извлекает из нее разные предметы: кости ягненка, детский резиновый сапог, золотые часы, залепленные илом, очки на серебряной цепочке. Браслет со сломанной застежкой. Нож, блесну, грузило. Консервные банки и тележки из супермаркета. Всякий хлам. Полезные и бесполезные вещи. И это нормально, в порядке вещей, естественном для реки. Река может вернуться в прошлое, вытащить его на свет божий и выбросить на берег на всеобщее обозрение. Но людям так поступать нельзя. Женщинам нельзя. Если ты начинаешь задавать вопросы и развешивать объявления в магазинах и пабах, если начинаешь делать снимки, рыться в старых газетах и расспрашивать о ведьмах, женщинах и потерянных душах, то получишь не ответы, а неприятности.

Уж Никки-то знает!

Дождавшись, когда высохнут ноги, она обулась

и медленно — ох, как медленно! — тронулась по тропинке в обратный путь. Когда она добралась до ступенек и перешла через мост, уже был одиннадцатый час — ждать осталось недолго. Купив в магазине банку кока-колы, она расположилась на скамейке напротив кладбища, возле церкви. Она не собиралась заходить в церковь — это место было не для нее, — но хотела посмотреть на скорбящих, зевак и бесстыжих лицемеров.

Устроившись поудобнее, она прикрыла глаза — всего на минутку, — но когда их открыла, все уже собрались. Молодая сотрудница полиции, новенькая, стояла на месте и, как сурикат, вертела головой, стараясь ничего не упустить. Она тоже пришла понаблюдать. Никки увидела хозяина паба с женой и девушку, работавшую у них за стойкой, пару учителей из школы — толстую безвкусно одетую женщину и красивого мужчину в солнцезащитных очках. Затем ее взгляд упал на Уиттакеров, все еще остро переживавших постигшую их семью утрату. Отец постоянно сутулился, будто придавленный горем, мальчик испуганно озирался, боясь собственной тени, и только мать стояла с высоко поднятой головой. За стайкой молодых девушек, похожих на встревоженных гусынь, шел мужчина с неприятным, но очень

знакомым лицом. Она его точно знала, но никак не могла вспомнить, кто он. Затем ее внимание переключилось на темно-синий автомобиль, припаркованный на стоянке, и по коже у нее пробежали мурашки, а спину обдало холодом. Сначала она увидела невзрачную Хелен Таунсенд — та сидела сзади и выбралась из машины первой. Затем вылез ее муж, сидевший за рулем, и, наконец, показался старый Патрик, державшийся с военной выправкой. Патрик Таунсенд, примерный семьянин, столп общества, бывший полицейский. Подонок! Никки плюнула на землю и пробормотала заклинание. Он обернулся в ее сторону, и Дженни зашептала на ухо:

— Отвернись, Ник.

Никки наблюдала, как все вошли в церковь и вышли из нее полчаса спустя. У двери случилась какая-то заминка, и люди натыкались друг на друга, пытаясь протиснуться, а потом что-то произошло между красивым учителем и Линой Эбботт, какая-то перепалка. Никки видела, что молоденькая детектив тоже все заметила, но тут вмешался возвышавшийся над толпой Шон Таунсенд. Он призвал всех сохранять спокойствие. Но Никки чувствовала, что она упустила нечто важное. Как бывает, когда за долю секунды, что

вы не смотрели на шарик, мошенник успевает проделать свой трюк, и весь ход игры меняется.

Хелен Таунсенд

Хелен сидела за кухонным столом и беззвучно плакала, зажав коленями руки и дергая плечами. Шон все понял не так.

— Ты не обязана туда ходить, — сказал он, осторожно положив ей руку на плечо. — В этом нет необходимости.

— Обязана, — вмешался Патрик. — Хелен должна пойти, и ты должен, мы все должны. Мы тут живем.

Хелен кивнула, вытирая слезы.

— Конечно, я пойду, — произнесла она, откашливаясь. — Конечно, пойду.

Она плакала не из-за похорон. Она плакала, потому что утром Патрик утопил в реке ее бездомную кошку. Он объяснил, что кошка была беременна, а они не могли допустить, чтобы у них повсюду разгуливали кошки. Они станут мешать. Конечно, он был прав, но от этого разве легче? Та кошка, хоть и бездомная, уже стала для Хелен почти домашней. Ей нравилось наблюдать, как она каждое утро шла через двор, принюхиваясь у входной двери, чем можно поживиться, и лениво отмахиваясь от пчел, круживших над кустами

розмарина. При этом воспоминании слезы снова подступили к глазам.

Когда Шон ушел наверх, она пробормотала:

— Тебе не нужно было ее топить. Я могла отвезти ее к ветеринару и усыпить.

— Глупости! — хрипло отозвался он. — Так лучше. И все произошло очень быстро.

Но Хелен видела на его руках глубокие царапины, говорившие о том, как отчаянно боролась кошка за свою жизнь. Она подумала, что старику досталось поделом, и надеялась, что ему было очень больно. А потом устыдилась, потому что он, конечно же, поступил так не из жестокости.

— Надо их обработать. — Она указала на царапины.

Патрик покачал головой:

— Все в порядке.

— Ничего не в порядке, ты можешь подцепить инфекцию. И перепачкать рубашку кровью.

Она усадила его за стол, промыла раны, нанесла на них антисептик, самые глубокие заклеила пластырем. Все это время он не сводил глаз с ее лица, и она решила, что он почувствовал угрызения совести, потому что поцеловал ей руку и произнес:

— Хорошая девочка. Ты очень хорошая.

Хелен поднялась, подошла к раковине, оперлась о столешницу и бросила взгляд на залитый солнцем двор. Чтобы снова не дать волю слезам, ей пришлось закусить губу.

Патрик вздохнул и понизил голос до шепота:

— Послушай, милая, я знаю, как тебе трудно. Я это знаю. Но мы должны поехать туда всей семьей. Мы должны поддержать Шона. Речь идет не о скорби по ней. Это нужно, чтобы все осталось в прошлом.

Хелен не могла сказать, от этих слов или от его дыхания на ее затылке, но волосы у нее встали дыбом.

— Патрик, — произнесла она, поворачиваясь к нему. — Папа, мне надо поговорить с тобой о машине, о…

По лестнице с грохотом спускался Шон, перешагивая через одну ступеньку.

— О чем?

— Не важно, — покачала головой она и, увидев, что он нахмурился, добавила: — Все в порядке.

Хелен поднялась наверх, умылась и надела темно-серый брючный костюм, который обычно приберегала для заседаний школьного совета. Потом провела расческой по волосам, стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале. Она не

хотела признаваться даже самой себе, что ей было страшно, что ей не хотелось иметь дела с тем, чего она боялась. В бардачке своей машины она нашла кое-какие предметы, появление которых объяснить не могла, и не была уверена, что хотела бы знать. Она все забрала и спрятала — глупо, по-детски — под кровать.

— Ты готова? — позвал Шон снизу.

Она сделала глубокий вдох и заставила себя посмотреть на свое отражение — бледное, чистое лицо с ясными, как серое стекло, глазами.

— Я готова, — ответила она самой себе.

Хелен устроилась на заднем сиденье машины Шона, а Патрик сел рядом с сыном. Все молчали, но по тому, как ее муж постоянно потирал запястье, она знала, что он нервничает. Конечно, ему сейчас наверняка трудно. Все эти смерти в реке вызывают у них с отцом очень болезненные воспоминания.

Когда они проезжали первый мост, Хелен посмотрела вниз на зеленоватую воду и старалась не думать о том, как ее насильно удерживали под водой, а она отчаянно вырывалась, изо всех сил цепляясь за жизнь.

Кошка. Она думала о кошке.

Джош

Когда мы собирались на похороны, я поссорился с мамой. Я спустился вниз и увидел, как она перед зеркалом красит губы. На ней была красная блузка. Я сказал, что в ней нельзя идти на похороны, это проявление неуважения. В ответ она лишь удовлетворенно хмыкнула, прошла на кухню и продолжила сборы, как будто я ничего не говорил. Но я не собирался сдаваться, потому что не хотел привлекать к нам и без того излишнее внимание. Там наверняка будет полиция — полицейские всегда посещают похороны людей, которые расстаются с жизнью при загадочных обстоятельствах. Плохо уже то, что я им соврал, и мама тоже, а что они подумают, когда увидят ее нарядившейся, как на праздник?

Я прошел за ней на кухню. Она спросила, буду ли я чай, и я отказался. Сказал, что, по-моему, ей вообще не надо ходить на похороны, а она спросила — с какой стати? Я ответил, что она ее не любила и все это знают. А она только усмехнулась — неужели? Я сказал, что сам пойду обязательно, потому что Лина мой друг, на что она ответила — нет, не пойдешь. Тут спустился папа и сказал, что ей не следует так говорить и что я пойду. Он еще сказал ей что-то очень тихо,

я не слышал, что именно, но она, кивнув, направилась наверх.

Папа налил мне чаю, и я, хотя и не хотел его пить, все же выпил.

— Как думаешь, там будет полиция? — поинтересовался я, сам зная ответ.

— Полагаю, что да. Мистер Таунсенд ведь был знаком с Нел? Ну и, наверное, кто-нибудь из жителей захочет прийти проститься, даже если и не был с ней знаком. Я знаю… знаю, что наша семья — особый случай, но считаю правильным, если мы проявим понимание. Ты со мной согласен?

Я промолчал.

— И ты подойдешь к Лине и скажешь, как тебе жаль, правда? Представь, как ей сейчас должно быть плохо.

Я по-прежнему молчал. Он протянул руку, чтобы потрепать меня по волосам, но я мотнул головой.

— Папа, — начал я, — ты помнишь, полиция спрашивала про воскресную ночь, где мы были и все такое?

Он кивнул, но я увидел, как он посмотрел наверх, чтобы убедиться, что мама нас не слышит.

— Ты сказал, что не заметил ничего необычно-

го, верно? — уточнил он, и я кивнул. — Ты сказал правду.

Я не был уверен, произнес ли он это как вопрос или как утверждение.

Мне захотелось закричать: «А что, если? А что, если она сделала что-то плохое?» — чтобы папа пришел в шок от этой мысли и возмутился, как я мог даже подумать об этом.

— Мама ходила в магазин, — напомнил я.

Папа посмотрел на меня, как на недоумка.

— Да, я знаю. Она в то утро пошла купить молока. Джош… А! Вот и мама! — произнес он, глядя мне через плечо. — Так лучше, правда?

Она поменяла красную блузку на черную.

Так было лучше, но я все равно боялся того, что может произойти. Я боялся, что она что-нибудь скажет, или рассмеется во время церемонии, или еще что. Мне было не по себе от выражения ее лица. Нет, оно не выражало радость… оно было таким, как если бы она оказалась права в споре с папой, типа: «Я же говорила, что надо было ехать по шоссе A68». Как будто она оказалась в чем-то права и не могла скрыть своего торжества.

Когда мы приехали в церковь, народу собралось уже много, и мне стало легче. Я увидел мистера Таунсенда, и он, наверное, тоже меня увидел, но

не подошел и ничего не сказал. Он просто стоял и смотрел по сторонам, а потом заметил, как по мосту идут Лина с тетей, и следил взглядом только за ними. Лина выглядела совсем взрослой, не похожей на себя обычную. Но все равно была красивой. Проходя мимо нас, она заметила меня и грустно улыбнулась. Я хотел подойти к ней и обнять, но мама так крепко держала меня за руку, что я не смог высвободиться.

Я напрасно переживал, что мама начнет смеяться. Когда мы вошли в церковь, она стала плакать, всхлипывая так громко, что на нас стали оборачиваться. Не знаю, было это лучше или хуже.

Лина

Этим утром меня переполняло счастье. Я лежала, откинув покрывало. Ночная прохлада таяла на глазах, и впереди меня ждал чудесный день. Я слышала, как напевает мама. А потом я проснулась.

На двери висело платье, в котором я собиралась пойти. Оно было маминым, от «Ланвин». Она бы ни за что в жизни не разрешила мне его взять, но сегодня вряд ли бы возражала. После того как мама носила его в последний раз, его не отдавали в химчистку, и оно сохранило ее запах. Надевая

его, мне казалось, будто я касаюсь ее кожи.

Я вымыла и высушила волосы, а затем собрала их сзади. Обычно я их не убираю, но маме нравилось, когда они уложены вверх. Она говорила, что это «стильно» — она всегда использовала это слово, когда хотела меня поддразнить. Я собиралась поискать в ее комнате браслет — наверняка он лежит где-то там, — но так и не смогла.

С тех пор как она умерла, я не могу заставить себя войти в ее комнату. В последний раз я была в ней в воскресенье после обеда. Я грустила о Кэти, не знала, чем себя занять, и зашла туда поискать косячок. В прикроватной тумбочке я ничего не нашла и стала проверять карманы пальто в гардеробе, потому что иногда она держала их там. Я не ждала ее появления, но она неожиданно вернулась и застала меня шарящей по ее карманам. Она не разозлилась, но была какой-то печальной.

— Ты не можешь меня выгнать! — заявила я. — Я ищу у тебя травку. И сцену мне устроить не можешь. Потому что тогда будешь ханжой.

— Нет, — возразила она, — тогда я буду просто взрослой.

— Это одно и то же, — сказала я, и она засмеялась.

— Может быть, но дело в том, что мне можно курить травку и пить алкоголь, а тебе нет. И почему ты слоняешься по дому в выходной? Одна? Тебе грустно? Почему не сходишь искупаться или еще куда-нибудь? Не позвонишь подруге?

Меня просто взбесило, что она произносит те же слова, которые говорят обо мне эти идиотки Таня, Элли и другие, — что я скучная, никчемная, что у меня нет друзей, а единственный человек, который со мной общался, утопился.

— Какой, черт побери, подруге? — закричала я. — У меня нет подруг! Ты что, забыла? Забыла, что случилось с моей лучшей подругой?

Она замолчала и подняла руки, как всегда делает — делала, — если не хотела ссориться. Но меня уже понесло, и остановиться я не могла. Я кричала, что ее никогда не было рядом, что она все время оставляла меня одну, что я ей, похоже, вообще не нужна. А она только качала головой:

— Неправда, неправда. Мне жаль, если я уделяла тебе мало внимания, но есть вещи, которые я не могу объяснить. Мне надо кое-что сделать, и я не могу объяснить, как это трудно.

Я была неумолима:

— Тебе не надо ничего делать, мам. Ты обещала никому ничего не говорить. Поэтому делать тебе

ничего не надо. Господи, неужели тебе мало того, что ты уже натворила?

— Лини, — сказала она, — Лини, пожалуйста. Ты не знаешь всего. Я — твоя мама, и ты должна мне доверять.

Я тогда наговорила ей гадостей, что она была плохой матерью, потому что хорошая не разбрасывает по дому наркоту и не приводит ночью мужиков, когда мне все слышно. И еще я сказала, что, случись все иначе и в положение Кэти попала бы я, Луиза знала бы, что делать, она была бы настоящей матерью, нашла бы выход и помогла. Конечно, все это было чушью, потому что я сама запретила маме вмешиваться, и она мне об этом напомнила, добавив, что пыталась помочь. А потом я стала кричать, что это она во всем виновата и если она хоть кому-нибудь проболтается, то я уйду из дома и больше никогда не буду с ней разговаривать. Я повторяла снова и снова, что она и так много натворила. А напоследок сказала, что смерть Кэти на ее совести.

Джулс

В день похорон стояла жара, над водой струился раскаленный воздух, солнце слепило глаза, а из-за влажности было трудно дышать. Мы с Линой пошли в церковь пешком. Она сразу оказалась на

несколько шагов впереди, и догнать ее я не могла: в отличие от меня, на каблуках она держалась очень уверенно. В черном платье с маленьким вырезом она выглядела очень элегантной и красивой, гораздо старше своих пятнадцати лет. Мы шли молча, а река угрюмо несла мимо нас свои мутные воды. В теплом воздухе висел запах тления.

Повернув за угол, мы подошли к мосту, и при мысли, что на похороны в церковь никто не придет, мне стало не по себе. Я боялась, что мы с Линой окажемся там вдвоем и между нами будешь сидеть только ты.

Я шла, опустив голову и глядя под ноги, и думала только о том, куда наступить, чтобы не споткнуться на неровной брусчатке. Блузка (из черной синтетики с большим бантом на вороте, явно не по погоде) прилипла к спине. Глаза начали слезиться. Не страшно, успокоила я себя: если тушь потечет, все подумают, что я плакала.

А Лина так и не плакала. Во всяком случае, в моем присутствии. Иногда мне кажется, что ночью я слышу ее рыдания, но утром она появляется с ясными глазами и невозмутимым видом. Она исчезает из дома и возвращается без единого слова. Я слышу, как она тихо разговаривает в своей

комнате, но меня она полностью игнорирует, сторонится, когда я подхожу, огрызается на вопросы и избегает любого общения. Она не хочет меня знать. (Я помню, как после смерти мамы ты пришла ко мне в комнату и хотела поговорить, а я тебя прогнала. Тут то же самое? Она поступает так же? Я не знаю.)

Когда мы подошли к кладбищу, я заметила на скамейке возле дороги женщину, и та улыбнулась, обнажив гнилые зубы. Мне показалось, что я услышала чей-то смех, но это ты смеялась у меня в голове.

Кое-кто из «неугодных женщин», о которых ты писала, похоронен на этом кладбище. Неужели вы все создавали проблемы? Относительно Либби сомнений не было. В четырнадцать лет она соблазнила тридцатичетырехлетнего мужчину, заставив его бросить жену и маленького ребенка. С помощью своей бабки, колдуньи Мэй Ситон, и многочисленных демонов, которых они вызывали заклинаниями, Либби подбила безгрешного Мэтью совершить противоестественные деяния. Понятно, почему Либби была неугодной. Мэри Марш обвиняли в совершении абортов. Энн Уорд — убийца. А как насчет тебя, Нел? Что сделала ты? Кому ты мешала жить?

Либби похоронена на этом кладбище. Ты знала, где лежит она и где могилы других, показывала мне надгробия и соскабливала с них мох, чтобы стали видны надписи. Ты его собирала — я имею в виду мох, — пробиралась в мою комнату и подкладывала под подушку, а потом говорила, что это сделала Либби. Рассказывала, что по ночам она ходит на берег реки, и если прислушаться, то можно разобрать, как она зовет свою бабку, Мэй, и просит прийти и спасти ее. Но Мэй никогда не приходит — она не может. Ее нет на кладбище. Когда от Мэй добились признания, ее повесили на городской площади, а тело похоронили в лесу за кладбищем, предварительно прибив гвоздями ноги, чтобы она не могла выйти из могилы.

На середине моста Лина на мгновение обернулась посмотреть, где я. Раздражение с оттенком жалости, написанное на ее лице, так напомнило мне тебя, что я невольно поежилась. Я сжала кулаки и закусила губу — она не может внушать мне страх! Она всего лишь ребенок. Ноги у меня болели. По лицу тек пот, мне хотелось разорвать блузку и содрать с себя кожу. На стоянке машин возле церкви я увидела небольшую толпу — все смотрели, как мы приближаемся. Интересно, а что, если перемахнуть через каменную ограду

моста и броситься вниз? Страшно, конечно, но только в первый момент. Я бы зарылась в ил и дала воде сомкнуться над головой — каким наслаждением было бы почувствовать холод и скрыться от чужих глаз.

В церкви мы с Линой сидели рядом (на расстоянии метра) на передней скамье. Людей пришло много. Где-то позади нас громко и безутешно всхлипывала женщина, будто ее сердце разбито. Викарий рассказал о твоей жизни, твоих достижениях, любви к дочери. Вскользь упомянул обо мне. Всю информацию он получил от меня, так что винить его за общие слова и довольно формальный характер выступления я не могла. Наверное, мне тоже следовало произнести несколько слов, но я не знала, как о тебе говорить: скрывать то, что знала о нас с тобой, или сказать правду.

Церемония неожиданно закончилась, и Лина тут же вскочила. Я последовала за ней по проходу, чувствуя на себе взгляды — скорее угрожающие, чем сочувствующие. Я старалась не смотреть на лица, но все равно увидела рыдавшую женщину с перекошенным красным лицом, Шона Таунсенда, который встретился со мной взглядом, молодого мужчину с опущенной головой, под-

ростка, смеющегося в кулак. И грязного подонка. Я застыла на месте, и на меня налетела женщина, шедшая сзади.

— Извините, извините, — забормотала она, пробираясь сбоку.

Я не шевелилась, не дышала, во рту пересохло, а внутри все сжалось в комок. Это был он!

Да, он состарился и обрюзг, но не узнать его было нельзя. Грязный подонок! Я ждала, когда он на меня посмотрит. Мне казалось, что, если мы встретимся взглядом, случится одно из двух: я или закричу, или наброшусь на него с кулаками. Я ждала, но он не поворачивался. Он не сводил глаз с Лины. Внутри у меня все оборвалось. Я стала пробираться к нему, расталкивая всех, кто оказывался на пути. Он стоял в стороне, по-прежнему не сводя глаз с Лины, и наблюдал, как она снимает туфли. Мужчины смотрят на девушек вроде Лины по-разному — с вожделением, любопытством, отвращением. Я не видела его лица, но этого и не требовалось. Я знала, что на нем написано.

Я пробиралась к нему, и в груди у меня начало клокотать. На меня смотрели с жалостью и недоумением, но мне было все равно. Я должна до него добраться… Но он вдруг неожиданно повер-

нулся и быстрым шагом направился к стоянке. Я остановилась, чувствуя, как воздух врывается в легкие, а от адреналина кружится голова. Он сел в большую зеленую машину и уехал.

— Джулс? С вами все в порядке? — появилась детектив Морган и положила мне руку на плечо.

— Вы видели этого человека? — спросила я ее. — Вы его видели?

— Какого человека?

— Это грязный подонок.

Она встревожилась:

— Где, Джулс? Он что-то сделал… что-то вам сказал?

— Нет, я… нет.

— Кто, Джулс? О ком вы говорите?

Мой язык опутал камыш, а рот набил ил. Мне хотелось сказать ей, что я помню его и знаю, на что он способен.

— Кого вы видели? — настаивала она.

— Робби, — наконец выговорила я. — Робби Кэннона.

Август 1993 года

Джулс

Я забыла. До той игры в футбол произошло еще кое-что. Я сидела на полотенце и читала книгу,

вокруг никого не было, а потом появилась ты. Вместе с Робби. Ты не заметила меня в тени деревьев, бросилась в воду, он за тобой, и ты плавала, плескалась и целовалась с ним. Он взял тебя за руку, подтянул к краю воды, а потом лег сверху, прижал тебя к песку, выгнул спину и поднял глаза. Увидел, что я смотрю, и ухмыльнулся.

В тот день я вернулась домой одна. Сняла полосатый купальник и джинсовые шорты и положила их в раковину отмокать в холодной воде. Потом налила себе ванну, залезла в нее и задумалась о том, что никогда не избавлюсь от этого проклятого жира.

Толстуха! Туша! Ноги как тумбы! Годится для сборной Англии по регби.

Я была слишком крупной для всех помещений, в которых жила, и вытесняла все остальное. Я легла в ванную, и уровень воды поднялся. Эврика!

Оказавшись у себя в комнате, я залезла на кровать, натянула на себя покрывало и лежала, задыхаясь от жалости к себе, смешанной со стыдом, потому что в соседней комнате мама умирала от рака груди, а я думала только о том, что не хочу больше так жить.

Потом я уснула. Меня разбудил отец. Он сказал, что должен отвезти маму в больницу для

дополнительных анализов и что они останутся ночевать в городе, потому что будет уже поздно и она устанет. Еда на плите, разогреть мне придется самой.

Я знала, что Нел была дома: в ее комнате играла музыка. Вскоре музыка играть перестала, и мне стали слышны голоса, сначала тихие, но становившиеся все громче, потом постанывание, кряхтение, резкий вдох. Я вылезла из кровати, оделась и вышла в коридор. Там горел свет, дверь в комнату Нел была чуть приоткрыта. За дверью оказалось темно, но я слышала, как она что-то говорила, произносила его имя.

Затаив дыхание, я подобралась ближе. Сквозь щелку разглядела их силуэты, ритмично двигавшиеся в темноте. Я не могла заставить себя отвернуться и наблюдала за ними, пока он не издал громкий животный крик. А потом стал смеяться, и я поняла, что они закончили.

Внизу везде был включен свет. Я его выключила и отправилась на кухню. Там открыла холодильник и, изучая его содержимое, краем глаза заметила на столе бутылку водки. Я видела, как в таких случаях поступала Нел, и все в точности повторила: налила полстакана апельсинового сока, а затем долила до краев водки. Я зажмури-

лась, готовясь ощутить противный горький вкус алкоголя, знакомый по вину и пиву, которые мне украдкой уже приходилось пробовать, и сделала маленький глоток. Напиток оказался сладким и совсем не противным.

Я все выпила и налила еще. Мне нравилось то, что я чувствовала. В животе разлилось тепло и начало подниматься к груди, кровь побежала быстрее, напряжение ушло, а переживания уже казались пустяком.

Я вернулась в гостиную и посмотрела на реку, похожую на большую черную змею, скользившую под домом. Я удивилась тому, как неожиданно вдруг поняла то, о чем раньше не задумывалась: моя проблема вовсе не является непреодолимой. Меня вдруг осенило: мне надо не сидеть сиднем, а быть деятельной и живой. Как река. В конце концов, это не так уж и трудно. Разве нельзя меньше есть и больше двигаться (втайне от всех, когда никто не видит)? Преобразиться из гусеницы в бабочку, стать другой личностью, неузнаваемой, и тогда все забудут про уродину с сочащейся кровью. Я смогу родиться заново!

Я вернулась на кухню и налила себе еще выпить. Сверху послышались шаги, кто-то шел по коридору, потом стал спускаться. Я прошмыгнула

в гостиную, выключила лампу и сжалась в кресле у окна, поджав под себя ноги.

Я видела, как он прошел на кухню, открыл холодильник — нет, морозильник — и стал выковыривать лед из лотка. Потом послышалось бульканье, и он пошел обратно. Но вдруг остановился и сделал шаг назад.

— Джулия? Это ты?

Я не ответила, я вообще перестала дышать. Я никого не хотела видеть, — а его тем более, — но он пошарил в поисках выключателя и зажег свет. На нем были только трусы. Темная от загара кожа, широкие плечи, плоский живот с тонкой полоской курчавых волос, спускавшейся в трусы. Он улыбнулся.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Теперь он стоял совсем близко, и я увидела, что глаза у него слегка затуманены, а ухмылка глупее обычной.

— Ты почему сидишь в темноте?

Тут он заметил мой стакан и ухмыльнулся еще шире:

— То-то мне показалось, что водки стало меньше…

Он подошел, чокнулся со мной бокалом и сел рядом, прижимаясь к моей ноге бедром. Я отодви-

нулась, опустила ноги на пол и начала вставать, но он накрыл мою руку своей.

— Подожди, — сказал он. — Не убегай. Я хочу с тобой поговорить. Хотел извиниться за сегодняшний день.

— Все нормально, — пробормотала я, краснея и не поднимая глаз.

— Нет, мне правда жаль. Эти ребята просто кретины. Извини, что так вышло, ладно?

Я кивнула.

— В этом нет ничего позорного.

Я съежилась, не зная, куда деться от стыда. В глубине души я надеялась, что они не видели и не поняли, что это было.

Он сжал мне руку и, прищурившись, внимательно посмотрел.

— А у тебя красивое лицо, Джулия, ты это знаешь? — Он засмеялся. — Честно, я не шучу.

Он отпустил мою руку и обнял за плечо.

— А где Нел? — спросила я.

— Спит, — ответил он и, отпив, причмокнул губами. — Думаю, что после меня у нее уже нет сил. — Он придвинулся ближе. — А ты когда-нибудь целовалась с парнем, Джулия? — поинтересовался он. — Хочешь меня поцеловать?

Он повернулся ко мне, прижался своими гу-

бами к моим, и я почувствовала, как его язык, горячий и скользкий, пытается пролезть мне в рот. Меня чуть не вырвало, но я позволила ему это сделать, чтобы просто знать, каково это. Когда я отстранилась, он ухмыльнулся.

— Тебе понравилось? — спросил он, обдав меня жарким дыханием, запахом табака и алкоголя.

Он снова поцеловал меня, и я поцеловала его в ответ, стараясь почувствовать то, что по идее должна была. Его рука скользнула под резинку моих пижамных штанов. Я в ужасе дернулась, но его рука уже нащупала складку жира на моем животе и забралась в трусики.

— Нет! — Я думала, что кричу, но звук получился не громче шепота.

— Все нормально, — сказал он. — Не волнуйся. Немного крови меня не смущает.

Потом он на меня разозлился, потому что я никак не могла перестать плакать.

— Ну, хватит, не так уж было и больно! Перестань реветь! Ну же, Джулия, хватит плакать. Разве тебе не понравилось? Ты там была вся мокрая. Ну же, Джулия. Выпей еще. Глотни. Господи, да прекрати ты реветь! Черт бы тебя побрал! Я думал, ты будешь благодарна.

2015

Шон Таунсенд

Я отвез Хелен и отца домой, но у входной двери задержался — мне не хотелось переступать порог. Иногда меня одолевают странные мысли, и я изо всех сил стараюсь их прогнать. Я стоял на крыльце, а жена с отцом выжидательно смотрели на меня из прихожей. Я сказал, чтобы они ели без меня, потому что мне надо вернуться в участок.

Я — трус. Я знаю, что в такой день, как сегодня, обязательно должен быть рядом с отцом. Конечно, Хелен ему поможет, но даже ей не по силам понять всю глубину его страданий, то, что он будет чувствовать. И все же я не мог сидеть рядом с ним, не мог встретиться с ним взглядом. Мы не можем смотреть друг другу в глаза, когда думаем о моей матери.

Я сел в машину и поехал, но не в участок, а обратно на кладбище. Мою мать кремировали, и ее могилы там нет. Отец отвез ее прах в «особое место». Он никогда не говорил мне, куда именно, но обещал, что когда-нибудь обязательно покажет. Но так и не показал. Раньше я время от времени напоминал ему об обещании, чем всегда сильно расстраивал, и, в конце концов, перестал

спрашивать.

В церкви и на кладбище никого уже не было, если не считать старой Никки Сейдж, медленно ковылявшей вдоль ограды. Я вылез из машины и направился по тропинке в сторону деревьев позади церкви. Когда я подошел к Никки, она стояла, держась за стену и хрипло дыша. Она резко повернулась. Ее побагровевшее лицо было мокрым от пота.

— Чего тебе надо? — прохрипела она. — Зачем за мной следишь?

Я улыбнулся.

— Я не слежу. Я проезжал мимо, увидел тебя и решил остановиться поздороваться. С тобой все нормально?

— Я в порядке, в порядке.

Однако со стороны так не казалось. Она оперлась о стену и взглянула на небо.

— Дело идет к грозе.

— Да, и в воздухе она чувствуется, — согласился я, кивая.

Она резко дернула головой.

— Так что, все кончено? С Нел Эбботт? Дело закрыто? Списали в архив?

— Дело не закрыто, — возразил я.

— Пока не закрыто. Но ждать осталось недолго,

так ведь?

Она пробормотала под нос что-то еще.

— Что-что?

— Все уже и так ясно, верно? — Она повернулась ко мне и ткнула мне в грудь толстым указательным пальцем. — А ты ведь знаешь, что оно не похоже на предыдущее. На Кэти Уиттакер. Оно похоже на смерть твоей матери.

Я невольно отступил на шаг.

— Ты о чем? — спросил я. — Если ты что-то знаешь, то должна мне рассказать. Тебе что-нибудь известно о смерти Нел Эбботт?

Она отвернулась и снова забормотала себе под нос что-то нечленораздельное.

Сердце у меня учащенно забилось, и по телу прокатилась волна жара.

— Не упоминай мою мать! Особенно в такой день! Господи! Что за люди!

Она махнула рукой.

— Ты не слушаешь. Такие, как ты, никогда не слушают, — сказала она и неверной походкой направилась по тропинке, время от времени останавливаясь и опираясь о стену, чтобы сохранить равновесие.

Я разозлился на нее — она задела меня за живое и сделала больно. Мы знакомы уже много лет, я

всегда был с ней вежлив и проявлял уважение. Понятно, что у нее проблемы с головой, но я никогда не считал ее плохим человеком, тем более жестоким.

Я побрел к машине, но потом передумал и решил сначала зайти в магазин. Там я купил бутылку односолодового виски «Талискер» — отец предпочитает его всем остальным, хотя вообще пьет немного. Я подумал, что мы выпьем вместе и это поможет мне загладить вину за неожиданный отъезд. Я представил, как мы сидим за кухонным столом с бутылкой между нами и поднимаем бокалы, чтобы чокнуться. Чокнуться за что именно? Едва представив себе эту картину, я почувствовал страх, и руки у меня начали дрожать. Я открыл бутылку.

Запах виски и жар в груди от алкоголя разбудили во мне детские воспоминания. Как я болел с высокой температурой, проваливался в неспокойный сон, а очнувшись видел маму — она сидела на краю кровати, убирала у меня со лба мокрые волосы и растирала мазью «Викс», чтобы сбить температуру. В моей жизни были периоды, когда я почти не вспоминал о ней, но в последнее время стал думать о ней все чаще, особенно в эти дни. Я вижу ее лицо — иногда она улыбается,

иногда нет. Иногда протягивает ко мне руки.

Я не заметил, как началась гроза. Наверное, просто отключился. Очнувшись, я увидел, что дорога превратилась в реку, а раскаты грома то и дело заставляли машину вздрагивать. Я повернул ключ в зажигании, но тут обратил внимание, что виски в лежавшей на коленях бутылке осталось всего две трети, и снова заглушил двигатель. Сквозь барабанную дробь капель я слышал свое дыхание, и мне вдруг показалось, что в машине есть кто-то еще. И стоит мне повернуться, как на заднем сиденье я его увижу. Ощущение было настолько реальным, что я боялся пошевелиться.

Решив, что прогулка под дождем меня отрезвит, я открыл дверцу, бросил, не удержавшись, взгляд на заднее сиденье и вылез из машины.

На меня сразу обрушились потоки воды, а стена дождя не позволяла ничего разглядеть. Но тут небо разрезала молния, и я увидел промокшую до нитки Джулию — она, спотыкаясь, бежала к мосту. Я снова залез в машину и посигналил ей фарами. Она остановилась. Я посигналил еще раз. Она нерешительно направилась в мою сторону и, не дойдя несколько метров до машины, опять остановилась. Я опустил стекло и позвал ее.

Джулия открыла дверцу и забралась внутрь.

На ней была та же одежда, что и на похоронах, но теперь, мокрая насквозь, она плотно облегала ее фигуру. Однако обувь она успела сменить. Я заметил, что у нее порваны колготки, и сквозь дырку на колене виднелась бледная кожа. Даже представить такое казалось невозможным, потому что она не носила ничего открытого — все блузки были с неизменно длинными рукавами и стоячими воротничками, что придавало ей неприступный вид.

— Что вы тут делаете? — спросил я.

Она бросила взгляд на бутылку виски у меня на коленях, но промолчала. А потом неожиданно притянула к себе и поцеловала. Ощущение было удивительным и пьянящим. Я почувствовал у нее на языке вкус крови и на мгновение поддался порыву, но тут же резко отпрянул.

— Извините, — сказала она, вытирая губы и опустив глаза. — Извините, сама не знаю, что на меня нашло.

— Я тоже, — отозвался я.

Мы вдруг оба некстати засмеялись, сначала нервно, а потом от всей души, как будто поцелуй был самой веселой шуткой на свете. Отсмеявшись, мы оба вытирали с лица слезы.

— Что вы тут делаете, Джулия?

— Джулс, — поправила она. — Я искала Лину. Не знаю, где она…

Теперь я видел в ней другую женщину, больше не закрытую.

— Мне страшно, — призналась она и засмеялась, будто смутившись. — Я очень боюсь.

— Боитесь чего?

Она откашлялась и убрала с лица мокрые волосы.

— Чего вы боитесь?

Она глубоко вздохнула.

— Я не… Это может показаться странным, я знаю, но на похоронах был человек, которого я узнала. Он раньше был парнем Нел.

— Вот как?

— Я имею в виду… давно. Целую вечность назад. Когда мы были подростками. Я понятия не имею, встречалась ли она с ним после этого.

На ее щеках выступили красные пятна.

— В своих сообщениях она никогда не упоминала о нем. Но на похороны он приехал, и я думаю… Не могу объяснить почему, но мне кажется, он мог с ней что-то сделать.

— Что-то сделать? Вы хотите сказать, что он может быть причастен к ее смерти?

Она умоляюще посмотрела на меня.

— Конечно, я не могу утверждать это, но вам надо проверить его, узнать, где он был в момент ее смерти.

Я напрягся, чувствуя, как алкоголь уступает место адреналину.

— Как его зовут? О ком вы говорите?

— Робби Кэннон.

Сначала я не понял, о ком речь, но потом до меня дошло.

— Кэннон? Из местных? У его семьи сеть автосалонов, куча денег. Вы о нем?

— Да, о нем. Вы с ним знакомы?

— Нет, не знаком, но я его помню.

— Помните?

— Со школы. Он был на год старше. Преуспевал в спорте. И с девчонками тоже. Не самый умный…

Джулс опустила голову так низко, что почти коснулась подбородком груди, и сказала:

— Я не знала, что вы здесь учились.

— Да, — отозвался я. — Вся моя жизнь прошла тут. Вы, конечно, меня не помните, а я вас помню. Вас и, конечно, вашу сестру.

— Понятно, — произнесла она и снова стала чужой, будто захлопнула перед носом дверь. И взялась за ручку дверцы, собираясь выйти.

— Подождите, — попросил я. — А с чего вы взяли, что Кэннон может быть причастен к смерти вашей сестры? Он что-то сказал или сделал? Проявлял агрессию?

Джулия покачала головой и отвернулась.

— Я просто знаю, что он опасен. Он плохой человек. И я видела, как он… смотрел на Лину.

— Смотрел на нее?

— Да, смотрел. — Она повернулась и наконец взглянула мне в глаза. — Мне не понравилось, как он на нее смотрел.

— Ясно. Я… постараюсь навести справки.

— Спасибо.

Она снова взялась за ручку дверцы, чтобы выйти, но я положил ей руку на плечо:

— Я отвезу вас домой.

Она опять бросила взгляд на бутылку.

— Хорошо.

До Милл-Хаус мы добрались за пару минут и по дороге не произнесли ни слова. Мне не следовало ничего говорить, но, когда она открыла дверцу, я сказал:

— Знаете, вы очень похожи на свою сестру.

Она посмотрела на меня с изумлением и издала сдавленный смешок:

— Я абсолютно другая! — И добавила, смахнув

со щеки слезу: — Я — ее антипод.

— Не думаю, — возразил я, но она уже ушла.

Я не помню, как добрался до дома.

Смертельная заводь

Лорен, 1983 год

На тридцать второй день рождения Лорен, через неделю, они поедут в Крастер. Только они с Шоном, потому что Патрик будет занят на работе.

– Это мое самое любимое место в мире, – рассказывала она сыну. – Там есть замок и чудесный пляж, а иногда на скалах можно увидеть тюленей. А после пляжа и замка мы отправимся на коптильню и будем лакомиться там копченой селедкой с ржаным хлебом. Настоящий праздник!

Шон недовольно сморщил носик.

– Я бы лучше съездил в Диснейленд, – объявил он, – и поел там мороженого.

Его мать засмеялась и пообещала, что они, может, так и сделают. Но поехать им никуда не довелось.

Стоял ноябрь, дни были короткие и ненастные, и Лорен казалась сама не

своей. Она понимала, что ведет себя странно, но ничего не могла с собой поделать. За завтраком, когда за столом собиралась вся семья, она вдруг неожиданно краснела и отворачивалась, чтобы скрыть пунцовые щеки. Она отворачивалась и тогда, когда муж подходил, чтобы поцеловать ее, – движение было непроизвольным, почти автоматическим, и его губы касались лишь ее щеки или уголка рта.

За три дня до ее дня рождения разразилась буря. Она собиралась весь день, по долине гулял злобный ветер, обычно тихая заводь покрылась белыми барашками. Буря началась ночью, река отчаянно билась о берега, а деревья сгибались под напором бешеных порывов ветра. С неба низвергались потоки воды, превращая землю в подводное царство.

Муж и сын Лорен спали как младенцы, но сама Лорен бодрствовала. Она устроилась за столом в кабинете мужа с бутылкой его любимого скотча. Выпив бокал, она вырвала из тетради лист. Потом осушила другой бокал, затем

третий, но лист так и остался пустым. Она не могла решить, как начать. Слово «дорогой» казалось формальным, а «милый» – ложью. Осушив почти всю бутылку и так ничего и не написав, она вышла из дома.

Подстегиваемая алкоголем, скорбью и гневом, Лорен направилась к заводи. Городок был пуст, все окна наглухо закрыты. Никто не видел, как она поднималась по тропинке в гору, то и дело скользя по грязи. Она ждала, что кто-нибудь придет, что мужчина, которого она полюбила, каким-то чудесным образом почувствует ее отчаяние и появится, чтобы спасти ее от нее самой. Но раздавшийся голос, испуганно и обреченно выкрикивавший ее имя, принадлежал не тому, кого ей хотелось услышать.

Она бесстрашно шагнула к обрыву, широко раскрыла глаза и бросилась в темноту.

Она не могла его видеть, не могла знать, что внизу возле деревьев находился ее сын.

Не могла знать, что его разбудил крик

отца и стук захлопнувшейся двери, что он вскочил, бросился вниз и выскочил на улицу босиком, в одной тонкой пижамке на худом тельце.

Шон увидел, как отец садится в машину, и стал громко звать маму. Патрик обернулся и крикнул сыну идти обратно в дом. Потом подбежал к нему, грубо схватил и попытался затолкать за дверь. Но мальчик умолял не оставлять его одного.

Патрик сдался. Он подхватил сына, отнес в машину, пристегнул на заднем сиденье, и тот испуганно затих, не в силах понять, что происходит. Он крепко зажмурился. Они поехали к реке. У моста отец остановился и велел ему ждать в машине и никуда не уходить. Но кругом было темно, а дождь барабанил по крыше с такой силой, будто на нее обрушился град пуль, и мальчику казалось, что в машине есть кто-то еще, что он слышит чье-то дыхание. Он вылез из машины и побежал, спотыкаясь, вниз по ступенькам, а на тропинке несколько раз поскользнулся в грязи и упал, но продолжал пробираться

сквозь мглу и ливень к заводи.

Потом в школе говорили, что он все видел, что он был тем самым мальчиком, который видел, как его мать прыгнула с обрыва и разбилась насмерть. Но это была неправда. Когда он добежал до заводи, отец уже находился в воде и выбирался на берег. Шон не знал, что делать, и, вернувшись к деревьям, спрятался за толстым стволом, где никто не мог к нему подкрасться.

Ему казалось, что он просидел там очень долго. Оглядываясь назад, он даже допускал, что мог уснуть, хотя с учетом темноты, шума и страха это было маловероятно. Но он помнил, как за ним пришла женщина – Дженни из полицейского участка. У нее было одеяло и фонарь, она отвела его обратно к мосту, дала выпить сладкого чая, и они вместе ждали отца.

А потом Дженни отвезла его к себе домой и угостила тостами с сыром.

Но всего этого Лорен уже знать не могла.

Эрин

После похорон я обратила внимание, как многие из собравшихся подходили, чтобы сказать несколько слов отцу Шона, которого мне представили просто как Патрика Таунсенда. С ним здоровались за руку и приподнимали в знак приветствия шляпы, а он стоял, будто главнокомандующий, принимавший парад: спина прямая, губы сжаты.

— Напыщенный болван, правда? — обратилась я к констеблю в форме, стоявшему рядом.

Он повернулся и посмотрел на меня, как на ничтожество.

— Думайте, что говорите, — прошипел он и отвернулся.

— Прошу прощения, я сказала что-то не то? — поинтересовалась я.

— Он заслуженный полицейский со множеством наград, — ответил констебль. — Вдовец. Его жена умерла здесь, на этой реке. — Затем он повернулся ко мне и презрительно процедил, будто не я, а он был старше по званию: — Так что соблаговолите проявить уважение.

Я почувствовала себя полной дурой. Но откуда мне было знать, что Шон из записей Нел Эбботт был Шоном из полиции? Я не знала, как звали

его родителей. Проклятье! А при чтении заметок Нел Эбботт я не обратила особого внимания на обстоятельства самоубийства, совершенного больше тридцати лет назад. Оно не показалось мне хоть как-то связанным с нашим делом.

В самом деле: разве может кто-то держать в голове все смерти, случившиеся здесь не по естественным причинам? Да их тут как в сериале «Чисто английское убийство» — с той лишь разницей, что их причиной были не удары по голове, а несчастные случаи, самоубийства и утопления, совершенные женоненавистниками.

После работы я вернулась к себе — кое-кто из полицейских отправился в паб, но после допущенной мною бестактности в адрес Патрика Таунсенда отношение местных ко мне как к чужой только усилилось. В любом случае, дело-то все равно закрыто, верно? Так что болтаться тут мне нечего.

Я испытывала облегчение, сродни тому, когда в конце концов вспоминаешь, в каком фильме раньше играл этот актер, когда нечто непонятное вдруг окончательно проясняется. Странность в поведении инспектора уголовной полиции — водянистые глаза, дрожащие руки, сбивчивость речи, — все вдруг нашло свое объяснение. Все

становилось понятным, если знать его историю. Его семья пережила то же самое, что сейчас переживают Джулс и Лина, — такой же ужас, такой же шок. И они задавались тем же мучительным вопросом: почему?

Я перечитала записи Нел Эбботт о Лорен Таунсенд. Ничего необычного. Просто несчастная жена, полюбившая другого мужчину. Это говорит о ее состоянии и переживаниях, не исключено, что на такой шаг ее толкнула депрессия. В конце концов, кто знает? Однозначного ответа нет, и Нел Эбботт изложила свою версию случившегося. Я подумала, что надо было обладать немалым самомнением, чтобы решиться написать о чужой трагедии, ни с чем не считаясь.

Изучая записи, я все время задавалась вопросом, как Шон после такого мог остаться жить в Бекфорде. Даже если он и не видел падения, то все равно находился рядом. Как, черт возьми, это действует на психику? И все же тогда он был маленьким. Наверное, лет шести-семи? Дети могут блокировать подобные травмы. Но отец? Он ходит на реку каждый день, я видела его. Только представьте себе! Каждый божий день вы видите место, где потеряли близкого человека. У меня в голове это не укладывается. Правда, я никого из

близких не теряла. Так что откуда мне знать, что чувствуют люди, пережившие такое горе?

Часть вторая

Вторник, 18 августа

Луиза

Скорбь Луизы была похожа на реку — такая же постоянная и всегда разная. На ней так же появлялась рябь, она так же выходила из берегов и шла на убыль, так же неровно текла во времени: одни дни оказывались тягучими, холодными и темными, другие — быстрыми и слепящими. И вина, которую она чувствовала, тоже словно текла и просачивалась сквозь трещины, как ни пыталась она их заделать.

Вчера она ходила в церковь посмотреть, как Нел опустят в могилу. Но на самом деле, — и ей следовало это знать, — захоронения как такового не было. Но она видела, как гроб с телом увезли на кремацию, так что день можно считать хорошим. Даже нервный срыв — она прорыдала всю церемонию, как ни пыталась взять себя в руки, — оказался просто разрядкой.

Но сегодняшний день будет тяжелым. Едва проснувшись, она почувствовала не наполненность, а опустошенность. Подъем от мстительной

удовлетворенности шел на убыль. И теперь, когда тело Нел превратилось в прах, у Луизы не осталось ничего. Абсолютно ничего. Ей уже больше некого считать виновной в своей боли и страдании, потому что Нел умерла. И Луиза боялась, что теперь ей больше некуда нести свои муки и терзания, кроме как домой.

Домой, к мужу и сыну. Да. День предстоял страшный, но его придется прожить, и прожить достойно. Она решилась — время, когда им нужно отсюда уехать, наступило. Уехать, пока не стало совсем поздно.

Луиза с мужем обсуждали переезд уже несколько недель и тихо, чтобы не слышал сын, спорили. Алек считал, что им надо переехать до начала учебного года. Джош начнет ходить в новую школу, сказал он, где никто о нем ничего не будет знать. И где ему ничего не будет напоминать о гибели сестры.

— И ему даже не с кем будет о ней поговорить? — не удержалась Луиза.

— Он будет разговаривать о ней с нами, — ответил Алек.

Они тихо беседовали на кухне.

— Нам надо продать дом и начать все заново. Я знаю… — сказал Алек, подняв руку, чтобы не

дать Луизе возразить, — знаю, что здесь ее дом. — Он запнулся и положил на стол свои большие, темные от загара руки. А затем продолжил, тщательно подбирая слова, будто от них зависела его жизнь: — Лу, нам нужно подумать о Джоше. Если бы дело было только в нас с тобой…

Если бы только в них, подумала она, то они бы последовали за Кэти в воду и утопились, и все бы сразу закончилось. Разве не так? Хотя насчет Алека она не была уверена. Раньше она считала, что только родителям дано понять, какой поистине всепоглощающей может быть любовь, однако теперь сомневалась в отношении отцов. Конечно, Алек чувствовал скорбь, но вот отчаяние? Или ненависть?

Их брак, который она считала нерушимым союзом, уже начал давать трещины. Но откуда она могла знать, что ни один брак не в силах пережить такой потери. Они всегда будут помнить, что им не удалось ее остановить. Хуже того, никто из них даже не подозревал, что с их дочерью что-то не так. Они отправились спать, уснули, а когда увидели утром ее нетронутую постель, то даже не могли предположить, что ее тело найдут в реке.

Ей самой уже ничто не может помочь, подумала Луиза, да и Алеку, наверное, тоже, но что касается

Джоша… Да, он до конца жизни будет скучать по сестре, но он еще может быть счастлив. Да, может. Он пронесет ее образ через всю жизнь, но будет работать, путешествовать, любить, жить. И для него лучше всего оказаться подальше отсюда, подальше от Бекфорда, подальше от реки. Луиза понимала, что в этом ее муж прав.

В глубине души она уже давно это знала, но гнала эту мысль. Однако вчера она наблюдала за сыном после похорон, и ее охватил ужас. На его осунувшемся лице застыл страх, и он вздрагивал при каждом громком звуке, сжимаясь в комок, будто перепуганный щенок в толпе людей. А еще он постоянно следил за ней взглядом, словно вернулся в раннее детство, и был уже не самостоятельным двенадцатилетним мальчишкой, а испуганным и беспомощным маленьким мальчиком. Они должны увезти его отсюда.

И все же. Здесь Кэти сделала свои первые шаги, произнесла первые слова, играла в прятки, бегала по саду, ссорилась с маленьким братом, а потом его успокаивала, здесь она смеялась, пела, плакала, огорчалась, здесь она каждый день обнимала маму, вернувшись из школы.

Но Луиза уже приняла решение. Как и дочери, решимости ей было не занимать. Однако ей

стоило неимоверных усилий встать из-за стола, подойти к лестнице, подняться по ступенькам, взяться за ручку двери, открыть ее и войти в комнату дочери в последний раз. Потому что именно так она чувствовала: сегодня последний день, когда эта комната — комната ее дочери. Завтра она станет уже чем-то другим.

Сердце Луизы окаменело — оно больше не билось и просто причиняло боль, царапая мягкие ткани и разрывая вены и мышцы сгустками крови, переполнявшими грудь. Хорошие дни и плохие дни.

Она не могла оставить комнату, ничего в ней не тронув. Как бы ни было трудно сложить вещи Кэти, убрать ее одежду, снять со стен ее фотографии, мысль о том, что это проделают совершенно чужие люди, казалась еще страшнее. Невозможно себе представить, что они будут их трогать, пытаться понять причину, удивляться, что все выглядит совершенно обычным, что Кэти кажется на снимках абсолютно нормальной. Это она? Не может быть! Неужели это она утопилась?

Поэтому Луиза все сделает сама — уберет с письменного стола школьные принадлежности, ручку, которую дочка держала в руке. Затем сложит мягкую серую футболку, в кото-

рой та спала, уберет постель. Спрячет голубые сережки, подаренные Кэти ее любимой тетей на четырнадцатый день рождения, в шкатулку для драгоценностей. Потом достанет со шкафа в прихожей большой черный чемодан и упакует в него всю одежду дочери. Так она и сделает.

Она стояла посреди комнаты, погрузившись в свои мысли, и вдруг услышала позади шум. Она обернулась и увидела в дверях Джоша, с изумлением смотревшего на нее.

— Мам? Что ты тут делаешь? — Он был белым как полотно, голос у него дрожал.

— Ничего, милый. Я просто… — Она шагнула к нему, но он отступил назад.

— Ты… ты что, собираешься сейчас убираться в ее комнате?

Луиза кивнула:

— Да. Хочу начать.

— А что будет с ее вещами? Ты их отдашь? — Голос у него сорвался, будто он задыхался.

— Нет, милый. — Она подошла к нему и убрала с его лба прядь мягких волос. — Мы все сохраним. И ничего не будем отдавать.

Он выглядел растерянным.

— А разве не надо подождать папу? Разве он не должен быть здесь? Тебе не надо это делать

одной.

Луиза ему улыбнулась.

— Я просто начну, — объяснила она, стараясь говорить как можно спокойней. — Вообще-то я думала, что ты утром собирался к Хьюго…

Хьюго был другом Джоша, может, единственным настоящим другом. (Каждый день она благодарила Господа за Хьюго и его семью, к которым он всегда мог отправиться, если находиться дома становилось особенно тяжело.)

— Я собирался, но забыл телефон и вернулся. — В подтверждение своих слов он поднял руку, в которой сжимал смартфон.

— Понятно, — сказала она. — Молодец. Ты останешься у них на обед?

Он кивнул, неуверенно улыбнулся и ушел. Дождавшись, когда за ним захлопнется входная дверь, она присела на кровать и дала наконец волю слезам.

На прикроватной тумбочке лежала старая растянутая резинка для волос с несколькими зацепившимися волосками. Какие же роскошные темные волосы у нее были! Луиза взяла резинку, повертела в руках, перебирая пальцами, и прижала к лицу. Потом поднялась, подошла к туалетному столику, открыла шкатулку для

драгоценностей в форме сердца и убрала в нее резинку. Она будет храниться вместе с ее браслетами и сережками — они не станут ничего выбрасывать и все сохранят. Не здесь, а в каком-нибудь другом месте, — ее вещи всегда будут переезжать вместе с ними. Ничто из того, что принадлежало Кэти и до чего она дотрагивалась, никогда не будет пылиться на полке магазина подержанных вещей, отданных на благотворительность.

На шее Луизы висела серебряная цепочка с маленькой голубой птичкой, та самая, которая была на Кэти в день смерти. Луизе не давала покоя причина, почему дочь надела именно это украшение. Оно никогда не было ее любимым. Чего нельзя сказать о сережках из белого золота, которые они с Алеком подарили Кэти, когда ей исполнилось тринадцать лет. Она их просто обожала, как и фенечку, купленную Джошем (на карманные деньги!) в Греции, куда они ездили всей семьей в отпуск. Луиза не могла понять, почему Кэти выбрала именно ее — подарок Лины, с которой в последнее время они уже были не так близки. На птичке имелась гравировка «С любовью» — совсем не в ее вкусе.

Никаких других украшений, кроме этой це-

почки. Джинсы и куртка, слишком теплая для летнего вечера, с набитыми камнями карманами. Ими же был заполнен и рюкзак. Когда ее нашли, она была окружена цветами, и несколько цветков сжимала в руке. Как Офелия. Как на картине на стене у Нел Эбботт.

Люди говорили, что возлагать ответственность за случившееся с Кэти на Нел Эбботт было дико, жестоко и по меньшей мере глупо. Разве можно считать ее виноватой просто потому, что она писала о заводи, говорила о ней, фотографировала, расспрашивала, печатала статьи в местных изданиях и даже выступила в передаче на Би-би-си? Просто потому, что она произнесла слова «приют самоубийц», что говорила об утопленницах как о романтичных героинях, как о женщинах, встретивших избавительную смерть в красивом месте по собственному выбору?

Но Кэти не повесилась, не вскрыла себе вены, не наглоталась таблеток. Она выбрала заводь. На самом деле дико совсем другое: как можно не видеть связи и не понимать, насколько чувствительными и восприимчивыми могут быть некоторые люди, особенно в юном возрасте? Хорошие, умные, добрые дети легко увлекаются. Луиза не понимала и никогда не поймет, почему

Кэти так поступила, но она твердо знала, что ее решение не было спонтанным или случайным.

Психолог, с которым она встречалась дважды, сказал ей, что искать причины не следует. Она никогда не сможет найти ответ, и никто не сможет. Во многих случаях, когда люди лишают себя жизни, конкретной причины просто нет — в жизни все гораздо сложнее и запутаннее. Луиза, негодуя, указывала на отсутствие у Кэти признаков депрессии, говорила, что в школе у нее было все в порядке (они посетили школу, просмотрели ее почту, переписку в «Фейсбуке» и не нашли ничего, кроме любви). Она была красивой, хорошо училась, у нее были мечты, желания. Она не была несчастной. Иногда увлекающейся, зачастую излишне впечатлительной. Подверженной быстрым сменам настроения. Ей было пятнадцать лет. Ее нельзя было назвать скрытной. Появись у нее проблемы, она бы обязательно поделилась ими с матерью. Она всегда ей все рассказывала, всегда.

— Она ничего от меня не скрывала! — заявила она психологу, и тот отвел глаза.

— Так думают все родители, — тихо возразил он, — и, боюсь, все они ошибаются.

После этого Луиза больше с ним не встречалась, но сомнение уже было посеяно. Появилась

трещина, через которую ею начало овладевать чувство вины. Сперва оно сочилось тонкой струйкой, но потом хлынуло настоящим потоком. Она не знала своей дочери. Вот почему цепочка не давала ей покоя, совсем не потому, что ее подарила Лина, а потому, что она стала олицетворением ее незнания собственной дочери. Чем больше она об этом думала, тем больше себя винила: за то, что была слишком занята, что основное внимание уделяла Джошу, что не смогла защитить своего ребенка.

Чувство вины захлестывало ее все сильнее, и единственной возможностью не утонуть в нем было только одно — найти причину. Найти ее и сказать: «Вот! Вот в чем все дело!» Ее дочь сделала выбор, лишенный смысла, но карманы, набитые камнями, и цветы в руках… У выбора Кэти была своя подоплека. И этому они обязаны Нел Эбботт.

Луиза положила черный чемодан на кровать, открыла шкаф и начала снимать вещи дочери с вешалок: яркие футболки, летние платья, розовую толстовку, в которой она проходила всю прошлую зиму. Ее глаза снова наполнились слезами, и, чтобы не расплакаться, она попыталась сосредоточиться на чем-то другом. Она представила себе искалеченное ударом о воду тело Нел,

и ей стало легче.

Шон

Меня разбудил доносившийся издалека отчаянный женский крик. Сначала я решил, что мне это приснилось, но потом окончательно проснулся от громкого и настойчивого стука, уже близкого и вполне реального. За входной дверью кто-то был.

Я быстро оделся и бросился вниз, кинув взгляд на часы на кухне. Первый час ночи — я заснул всего полчаса назад. Стук в дверь продолжался, женщина звала меня по имени. Голос был знакомый, но узнал я его не сразу. Я открыл дверь.

— Ты это видишь? — обрушилась на меня Луиза Уиттакер, пунцовая от ярости. — Я же говорила тебе, Шон! Говорила, что тут не все чисто!

«Этим» оказалась оранжевая пластиковая баночка, в каких обычно отпускаются лекарства по рецепту, а на этикетке значилось имя Нел Эбботт.

— Говорила! — повторила она и разрыдалась.

Я завел ее в дом, но было слишком поздно: закрывая дверь, я увидел, как в спальне наверху в доме отца зажегся свет.

Понять, что говорила Луиза, мне удалось не сразу. Она была в истерике, фразы набегали одна

на другую, делая речь совершенно бессвязной. Мне пришлось постепенно выуживать из нее информацию, которую она выдавала короткими, сдавленными, полными бешенства фразами. Они наконец-то решились выставить дом на продажу. Ей надо было убраться в комнате Кэти до того, как начнут приходить для осмотра потенциальные покупатели. Она не хотела, чтобы по ней слонялись чужие люди и трогали ее вещи. Уборку она начала после обеда. Собирая вещи дочери, она обнаружила оранжевую баночку. Она снимала с вешалки зеленую куртку Кэти — одну из ее самых любимых — и услышала потрескивание. Сунула руку в карман и нашла там банку с таблетками. Она пришла в ужас, тем более что на этикетке было имя Нел Эбботт. Об этом лекарстве — римато — она никогда не слышала, но посмотрела в Интернете и выяснила, что это таблетки для похудения. В Англии они не продаются. Исследования, проведенные в Соединенных Штатах, установили связь между их приемом и появлением депрессии и суицидальных мыслей.

— А ты это проглядел! — всхлипывала она. — Говорил, что в крови у нее ничего не нашли. Что Нел Эбботт тут ни при чем. Но вот, — она стукнула кулаком по столу с такой силой, что баночка

подпрыгнула, — теперь видишь?! Она снабжала мою дочь таблетками, опасными таблетками. А благодаря тебе это сошло ей с рук!

Как ни странно, но от ее нападок и обвинений мне стало легче. Потому что теперь появлялась причина. Если Нел снабжала Кэти таблетками, то мы могли указать это в качестве объяснения случившегося. Причины, по которой счастливая и умная девочка лишила себя жизни. Причины, по которой так поступили обе женщины.

Это бы всех устроило, но я знал, что это неправда.

— Луиза, все ее анализы были отрицательными. Я не знаю, как долго этот — римато? — остается в крови, но… — Я поднялся, достал из ящика стола пластиковый пакет и протянул его Луизе. Она взяла баночку со стола и убрала в пакет. Я его запечатал. — Но мы это выясним.

— И тогда все узнают правду, — заявила она, судорожно глотая воздух.

Но правда заключалась в том, что мы все равно ничего не узнаем наверняка. Даже если в крови Кэти обнаружатся следы лекарства, даже если там найдется что-то еще, полной ясности у нас так и не будет.

— Я знаю, что уже поздно, — говорила Луиза, —

но я хочу, чтобы все об этом знали. Я хочу, чтобы все знали, что сделала Нел Эбботт. Господи, она же могла давать эти таблетки и другим девочкам… Тебе надо поговорить об этом с женой — она же директор и должна знать, что в ее школе кто-то торгует таким дерьмом. Надо обыскать шкафчики, надо…

— Луиза, — я сел рядом с ней, — успокойся. Конечно, мы отнесемся к этому очень серьезно, обязательно, но нам неизвестно, откуда у Кэти взялась эта баночка. Не исключено, что Нел Эбботт купила таблетки для себя…

— И что? Что ты хочешь сказать? Что Кэти их украла?! Да как ты смеешь даже думать об этом, Шон! Ты знал ее…

Дверь на кухне скрипнула — после дождя так часто бывает — и открылась. На пороге стояла Хелен — в наспех натянутых спортивных брюках и футболке, растрепанная и встревоженная.

— Что происходит? Луиза, что случилось?

Луиза покачала головой и закрыла лицо руками, ничего не ответив.

Я поднялся и обратился к Хелен:

— Тебе лучше вернуться и лечь спать, — попросил я, понизив голос. — Все в порядке.

— Но…

— Мне нужно просто поговорить с Луизой. Все в порядке. Возвращайся в спальню.

— Хорошо, — неохотно согласилась она, глядя на женщину, молча всхлипывавшую за кухонным столом. — Если ты уверен…

— Уверен.

Хелен тихо выскользнула из комнаты и закрыла за собой дверь. Луиза вытерла глаза. Она смотрела на меня как-то странно, видимо, удивляясь тому, откуда появилась Хелен. Я мог бы объяснить, что она плохо спит и отец тоже страдает бессонницей, так что иногда они коротают время вместе, решают кроссворды, слушают радио. Но мне не хотелось вдаваться в подробности, и я сказал:

— Я не думаю, что Кэти что-нибудь украла. Конечно же, я так не думаю. Но она могла… ну, не знаю… прихватить их случайно. Ей могло стать любопытно. Ты говоришь, они были в кармане ее куртки? Может, она их случайно прихватила и потом просто забыла об этом.

— Моя дочь никогда не брала вещей в чужом доме, — упрямо заявила Луиза, и я кивнул. Спорить было бессмысленно.

— Я сразу же займусь этим завтра утром. Направлю таблетки в лабораторию, и мы еще раз

проверим анализы крови. Если я что-то упустил, Луиза…

Она покачала головой.

— Я знаю, что это ничего не изменит. Знаю, что ее не вернешь, — тихо произнесла она. — Но это поможет мне. Понять.

— Понимаю. Конечно, я все понимаю. Давай я отвезу тебя домой? — предложил я. — А твою машину пригоню завтра?

Она снова покачала головой и слабо улыбнулась.

— Я в порядке, — сказала она. — Спасибо.

Эхо ее благодарности — непрошеной и незаслуженной — осталось висеть в воздухе после ее ухода. Мне было не по себе, и я обрадовался, услышав на ступеньках шаги Хелен: мне не хотелось оставаться в одиночестве.

— Что произошло? — спросила она, появившись на кухне.

Она выглядела бледной и уставшей, а круги под глазами были похожи на синяки. Она села за стол и взяла меня за руку.

— Зачем приходила Луиза?

— Она кое-что нашла, — ответил я. — И считает, что это может иметь отношение к тому, что случилось с Кэти.

— Господи, Шон! И что именно?

Я сомневался, стоит ли говорить.

— Наверное… наверное, я пока не могу раскрывать все детали.

Она кивнула и сжала мне руку.

— Скажи, когда вы в последний раз находили наркотики в школе?

Она нахмурилась.

— Ну, в конце семестра нашли немного марихуаны у этого маленького придурка Йена Уотсона, а до этого… давно ничего не было. Относительно давно. По-моему, в марте разразился скандал с Лиамом Маркхэмом.

— Таблетки, кажется?

— Да, экстази или что-то типа этого и рогипнол. Его исключили.

Я смутно помнил тот случай, хотя он и не относился к моей компетенции.

— И кроме этого ничего? Никакие таблетки для похудения не попадались?

Она удивленно приподняла бровь.

— Нет. Во всяком случае, ничего противозаконного. Некоторые девочки принимают голубые таблетки — кажется, они называются «Алли». Они свободно продаются в аптеке, хотя не уверена, что их можно отпускать несовершен-

нолетним. — Она поморщилась. — От них сильно пучит живот, но, судя по всему, они готовы на это пойти ради промежутка между бедрами.

— Какого промежутка?

Хелен закатила глаза.

— Промежутка между бедрами! Они все хотят иметь такие худые ноги, чтобы бедра наверху не сходились. В самом деле, Шон, иногда мне кажется, что ты с другой планеты. — Она снова сжала мне руку. — Иногда я жалею, что не живу на ней рядом с тобой.

Мы впервые за долгое время отправились спать вместе, но я не смог к ней прикоснуться. После всего, что сделал.

Среда, 19 августа

Эрин

Лохматому эксперту потребовалось пять минут, чтобы найти электронный заказ на таблетки для похудения в папке спама Нел Эбботт. Насколько он мог судить, она сделала этот заказ всего один раз, если, конечно, у нее не было другого электронного адреса, которым она больше не пользовалась.

— Странно, правда? — заметил один из полицейских постарше, чье имя я так и не удосужилась узнать. — Она была стройной. Никогда бы не

подумал, что они ей нужны. А вот сестра — та действительно была толстой.

— Джулс? — переспросила я, уточняя. — Она не толстая.

— Это сейчас, а видели бы вы ее тогда. — Он не мог сдержать смеха. — Свинья свиньей!

Обхохочешься, нечего сказать!

Когда Шон рассказал мне о таблетках, я вплотную занялась Кэти Уиттакер. Факт ее самоубийства не вызывал сомнений, но его причина так и осталась неизвестной, что вовсе не редкость в подобных случаях. Родители Кэти не подозревали ни о каких проблемах. По рассказам учителей, в последнее время она была разве что немного задумчивее и вела себя сдержанней, чем обычно, но ничего настораживающего в ее поведении не наблюдалось. Анализы крови чистые. Никаких данных о причинении вреда своему здоровью.

Единственным необычным событием в жизни Кэти была якобы имевшая место размолвка с лучшей подругой Линой Эбботт. По словам пары школьных подруг, Лина и Кэти из-за чего-то поссорились. Мать Кэти Луиза сказала, что они стали видеться реже, но она не думала, что девочки поссорились. Кэти наверняка бы ей об этом сообщила. У них были ссоры в прошлом — для

девочек-подростков в этом нет ничего необычного, — и Кэти никогда их от матери не скрывала. И после них они всегда мирились. А после одной из ссор Лина даже подарила ей цепочку, чтобы загладить свою вину.

Однако, по словам их школьных подруг Тани и Элли, на этот раз они повздорили очень сильно, хотя из-за чего, они не знали. Они утверждали, что примерно за месяц до смерти Кэти она так «жутко поругалась» с Линой, что учителю пришлось разнимать их. Лина это полностью отрицала, говорила, что Таня с Элли просто хотят ей навредить и устроить неприятности. Луиза, конечно, ничего об этой ссоре не слышала, а учитель — Марк Хендерсон — сказал, что девочки вообще-то и не ссорились. Они просто дурачились и разыгрывали спектакль, а когда стали слишком шуметь, он велел им успокоиться. Вот и все.

Читая материалы дела Кэти, я сначала не придала этому значения, но потом несколько раз возвращалась к этому эпизоду. Что-то тут не сходилось. Устраивать «бои напоказ» характерно для мальчишек. Не исключено, конечно, что во мне сексизма больше, чем я готова признать, но я смотрю на фотографии девочек — красивых, уравновешенных и ухоженных, особенно Кэти, —

и думаю, что на них это совсем не похоже.

Припарковавшись возле Милл-Хаус, я услышала какой-то шум и подняла голову. Из окна второго этажа высовывалась Лина с сигаретой в руке.

— Привет, Лина! — окликнула я ее.

Та не ответила, но очень тщательно прицелилась и щелчком отправила окурок в мою сторону. Затем скрылась в комнате и захлопнула окно. Разыгрывать ссору точно не в духе Лины — если она ссорится, то мало никому не покажется.

Дверь мне открыла Джулс, то и дело нервно заглядывая мне через плечо.

— У вас все в порядке? — спросила я.

Она выглядела ужасно: осунувшаяся, посеревшая, глаза мутные, волосы грязные.

— Я не могу спать, — тихо ответила она. — Не могу заснуть.

Она прошла через кухню, еле волоча ноги, поставила чайник и присела на край стола. Точно так же выглядела моя сестра через три недели после появления на свет близнецов — сил у нее едва хватало, чтобы держать голову ровно.

— Может, вам стоит обратиться к врачу и выписать какое-нибудь лекарство? — предложила я, но та покачала головой.

— Я не хочу засыпать слишком глубоко, — объяснила она, расширяя глаза, отчего стала похожа на сумасшедшую. — Я должна быть начеку.

На мой взгляд, даже коматозники могли дать ей фору в бдительности, но я промолчала.

— Робби Кэннон, о котором вы говорили… — начала я.

Она дернулась и принялась грызть ноготь.

— Мы навели о нем кое-какие справки. Вы были правы насчет его жестокости: пару раз, среди прочего, его признавали виновным в домашнем насилии. Но к смерти вашей сестры он непричастен. Я ездила в Гейтсхед — он там живет — и поговорила с ним. В ту ночь, когда Нел умерла, он был в Манчестере, где навещал сына. Он утверждает, что не видел Нел несколько лет, но, когда прочел в местной газете о ее смерти, решил поехать отдать дань уважения. Мои вопросы его очень удивили.

— А он… — она понизила голос почти до шепота, — он упоминал обо мне? Или Лине?

— Нет. Ничего такого. А почему вы спрашиваете? Он тут был? — Я вспомнила, как настороженно она открыла дверь, как заглядывала мне через плечо, будто высматривая кого-то.

— Нет. Я хочу сказать, что не думаю… Я не

знаю.

Мне больше не удалось ничего о нем вытянуть. Она явно очень боялась его, но не говорила почему. Плохо, конечно, но я не стала настаивать, поскольку приехала обсудить другой непростой вопрос.

— Есть еще одна неприятная вещь. Боюсь, что нам придется опять провести обыск в доме.

Она в ужасе уставилась на меня:

— Зачем?! Вы что-то нашли? Что случилось?

Я рассказала о найденных таблетках.

— Боже! — Она зажмурилась и опустила голову.

Возможно, ее реакция притупилась усталостью, но она не казалась шокированной.

— Она купила их восемнадцатого ноября прошлого года на американском сайте. Мы не можем найти подтверждения других покупок, но нам надо удостовериться…

— Хорошо, — согласилась Джулс. — Конечно. — Она потерла глаза кончиками пальцев.

— В районе обеда придет пара полицейских. Вас это устроит?

Она пожала плечами:

— Что ж, если это необходимо, но я… какого числа вы сказали она их купила?

— Восемнадцатого ноября, — повторила я, сверившись с записями. — А что?

— Просто это… годовщина. Смерти нашей матери. Похоже… нет, не знаю. — Она нахмурилась. — Просто это странно, потому что восемнадцатого Нел мне обычно звонила, а в прошлом году почему-то нет. Как потом выяснилось, она находилась в больнице — ей удаляли аппендикс. Мне кажется странным, что она заказывала таблетки для похудения в больнице, куда попала для срочной операции. Вы уверены, что это было восемнадцатого?

Вернувшись в участок, я поговорила с лохматым экспертом. Дату я назвала правильно.

— Она могла их заказать по мобильному, — предположила Келли. — В больнице никогда не знаешь, чем себя занять.

Но эксперт покачал головой:

— Нет, я проверял айпи-адрес — заказ был сделан в четыре семнадцать пополудни с компьютера, использовавшего маршрутизатор в Милл-Хаус. Значит, кем-то в доме или рядом с ним. А вам известно, во сколько ее увезли в больницу?

Я не знала, но выяснить не составило труда. Нел Эбботт доставили в больницу еще до рассвета

восемнадцатого ноября для срочного удаления аппендикса. Она провела в больнице весь день и следующую ночь.

Нел не могла купить таблетки. Их купил кто-то другой, использовав ее карту и из ее дома.

— Лина, — сказала я Шону. — Кроме Лины, некому.

Он хмуро кивнул, соглашаясь.

— Нам надо с ней поговорить.

— Собираетесь сделать это сейчас? — спросила я, и он, поморщившись, снова кивнул.

— Лучше не откладывать. Самое подходящее время поговорить с ребенком, только что потерявшим мать. Господи, что происходит!

Но все оказалось гораздо запутаннее. Мы уже выходили из участка, когда нас догнала крайне возбужденная Келли.

— Отпечатки! — выговорила она, задыхаясь. — Есть совпадение. Ну, не совсем совпадение, потому что подозреваемых у нас нет, только…

— Только что? — не выдержал инспектор.

— Один из сотрудников решил сравнить отпечатки на баночке с теми, что оставлены на камере, — помните, одну кто-то вывел из строя?

— Да, мы помним, что одна камера была сломана.

— Так вот, отпечатки совпадают. И скажу сразу: они не принадлежат ни Нел Эбботт, ни Кэти Уиттакер. К этим предметам прикасался кто-то другой.

— Луиза, — сказал Шон. — Больше некому. Луиза Уиттакер.

Марк

Марк застегивал чемодан, когда появилась детектив. На этот раз другая женщина — постарше и не такая привлекательная.

— Сержант уголовной полиции Эрин Морган, — представилась она, пожимая ему руку. — Я хотела бы с вами поговорить.

Он не пригласил ее в дом. Там царил беспорядок, и он был не в настроении проявлять любезность.

— Я собираю вещи и уезжаю в отпуск, — объяснил он. — Еду на машине в Эдинбург, где заберу свою невесту. Мы отправляемся в Испанию на несколько дней.

— Это не займет много времени, — заверила сержант Морган, заглядывая ему через плечо внутрь дома.

Он прикрыл входную дверь. Они разговаривали на крыльце.

Марк думал, что речь снова пойдет о Нел Эб-

ботт. Как-никак он был одним из последних, кто видел ее живой. Они встретились возле паба, перекинулись несколькими словами, и он заметил, что она направилась в сторону Милл-Хаус. Он полагал, что разговор будет об этом. И никак не рассчитывал, что совсем о другом.

— Я знаю, что с вами уже беседовали, но нам требуется прояснить обстоятельства, которые привели к смерти Кэти Уиттакер, — сказала женщина.

Марк почувствовал, как бешено заколотилось сердце и рот наполнился слюной.

— А что… что случилось?

— Насколько нам известно, у вас были причины вмешаться в ссору между Линой Эбботт и Кэти за месяц до смерти последней?

В горле у Марка пересохло. Он хотел сглотнуть и никак не мог.

— Это не было ссорой, — произнес он и поднес руку к глазам, чтобы защититься от солнца. — А почему… извините, а почему вдруг снова зашла речь об этом? Насколько я знаю, смерть Кэти признана самоубийством…

— Да, — прервала его детектив, — это было самоубийство и им остается. Однако у нас есть основания полагать, что… э-э… есть обстоятельства,

связанные со смертью Кэти, о которых раньше нам не было известно и которые нуждаются в дальнейшем расследовании.

Марк резко повернулся и толкнул входную дверь с такой силой, что та отскочила и ударила его, когда он входил в прихожую. Голову все теснее сжимали тиски, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Ему надо срочно уйти с солнца.

— Мистер Хендерсон, с вами все в порядке?

— Да, в порядке. — Дождавшись, когда глаза привыкнут к полумраку прихожей, он повернулся к детективу. — Просто немного болит голова. А яркий свет…

— Может, вам выпить стакан воды? — предложила сержант Морган с улыбкой.

— Нет, — ответил он, понимая, что ведет себя весьма подозрительно. — Нет, все нормально.

Они помолчали.

— И все же, мистер Хендерсон? Как насчет ссоры между Линой и Кэти?

Марк покачал головой:

— Это не было ссорой… Я уже говорил об этом полиции. Мне не пришлось их разнимать. Кэти и Лина были очень близки, они могли быстро выйти из себя, не сдержаться и наговорить вся-

кого, что типично для многих девочек — многих детей — в этом возрасте.

Детектив, по-прежнему стоявшая на солнцепеке снаружи, теперь превратилась в безликую фигуру, просто тень. Его это вполне устраивало.

— Кое-кто из учителей Кэти отмечал, что в последние недели перед смертью она была задумчивей и сдержанней, чем обычно. Вы тоже это заметили?

— Нет, — ответил Марк и медленно моргнул. — Мне так не показалось. Не думаю, чтобы она изменилась. И ее поступок явился для меня полной неожиданностью. Для всех нас. — Его голос стал тихим и напряженным, что не ускользнуло от детектива.

— Прошу извинить, что снова возвращаю вас в прошлое, — сказала она. — Я понимаю, как ужасно…

— Не думаю, что понимаете. Я видел эту девочку каждый день. Она была такой юной и умной, была… Она была одной из лучших моих учениц. Мы все ее очень… любили.

Он запнулся на слове «любили».

— Мне очень жаль. Поверьте. Но дело в том, что появились новые факты, и мы должны их проверить.

Марк кивнул, стараясь расслышать ее слова сквозь гул в ушах; ему вдруг стало очень холодно, будто его окатили ледяной водой.

— Мистер Хендерсон, у нас есть основания полагать, что Кэти принимала лекарство, которое называется римато. Вам что-нибудь известно об этом?

Марк пристально на нее посмотрел. Теперь ему хотелось увидеть ее глаза и выражение ее лица.

— Нет… я… а разве не говорили, что она ничего не принимала? Так утверждала полиция. Римато? Это что? Нечто… для удовольствия?

Морган покачала головой:

— Нет. Это таблетки для похудения.

— Но Кэти не была толстой, — возразил он, понимая, как глупо это звучит. — Хотя они вечно об этом говорят, не так ли? Девочки-подростки. О своем весе. Хотя и не только подростки. Взрослые женщины тоже. Моя невеста тому яркий пример.

Это правда, хотя и не вся. Потому что его невеста больше не была его невестой, она больше не донимала его разговорами о своем весе и не ждала, когда он приедет, чтобы отправиться с ним в Малагу. В своем последнем письме, присланном по электронной почте несколько месяцев назад,

она прокляла его и сказала, что никогда не простит за то, как он с ней обошелся.

Но что такого ужасного он сделал? Будь он действительно холодным, жестоким и бесчувственным негодяем, то морочил бы ей голову и дальше, хотя бы для отвода глаз. В конце концов, поступить именно так было в его интересах. Но он — не плохой человек. Просто если он любил, то любил безоглядно, и что в этом ужасного?

После ухода детектива он занялся поисками — выдвинул все ящики, пролистал все книги, перерыл весь дом. Он искал, зная, что ничего не найдет. В ту ночь в разгар лета он, раздраженный и напуганный, развел на заднем дворе костер и сжег все открытки, письма, книгу для записей. Все подарки. Он бросил взгляд в окно на задний двор, где и теперь виднелось темное пятно обгоревшей земли, на котором он уничтожил все ее следы.

Выдвигая ящик стола в гостиной, Марк точно знал, что в нем увидит, потому что проделывал это уже много раз. Иногда от страха, но чаще из скорби он лихорадочно искал хоть что-нибудь, пропущенное тогда. Но в ту ночь он вычистил все очень тщательно.

Он знал, что в кабинете директора школы есть

ее фотографии. Папка с личным делом. Которое уже закрыто, но все еще хранится. У него имелся ключ от административного здания, и он точно знал, где искать. И ему обязательно нужно забрать с собой хоть что-нибудь, связанное с ней. Это не было пустой прихотью, он чувствовал, что это важно, потому что будущее вдруг стало неопределенным. Он не задумывался об этом раньше, но теперь понимал: заперев дом, он может больше никогда в него не вернуться. Возможно, пришла пора исчезнуть отсюда навсегда и начать все сначала.

Он доехал до школы и оставил машину на пустой стоянке. Иногда во время каникул Хелен приезжала сюда поработать, но сегодня ее машины не оказалось. Марк был один. Он вошел в здание и направился мимо учительской к кабинету Хелен. Дверь была закрыта, но, когда он нажал на ручку, оказалось, что она не заперта.

Он распахнул дверь, и в нос ему ударил неприятный химический запах очистителя. Марк пересек кабинет, подошел к канцелярскому шкафу и выдвинул верхний ящик. Он был пуст, а ящик под ним заперт. Марк с горечью осознал, что кто-то все разложил по-другому и он теперь не знает, где искать, и приехал сюда, похоже,

зря. Он вышел в коридор, удостоверился, что кроме него в здании никого нет, — его красный «Воксхолл» стоял на парковке по-прежнему в одиночестве, — и вернулся в кабинет. Стараясь действовать как можно аккуратнее, он принялся проверять один за другим ящики письменного стола Хелен, надеясь найти там ключи от шкафа. Ключей он не нашел, но обнаружил нечто другое — украшение, которое Хелен ни за что бы не стала носить. Где-то он его видел раньше. Серебряный браслет с застежкой из оникса и гравировкой «СД».

Он сел и долго его разглядывал. Он никак не мог взять в толк, что делает здесь эта безделушка. Что это может означать? Вероятно, ничего. Марк положил браслет на место, прекратил поиски и вернулся к машине. Он уже вставил ключ в замок зажигания, когда вдруг до него дошло, где он видел этот браслет. Он был на Нел в тот вечер возле паба. Они тогда перекинулись парой слов, и он проводил ее взглядом, когда она направилась в сторону Милл-Хаус. Но когда они разговаривали, она машинально теребила что-то на запястье — тот самый браслет! Марк снова вернулся в кабинет Хелен, открыл ящик, забрал браслет и сунул его в карман. Если бы его

спросили, зачем он это делает, он не сумел бы объяснить.

Наверное, подумал он, это подобно тому, когда ты, оказавшись на глубине, цепляешься за что угодно, лишь бы не утонуть. Потянуться за спасательным кругом, а вытянуть водоросли, но все равно не выпускать их из рук.

Эрин

Когда мы приехали, мальчик — Джош — стоял возле дома, бледный и настороженный, словно солдат на страже. Он вежливо поздоровался с Шоном и с подозрением посмотрел на меня. В руках он вертел швейцарский складной нож, то и дело вытаскивая и убирая лезвие.

— Мама дома, Джош? — спросил Шон, и тот утвердительно кивнул.

— О чем вы опять собираетесь с нами говорить? — поинтересовался он высоким срывающимся голосом и закашлялся.

— Нам надо просто уточнить пару деталей, — объяснил Шон. — Ничего особенного.

— Она спала, — заявил Джош, переводя взгляд с Шона на меня. — В ту ночь. Она спала. Мы все спали.

— В какую ночь? — переспросила я. — О какой ночи ты говоришь, Джош?

Он покраснел, опустил глаза и стал снова вертеть нож. Маленький мальчик, который еще не научился врать.

Луиза открыла входную дверь. Она посмотрела на меня, потом на Шона и вздохнула, потирая лоб над бровями. Лицо у нее было цвета слабого чая, а когда она повернулась к сыну, я обратила внимание, что она сутулилась, будто старуха. Она подозвала сына к себе и что-то ему тихо сказала.

— А вдруг они захотят поговорить и со мной? — услышала я его вопрос.

Луиза крепко взяла его плечи.

— Не захотят, милый, — заверила она. — Иди.

Джош закрыл лезвие и сунул нож в карман джинсов. Я улыбнулась, и он быстро зашагал по тропинке, обернувшись всего лишь раз, когда Луиза закрывала за нами дверь.

Я прошла за Луизой и Шоном в просторную светлую гостиную, за которой располагалась вошедшая в моду квадратная оранжерея, отчего казалось, что дом мягко перетекает в сад. На лужайке стояла деревянная клетка, а вокруг нее разгуливали черные, белые и рыжие курицы, копавшиеся в земле в поисках пищи. Луиза жестом пригласила нас сесть на диване. Сама она медленно и осторожно, будто боясь потревожить

еще не затянувшуюся рану, устроилась в кресле напротив.

— Итак, — произнесла она, чуть приподняв подбородок, чтобы видеть лицо Шона, — что вы можете мне сообщить?

Шон рассказал, что новые анализы крови подтвердили прежние результаты: следов лекарства в крови Кэти не обнаружено.

Луиза слушала и качала головой, не скрывая очевидного несогласия с заключением.

— Но вы же не знаете, как долго этот препарат остается в крови, разве не так? И сколько требуется времени, чтобы он оказал действие или, наоборот, перестал действовать? Шон, вы не можете исключать…

— Мы ничего не исключаем, Луиза, — ровным голосом произнес Шон. — Я просто излагаю то, что мы выяснили.

— Но… наверняка передача незаконных лекарств человеку — ребенку — все равно является правонарушением? — Она закусила нижнюю губу. — Я знаю, что наказать ее уже нельзя, но узнать об этом должны все, разве нет? О том, что она сделала?

Шон ничего не ответил, и я, кашлянув, начала говорить. Луиза перевела взгляд на меня.

— Нам удалось выяснить, миссис Уиттакер, что, судя по времени приобретения препарата, купить его сама Нел не могла. Хотя для оплаты была использована ее кредитка…

— Что вы такое говорите? — вскинулась Луиза. — Теперь вы утверждаете, что Кэти украла ее кредитку?

— Нет, нет, — заверила я ее. — Мы не имеем в виду ничего подобного…

Она вдруг сообразила, что это значит, и выражение ее лица изменилось.

— Лина! — помрачнев, выдохнула она, откидываясь на спинку кресла. — Это сделала Лина!

Шон объяснил, что пока у нас нет уверенности, но мы обязательно допросим девочку. После обеда она должна явиться в участок, куда ее вызвали для дачи показаний. Он спросил Луизу, не нашлось ли в вещах Кэти еще чего-нибудь подозрительного. Та не обратила на вопрос никакого внимания.

— Все сходится, — заявила она, подаваясь вперед. — Неужели вы сами не видите? Если связать воедино таблетки, место, где все случилось, и тот факт, что Кэти проводила много времени в доме Эбботтов в окружении всех этих картин, рассказов и…

Она осеклась, сообразив, насколько надуманно и безосновательно звучат ее слова. Потому что даже если она права, даже если эти таблетки привели к депрессии, это никак не меняло того факта, что сама Луиза ничего тревожного не заметила.

Разумеется, я ничего такого не сказала, поскольку вопрос, который мне предстояло задать, был и без того непростым. Луиза поднялась с кресла, полагая, что беседа завершена и мы сейчас уйдем, но я ее остановила:

— Нам нужно попросить вас еще кое о чем.

— Да? — Она осталась стоять, сложив руки на груди.

— Вы не станете возражать, если мы снимем ваши отпечатки пальцев? — осторожно произнесла я.

— Зачем?! Почему?! — изумилась она, не дав мне возможность продолжить и все объяснить.

Шон смущенно объяснил:

— Луиза, у нас есть совпадение отпечатков на баночке с таблетками, которую ты мне передала, и на одной из камер Нел Эбботт, и мы должны выяснить причину. Вот и все.

Луиза снова села.

— Наверное, они принадлежат Нел. Вы об этом не думали?

— Они принадлежат не Нел, — ответила я. — Мы проверили. И не вашей дочери.

От этих слов ее передернуло.

— Конечно, они не могут принадлежать Кэти. Зачем бы Кэти стала что-то делать с камерой? — Она вытянула губы, подняла руку к шее и стала двигать взад-вперед по цепочке маленькую голубую птичку. Потом тяжело вздохнула и призналась: — Они мои. Конечно, они мои.

Она рассказала, что это произошло через три дня после смерти Кэти.

— Я пошла к ним в дом. Я была… сомневаюсь, что вы можете представить мое состояние, но постарайтесь. Я постучала, но она не вышла. Я не сдавалась и продолжала барабанить в дверь, и наконец, — она смахнула со лба прядь волос, — ее открыла Лина. Она рыдала, была в истерике. Ужасная картина. — Она попыталась улыбнуться, но ничего не вышло. — Я наговорила ей всякого, теперь понимаю, что вела себя слишком жестоко…

— А что именно вы сказали? — спросила я.

— Я… я плохо помню детали.

Ей уже не удавалось держать себя в руках, ее дыхание участилось, а пальцы сжимали ручки кресла с такой силой, что костяшки из оливковых

стали желтыми.

— Наверное, меня услышала Нел. Она вышла и попросила меня уйти. Сказала, — Луиза визгливо хохотнула, — что очень соболезнует моей утрате, но ни она, ни ее дочь к ней не причастны. Лина сидела, скорчившись, на земле — я это помню — и издавала какой-то… животный звук. Как раненый зверь. — Помолчав, чтобы перевести дыхание, она продолжила: — Мы с Нел жутко разругались. — Она слабо улыбнулась Шону. — Удивлен? Не знал об этом раньше? Я думала, что Нел тебе рассказала, а уж Лина наверняка. Да, я… нет, я ее не ударила, но бросилась на нее, и она меня оттолкнула. Я потребовала показать, что сняла камера. Я хотела… я не знаю, чего хотела, но не могла допустить, чтобы она… я не могла этого вынести… — Луиза замолчала, выбившись из сил.

Присутствовать при муках человека, оглушенного страшным горем, — тяжкое испытание: ты невольно чувствуешь себя бессердечным, лишним и циничным. И все же это часть нашей работы, которую приходится делать постоянно. Каждый вырабатывает для себя свой алгоритм действий в таких случаях. Для Шона он заключался в том, чтобы опустить голову и сидеть, не ше-

велясь. Для меня — в переключении внимания. Я начала наблюдать за курицами, гулявшими по лужайке. Потом окинула взглядом книжные полки, заставленные современными романами и книгами по военной истории. Посмотрела на фотографии в рамках на полке над камином. Свадебное фото, снимок всей семьи и фотография младенца. Только одного — мальчика в голубом. А где же фотография Кэти? Я представила, каково это убрать снимок своего ребенка с витрины семейной гордости и переложить в ящик стола. Бросив взгляд на Шона, я увидела, что он больше не смотрит вниз, а сердито уставился на меня. До меня вдруг дошло, что я постукиваю карандашом по блокноту. Я делала это машинально, не отдавая себе отчета, просто меня трясло.

После долгой паузы Луиза заговорила снова:

— Я не могла позволить, чтобы Нел стала последней, кто видел мою девочку живой. Она сказала, что никаких записей нет, что камера была сломана, но даже если бы и работала, то сверху, с обрыва… все равно бы ничего не было видно. — Она судорожно вдохнула, от чего по ее телу пробежала дрожь. — Я ей не поверила. Я не могла рисковать. А что, если на камере что-то было и она это использует? Что, если покажет мою

девочку всему миру, одинокую, испуганную и…

Она запнулась и глубоко вздохнула.

— Я сказала ей… неужели Лина тебе ничего не рассказала? Я сказала ей, что не успокоюсь, пока она не заплатит за то, что сделала. А потом я ушла. И отправилась на скалу, где попыталась вытащить из камеры карту памяти, но не смогла. Я попробовала оторвать камеру от крепления, но только сломала ноготь. — Она показала левую руку — ноготь на указательном пальце был короткий и неровный. — Я несколько раз ударила по камере ногой, а затем разбила ее камнем. И вернулась домой.

Эрин

Выйдя из дома Уиттакеров, я увидела Джоша: он сидел напротив, устроившись на другой стороне дороги. Дождавшись, пока мы сядем в машину и немного отъедем, он быстро перебежал через дорогу и скрылся в доме. Инспектор, погруженный в свои мысли, судя по всему, ничего не заметил.

— Не успокоится, пока Нел не заплатит за это? — повторила я, когда мы шли к машине. — Не считаете, что эти слова можно расценить как угрозу?

Шон окинул меня своим привычно отсутствующим и недовольным взглядом и промолчал.

— Я хочу сказать: разве не странно, что Лина об этом даже не заикнулась? А Джош? Его слова, что все спали. Было видно, что он врал…

— Да, — коротко кивнул Шон. — Похоже, что так. Но я бы не стал придавать особого значения словам переживающих горе детей, — тихо произнес он. — Кто знает, что он чувствует, или воображает, или считает, что должен или не должен говорить? Он знает, что нам известно об отношении его матери к Нел Эбботт, и, полагаю, боится, что ее обвинят и отнимут у него. Не забывайте, как много он уже потерял.

Шон помолчал.

— Что касается Лины, то, если у нее действительно была истерика, как говорит Луиза, она, вероятно, вообще мало что помнит о том случае, кроме своих страданий.

Что касается меня, то мне было трудно представить, как самоуверенная и зачастую просто брызжущая желчью Лина, с которой мы имели дело, может обреченно скулить, словно раненый зверь, как описала ее поведение в тот день Луиза. Мне было непонятно, почему она с такой невыносимой болью восприняла смерть подруги, а смерть матери — более чем сдержанно. А может, скорбь Луизы и ее убежденность в вине Нел так

повлияли на Лину, что она и сама стала в это верить? У меня побежали мурашки. Конечно, это маловероятно, но что, если Лина, как и Луиза, винила мать в смерти Кэти? Что, если захотела с этим что-то сделать?

Лина

Ну почему взрослые всегда задают не те вопросы? Таблетки! Теперь они уцепились за них. Эти чертовы таблетки для похудения — я и забыла, что покупала их, так давно это было. А они теперь считают, что ВСЕ ДЕЛО В ТАБЛЕТКАХ, и мне пришлось тащиться в полицейский участок вместе с Джулией, которая является моим «компетентным совершеннолетним лицом». Не смешите! Да она самое что ни на есть некомпетентное лицо в данной ситуации.

В полицейском участке меня отвели в заднюю комнату, не похожую на те, что показывают по телику. Самый обычный кабинет. Мы все расселись за столом, и эта женщина — сержант уголовной полиции Морган — задавала вопросы. Почти все. Шон тоже иногда спрашивал, но в основном она.

Я сказала правду. Я купила таблетки на мамину карточку, потому что меня попросила Кэти, и мы понятия не имели, что они могут причинить вред. Во всяком случае, я, но если Кэти и знала, то

ничего мне об этом не сказала.

— Похоже, тебя не очень беспокоит, — заявила Морган, — что они могли отрицательно сказаться на душевном состоянии Кэти в конце ее жизни?

Я чуть не прокусила язык.

— Нет, — отрезала я. — Меня это не беспокоит. Кэти поступила так совсем не из-за таблеток.

— Тогда из-за чего?

Я знала, что она за это зацепится, и продолжила:

— Она и выпила-то их совсем немного. Четыре-пять штук, не больше. Пересчитайте таблетки, — обратилась я к Шону. — Я уверена, что в заказе их было тридцать пять. Пересчитайте.

— Мы пересчитаем, — отозвался он и спросил: — А кому-нибудь еще вы их давали?

Я отрицательно покачала головой, но он не отставал:

— Это важно, Лина.

— Я знаю, что важно. Я покупала их всего один раз. Я оказала услугу подруге. Больше ничего. Честно.

Он откинулся на спинку кресла.

— Ладно, но я никак не могу понять, зачем вообще Кэти понадобилось принимать эти таблетки. — Он посмотрел на меня, а потом перевел

взгляд на Джулию, будто та могла знать ответ. — Она же не страдала от лишнего веса.

— Но и худой ее нельзя было назвать, — возразила я, и Джулия издала странный звук — нечто среднее между фырканьем и смешком, а когда я на нее посмотрела, то в ее ответном взгляде было нечто вроде ненависти.

— Ей об этом говорили? — снова спросила Морган. — В школе? Кто-то подшучивал над ней по поводу ее веса?

— Господи! — Мне уже становилось трудно держать себя в руках. — Нет! Над Кэти не смеялись. Знаете что? Она всегда обзывала меня тощей сучкой. И смеялась надо мной, потому что… — Я запнулась, видя, что Шон смотрит прямо на меня, но, раз уж я начала, надо было говорить до конца. — Потому что у меня нет сисек. Она обзывала меня тощей сучкой, а я ее жирной коровой, но на самом деле мы говорили это в шутку.

Они не понимали. Что неудивительно. Проблема в том, что я не могу все толком объяснить. Иногда я даже сама не понимала, потому что она хоть и не была худышкой, но особо не обращала на это внимания. Она никогда не говорила об этом так, как другие. Мне не нужно было худеть, а вот Джен, Элли или Джоан мечтали похудеть.

Поменьше углеводов, или диета, или очищение желудка, или какая-нибудь другая фигня. Но Кэти не заморачивалась, ей нравилось иметь сиськи. Ей нравилось ее тело, по крайней мере, раньше. А потом — я даже не знаю почему — из-за дурацкого коммента в «Инстаграме» или тупой шутки какого-то придурка в школе — у нее появился пунктик. Вот тогда она и попросила меня достать таблетки. Но когда мы их получили, она уже перестала комплексовать и сказала, что они все равно не действуют.

Я думала, что на этом беседа закончится. Я им все объяснила, но детектив Морган вдруг сменила тему и спросила о том дне вскоре после смерти Кэти, когда к нам домой приходила Луиза.

Я ответила, что да, конечно, помню тот день. Он был одним из самых ужасных в моей жизни. До сих пор вспоминаю о нем с дрожью.

— Никогда не видела ничего подобного, — сказала я им. — Я о поведении Луизы.

Морган кивнула и спросила — очень серьезно и участливо:

— А как ты восприняла слова Луизы, когда она сказала твоей маме, что «не успокоится, пока Нел не заплатит за то, что сделала»? Как ты думаешь, что она имела в виду?

Тут я вышла из себя:

— Да ничего она не имела в виду, тупая ты дура!

— Лина! — Шон осуждающе смотрел на меня. — Следи за тем, что говоришь!

— Ну, извините! У Луизы только что умерла дочь, она не понимала, что несет. Она ничего не соображала.

Я собралась уходить, но Шон попросил меня остаться.

— Но я не обязана, верно? Или я арестована?

— Нет, Лина, конечно, нет, — заверил он.

Я обратилась к нему, потому что он понимал:

— Послушайте, Луиза ничего не имела в виду. Она была в истерике. У нее крышу снесло. Разве вы не помните, на кого она была похожа? Я хочу сказать, что она говорила много всякого, как и все мы, после смерти Кэти мы все были не в себе. Но Луиза ничего маме не сделала. Если честно, то, будь у нее пистолет или нож в тот день, она бы могла. Но у нее ничего такого не было.

Мне хотелось объяснить все. Правда хотелось. Не детективу Морган, не Джулии, а Шону. Но я не могла. Это было бы предательством, и после всего, что я сделала, я не могла предать Кэти сейчас. Поэтому я сказала то, что могла:

— Луиза ничего не сделала маме, понятно? Мама сама сделала свой выбор.

Я собралась уйти, но детектив Морган со мной еще не закончила. Она смотрела на меня с таким выражением, будто не поверила ни одному моему слову, а потом произнесла:

— Знаешь, Лина, что мне кажется самым странным? Тебя, похоже, совсем не интересует ни то, почему Кэти так поступила, ни то, почему так поступила твоя мама. Когда кто-то уходит из жизни подобным образом, все задаются вопросом: почему? Почему они так сделали? Почему лишили себя жизни, когда у них было так много причин, ради которых стоило жить? Но тебя этот вопрос не интересует. И единственное объяснение, которое у меня есть: тебе известен ответ.

Шон взял меня за руку и вывел из комнаты прежде, чем я могла что-то сказать.

Лина

Джулия хотела отвезти меня домой, но я сказала, что собираюсь пройтись. Это было неправдой, но я а) не хотела оставаться с ней в машине одна и б) увидела через дорогу Джоша на велосипеде — он ездил по кругу, и я знала, что он ждет меня.

— Пивет, Джош? — сказала я, когда он подъехал.

В девять или десять лет он вместо «Привет» начал при встрече говорить «Пивет?», и мы постоянно над ним подтрунивали, здороваясь именно так. Обычно он смеялся, но не сегодня. Он был напуган.

— Что с тобой, Джош? Что случилось?

— О чем они спрашивали? — произнес он тихим, сдавленным голосом.

— Да ни о чем особенном, не волнуйся. Они нашли таблетки, которые принимала Кэти, и думают, что они, в смысле таблетки, имеют отношение к… тому, что с ней случилось. Они, конечно, ошибаются. Не переживай.

Я слегка его приобняла, но он отстранился, что было на него не похоже. Обычно он не упускал возможности обняться со мной или подержать меня за руку.

— Они спрашивали о маме?

— Нет. В смысле да. Немного. А что?

— Не знаю, — ответил он, пряча глаза.

— Что, Джош?

— Мне кажется, нам надо все рассказать.

Я почувствовала, как на руку мне упали теплые капли дождя, и взглянула на небо. Его заволокли черные тучи, предвещая грозу.

— Нет, Джош, — отрезала я. — Мы ничего не

станем рассказывать.

— Лина, мы должны.

— Нет! — повторила я и сжала ему руку.

Получилось сильнее, чем я хотела, и он взвизгнул, как щенок, которому наступили на хвост.

— Мы обещали. Ты обещал.

Он покачал головой, и я легонько вонзила ногти ему в руку.

— Но какой в этом сейчас смысл? — У него по щекам текли слезы.

Я отпустила его руку, взяла за плечи и заставила на себя посмотреть.

— Обещание есть обещание, Джош. Я не шучу. Ты никому ничего не скажешь.

Отчасти он был прав — никакого смысла в молчании не было. И пользы тоже. Но все равно я не могла ее предать. И если они узнают про Кэти, то начнут задавать вопросы о том, что произошло дальше, а я не хотела, чтобы кто-нибудь знал о том, что сделали мы с мамой. Что сделали и чего не сделали.

Мне не хотелось оставлять Джоша в таком состоянии и домой тоже не хотелось. Я приобняла его и взяла за руку.

— Пойдем, — позвала я его. — Пойдем со мной. Я знаю, что мы можем сделать, от чего нам обоим

станет легче.

Он залился краской, и я засмеялась:

— Я не это имела в виду, грязный мальчишка!

Он тоже рассмеялся и вытер слезы.

Мы молча направились в южную часть города. Он шагал рядом и катил велосипед. На улицах никого не было, дождь все усиливался, и я заметила, что Джош бросает на меня взгляды исподлобья: промокшая футболка стала просвечивать, а лифчик я не надела. Я прикрыла грудь руками, и он снова покраснел. Я улыбнулась, но ничего не сказала. Мы по-прежнему шли молча, но, когда оказались на дороге, ведущей к дому Марка, Джош спросил:

— Что мы тут делаем?

В ответ я ухмыльнулась.

Возле входной двери дома Марка Джош снова поинтересовался:

— Лина, что мы тут делаем?

Он был испуган, но в то же время ощущал подъем, а у меня от адреналина кружилась голова, вызывая тошноту.

— Вот! — сказала я, поднимая камень у ограды, и со всей силы швырнула его в большое окно на фасаде дома.

Камень пробил стекло и, оставив в нем неболь-

шое отверстие, упал внутрь.

— Лина! — закричал Джош, испуганно озираясь.

Он боялся, что нас увидят, но вокруг никого не было. Я улыбнулась, подняла другой камень и снова запустила им в окно — на этот раз оно разлетелось на мелкие осколки.

— Ну же, давай! — крикнула я ему и передала камень, и мы вместе разбили все окна в доме.

Мы были будто пьяны от ненависти, смеялись, кричали и обзывали этого ублюдка самыми грязными словами, которые только знали.

Смертельная заводь

Кэти, 2015 год

По дороге к заводи она изредка останавливалась, чтобы подобрать камень или кусок кирпича и положить его в рюкзак. Было холодно, еще темно, хотя, обернувшись и посмотрев в сторону моря, можно было заметить, что небо над горизонтом уже начинало светлеть. Но она ни разу не обернулась.

Сначала она шла быстро, спускаясь по холму к центру города, и все больше отдалялась от дома. Она не сразу пошла к

реке – ей хотелось в последний раз пройти по местам, где она выросла. Мимо здания начальной школы (она не решилась на него посмотреть, боясь, что вспоминания детства помешают ей осуществить задуманное), мимо магазина, закрытого на ночь, мимо лужайки, где отец безуспешно пытался научить ее играть в крикет. Она прошла мимо домов своих подруг.

На Сьюард-роуд находился особенный дом, но она не смогла себя заставить пройти там и выбрала другую улицу. Она шла уже не так быстро, потому что ноша становилась все тяжелее и дорога снова начала забирать вверх, к старому городу, где на узких улочках за кустами роз теснились каменные дома.

Она продолжила путь на север мимо церкви, за которой дорога резко сворачивала вправо. Перешла через реку, постояв немного на горбатом мосту. Посмотрела на струившуюся над камнями маслянистую скользкую воду. Она видела, а может, просто представляла очертания старой мельницы с ее массивным

гниющим колесом, застывшим на месте полвека назад. Она подумала о спавшей там девушке и ухватилась посиневшими от холода пальцами за перила моста, чтобы унять дрожь.

Она спустилась по крутым каменным ступенькам к тропинке, которая шла вдоль берега. Если пройти ее всю до конца, то можно добраться до Шотландии. Она уже проделывала такой путь летом позапрошлого года. Они тогда отправились вшестером, взяли с собой палатки и спальные мешки и добрались до границы Шотландии за три дня. На ночь они разбивали палатки возле реки, вопреки всем запретам пили при лунном свете прихваченное тайком вино и рассказывали истории о Либби, Энн и других. Тогда она не могла себе и представить, что пойдет по той же дороге, по которой некогда шли они, и что их судьбы тесно переплетутся.

Последние полкилометра от моста до Смертельной заводи она брела еще медленнее, чувствуя, как лямки тяжелого рюкзака больно впиваются в плечи. Она

немного поплакала. Несмотря на все усилия не думать о маме, ей это не удалось, и это было самым ужасным.

Под навесом из крон буков, росших вдоль берега, было так темно, что она едва видела свои ноги. На мгновение ей захотелось присесть, снять рюкзак и отдохнуть, но она знала, что делать этого нельзя, потому что тогда взойдет солнце и будет слишком поздно. И все равно настанет день, когда ей придется встать до рассвета, чтобы уйти, пока все спят. Поэтому надо продолжать шаг за шагом идти вперед.

Она шагала, с трудом переставляя ноги, пока деревья не кончились, затем свернула с тропинки к воде, споткнулась и вошла в воду, заставляя себя идти все дальше и дальше.

Джулс

Ты придумывала, как все происходило. Переписывала историю, подгоняя ее под свои представления и собственную версию того, как все было на самом деле.

(Твой гонор, Нел. Твой чертов гонор.)

Ты не знаешь, что произошло с Либби Ситон, и понятия не имеешь, что творилось в голове у Кэти перед смертью. Ты сама об этом пишешь:

> *В ночь перед летним солнцестоянием Кэти Уиттакер вошла в воды Смертельной заводи. Следы ее шагов нашли на южном пляже. На ней были зеленое хлопковое платье и простая цепочка с талисманом в виде голубой птички и гравировкой «С любовью». Рюкзак за спиной был набит камнями и кирпичами. Посмертные исследования показали отсутствие в крови следов алкоголя и наркотиков.*
>
> *У Кэти не наблюдалось никаких признаков душевного расстройства или стремления причинить себе вред. Полиция не нашла никаких свидетельств тому, что она подвергалась насмешкам в реальной жизни или в соцсетях.*
>
> *У Кэти были хороший дом и хорошая семья. Ее любили.*

Я сидела, скрестив ноги, на полу в твоем кабинете и разбирала в наступавших сумерках твои записи в поисках ответов. В поисках хоть чего-нибудь. Среди записей — они были свалены

в кучу, с неразборчивыми пометками на полях, с подчеркнутыми красным или зачеркнутыми черным словами — попадались фотографии. В простом бумажном конверте я нашла любительские снимки, напечатанные на дешевой фотобумаге: маленькие Лина и Кэти улыбаются в камеру, не манерничая и не позируя, — милые отголоски далекой, невинной доцифровой эры. Цветы и подношения у кромки воды, плюшевые медвежата, безделушки. Следы на песке у воды. Полагаю, что не ее. Не Кэти. Наверное, это твоя реконструкция, твое ви́дение. Ты сама прошла по ее следам, так ведь? Не могла лишить себя возможности окунуться в ту атмосферу.

У тебя была одна особенность. В детстве тебя завораживали фактические подробности, физиологическая сторона. Ты спрашивала, больно ли это и как долго больно, что чувствует человек при ударе о воду, ощущает ли он, как внутри все ломается и рвется на части. Мне кажется, тебя меньше занимало все остальное: что заставило человека забраться на скалу или войти в воду и толкало вперед.

На дне папки лежал конверт с твоим именем, нацарапанным сверху. Внутри — лист в линейку, исписанный дрожащей рукой.

Во время нашей вчерашней встречи я говорила очень серьезно. Я не хочу, чтобы моя дочь стала частью твоего жуткого «проекта». И дело не в том, что мне отвратителен сам факт, что ты на этом заработаешь. Я говорила тебе раньше и повторяю снова: то, что ты делаешь, БЕЗОТВЕТСТВЕННО, и смерть Кэти ТОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ. Будь у тебя хоть немного сострадания, ты бы прекратила заниматься этим «проектом» и признала, что все, что ты пишешь, печатаешь и говоришь, имеет свои последствия. Я не рассчитываю, что мои слова повлияют на тебя, – такого до сих пор не было ни разу. Но если ты продолжишь, то я уверена, что настанет день, когда кто-нибудь заставит тебя к ним прислушаться.

Письмо не было подписано, но то, что его автор — мать Кэти, было очевидно. Она предупреждала тебя — и не только в этом письме. В полицейском участке я слышала, как детектив спрашивал Лину об инциденте, произошедшем после смерти Кэти, как она угрожала тебе и говорила, что заставит тебя за это заплатить. Ты об

этом хотела мне рассказать? Ты думала, что она хочет тебе отомстить?

Мысль о преследовавшей Нел женщине с безумными глазами, потерявшей от горя рассудок, испугала меня. Мне больше не хотелось оставаться здесь, среди твоих вещей. Я поднялась, и в этот момент дом неожиданно вздрогнул и покачнулся, будто судно от ударившей в борт волны. Я чувствовала, как река с силой давила на лопасти колеса, пытаясь заставить его закрутиться, а вода пробивалась сквозь трещины, которые расширяли ее сообщники-водоросли.

Я оперлась о шкаф для бумаг и поднялась по ступенькам в гостиную. В ушах звенела тишина. Я постояла мгновение, давая глазам привыкнуть к яркому свету, и мне вдруг показалось, что кто-то сидит у окна на том самом месте, где в детстве обычно сидела я. Это длилось всего секунду, а потом ты исчезла, но мое сердце продолжало бешено колотиться, а волосы на голове встали дыбом. Здесь кто-то был. Или кто-то еще появится.

Задыхаясь, я бросилась к входной двери, которая оказалась запертой, и запирала ее я. Но на кухне стоял какой-то странный и необычный запах — сладковатый, похожий на духи, — а окно на кухне было распахнуто. Я не помнила, чтобы

открывала его.

Я подошла к холодильнику и сделала то, чего почти никогда не делаю: налила себе холодной водки. Я наполнила стопку и быстро ее опрокинула — водка обожгла мне горло и разлилась теплом в груди. Я налила вторую.

Перед глазами поплыло, и я оперлась о кухонный стол, чтобы сохранить равновесие. Мне кажется, я подсознательно ждала Лину. Она снова исчезла, отказавшись доехать со мной до дома. Отчасти я была этому рада — мне не хотелось находиться с ней рядом. Я говорила себе: это от того, что я на нее злюсь — доставать таблетки для похудения другой девочке, да еще смеяться над ее комплекцией! — но на самом деле меня испугали слова детектива Морган. Что Лину не волнуют причины, потому что она их знает. Перед глазами у меня стояло ее лицо с фотографии наверху — с острыми зубами и хищной улыбкой. Что знает Лина?

Я вернулась в кабинет, снова устроилась на полу, собрала все бумаги и принялась их сортировать, пытаясь навести в них хоть какой-то порядок. И понять логику твоего изложения. Дойдя до фотографии с Кэти и Линой, я обратила внимание, что чуть пониже подбородка Лины

имелось маленькое чернильное пятнышко. Я перевернула снимок. На обратной стороне ты написала всего одну фразу. Я прочитала ее:

— «Иногда неугодные женщины разбираются с собой сами».

В комнате потемнело. Я подняла глаза, и в горле у меня застыл крик. Я не слышала ее, не слышала, как открывалась входная дверь, не слышала шагов в гостиной, и вдруг неожиданно она очутилась в дверном проеме, загораживая свет, и с моего места очертания темной фигуры казались точно такими, как у Нел. Затем фигура сделала шаг вперед, и я увидела Лину — лицо и руки у нее были перепачканы грязью, волосы растрепаны.

— С кем ты разговариваешь? — спросила она, переступая с ноги на ногу, явно очень возбужденная.

— Я не разговаривала, я…

— Нет, разговаривала, — хохотнула она. — Я же слышала! С кем ты… — Она осеклась, заметив у меня в руках фотографию, и губы у нее сжались. — Что ты делаешь?!

— Я просто читала… Я хотела…

Я не успела ничего сказать, как она подскочила и угрожающе нависла надо мной. Я съежилась, а она выхватила у меня из рук фотографию.

— Что ты делаешь?! — Она дрожала, сжав зубы и побагровев от ярости.

Я с трудом поднялась.

— Это не твое! — Она отвернулась, положила снимок Кэти на стол и разгладила его. — Кто дал тебе право? — спросила она, поворачиваясь ко мне. Голос у нее дрожал. — Рыться в ее вещах, дотрагиваться до них? Кто тебе позволил?

Она сделала шаг ко мне, поддав ногой стопку с водкой. Та ударилась о стену и разлетелась на мелкие осколки. Лина опустилась на колени и начала собирать бумаги, которые я раскладывала.

— Ты не имеешь права это трогать! — От ярости она чуть не брызгала слюной. — Это не твое!

— Лина, — сказала я, — успокойся.

Она вдруг отдернула руку и вскрикнула от боли, поранившись осколком. Потом схватила пачку бумаг и прижала к груди.

— Иди сюда, — позвала я, пытаясь забрать у нее бумаги. — У тебя кровь.

— Не трогай меня! — Она положила бумаги на стол.

Мой взгляд упал на заляпанный кровью титульный лист, на котором крупным шрифтом значилось «Пролог», а ниже шла фраза: «Когда мне было семнадцать лет, я вытащила из воды

сестру, не дав ей утопиться».

Я почувствовала, как меня начал распирать истерический смех. Я захохотала так громко, что Лина вздрогнула и с изумлением уставилась на меня. А я смеялась все громче — над бешенством на ее красивом лице, над кровью, капавшей с ее пальцев на пол. Я смеялась, пока из глаз не брызнули слезы и все вокруг не помутнело, будто я оказалась под водой.

Август 1993 года

Джулс

Робби оставил меня сидеть у окна. Я допила остатки водки. Я никогда раньше не была пьяной и не знала, как быстро может меняться настроение: от восторга к отчаянию, от подъема к падению. Надежды куда-то улетучились, и мир вокруг померк. Я плохо соображала, но мне казалось, что мои рассуждения вполне рациональны. Река дает выход. Следуй за рекой.

Я понятия не имела, чего хотела, когда свернула с дороги на тропинку к реке. Я шла, куда вели ноги, — безлунная и тихая ночь казалась черной как никогда. Даже река притихла, извиваясь рядом со мной скользкой и беззвучной рептилией. Мне не было страшно. Что я чувствовала? Унижение.

Стыд. Вину. Я смотрела на него, подглядывала за ним с тобой, и он меня видел.

От Милл-Хаус до заводи около двух километров, так что добиралась я довольно долго. Я и в лучшие времена не отличалась прытью, но в темноте, да еще в таком состоянии наверняка двигалась еще медленнее. Так что ты вряд ли шла за мной. Но, в конце концов, успела вовремя.

Я уже была в воде. Я помню холод вокруг лодыжек, потом вокруг колен и постепенное погружение во тьму. Холод прошел, тело горело, я в воде уже по горло, и меня никто не мог увидеть. Я скрылась от всех, исчезла и уже не занимала много места, уже вообще не занимала места.

Меня обожгло жаром, который стал остывать, и вернулся холод, но он ощущался уже не кожей, а плотью и костями, которые наливались тяжестью, словно свинцом. Я устала, идти до берега было далеко, и я сомневалась, что смогу до него добраться. Дно под ногами исчезло, и я несколько раз попыталась его нащупать, но не смогла, и тогда я решила просто ненадолго отдаться движению воды, безмятежная и невидимая всему миру.

Вода окружала меня, мое лицо, все тело, и иногда я чувствовала мягкие прикосновения, будто

касалась женских волос. Вдруг в груди что-то взорвалось, и я инстинктивно открыла рот, куда тут же хлынула вода. Издалека донесся женский крик. Ты рассказывала, что иногда ночью можно услышать мольбу Либби. Кто-то схватил меня за бок, а затем резко и неожиданно дернул за волосы и потянул вниз. Не тонут только ведьмы.

Конечно, это была никакая не Либби, а ты, и ты на меня орала. Держала мою голову под водой. Я отбивалась изо всех сил. Ты топила меня или вытаскивала? Ты цеплялась за мою одежду и кожу, оставляя у меня на шее и руках такие же царапины, какие Робби оставил на моих ногах.

Наконец мы оказались на берегу, я стояла на коленях, пытаясь отдышаться, а ты продолжала кричать на меня:

— Тупая толстая дура! Ты чего творишь?! Что удумала?!

Ты упала на колени, обняла меня, почувствовала запах алкоголя и снова начала вопить:

— Джулия, тебе всего тринадцать лет! Ты не можешь пить, не можешь… Что ты сделала? — Твои тонкие пальцы впились мне в руку, и ты меня сильно встряхнула. — Зачем ты это делаешь? Зачем?! Досадить мне? Чтобы мама с папой на меня разозлились? Господи, Джулия, что я тебе

сделала?!

Ты отвела меня домой, затащила наверх и наполнила ванну горячей водой. Я не хотела в нее лезть, но ты стянула с меня одежду и запихнула силой. Даже оказавшись в горячей ванне, я не могла унять дрожь. И не могла лечь в воду. Я сидела, скорчившись, чувствуя, как мешает живот, а ты поливала сверху горячей водой и растирала мне кожу.

— Господи, Джулия, ты же маленькая девочка. Тебе не следует… не следовало…

Ты не находила слов. Потом вытерла мне лицо полотенцем. И улыбнулась. Старалась быть доброй.

— Все хорошо. Все хорошо, Джулия. Все в порядке. Извини, что я на тебя кричала. И мне жаль, что он тебя обидел. Правда, жаль. Но чего ты ждала, Джулия? На что рассчитывала?

Я позволила тебе меня вымыть. Твои руки были намного мягче, чем в заводи. Меня удивило, что ты отнеслась к этому так спокойно. Я думала, ты будешь продолжать злиться. Не на меня, а за меня. Наверное, я слишком остро на все реагировала, а может, ты просто не дала себе труда серьезно об этом подумать.

Ты заставила меня поклясться, что я не расска-

жу родителям о случившемся.

— Обещай мне, Джулия. Ты никогда им не скажешь, никому не скажешь об этом. Хорошо? Мы не можем об этом рассказывать, понимаешь? Потому что… Потому что у всех будут большие неприятности. Если мы не расскажем, то как будто ничего этого и не было. Ничего не случилось. Хорошо? Ничего не было. Обещай мне, Джулия, что ты никогда никому не расскажешь.

Я сдержала свое обещание. А ты нет.

2015

Хелен

По дороге в магазин Хелен увидела Джоша Уиттакера на велосипеде. Он был мокрым до нитки и весь в грязи. Она притормозила и опустила окно.

— С тобой все в порядке? — крикнула она, в ответ он махнул рукой и оскалил зубы, что она расценила как неуклюжую попытку изобразить улыбку.

Она медленно поехала вперед, наблюдая за ним в зеркало заднего вида. Он ехал, виляя, то и дело привставая на педалях, чтобы оглянуться.

Он всегда был немного странным, а недавняя трагедия совсем выбила его из колеи. После смерти Кэти Патрик пару раз брал его с собой

на рыбалку, чтобы у Луизы и Алека была возможность побыть одним. Они провели на реке несколько часов, и, по словам Патрика, мальчик почти все время молчал.

— Им надо увезти его отсюда, — сказал ей Патрик. — Им надо уехать.

— Но ты же остался, — тихо возразила она, и он кивнул:

— Я — другое дело. Я должен был остаться. У меня были обязательства.

После выхода на пенсию он остался ради них — ради нее и Шона. Не ради них, а чтобы жить рядом с ними, потому что для него существовали только они, дом и река. Но его время подходило к концу. Никто не говорил, потому что в их семье это было не принято, но со здоровьем у Патрика появились проблемы.

Хелен слышала, как он кашлял ночью и никак не мог остановиться, и видела, с каким трудом давалось ему каждое движение по утрам. Хуже всего было то, что она знала: его проблема не только в физических недугах. Всю жизнь он отличался отменной памятью, а теперь стал забывать простые вещи. Он брал ее машину и забывал, где ее оставил, или возвращал набитой разным хламом, как случилось на днях. Мусор, который

он нашел? Отобранные безделушки? Трофеи? Она не спрашивала и не хотела знать. Она за него боялась.

Если быть честной, она боялась и за себя. В последнее время она не находила себе места, стала несобранной и рассеянной. Иногда ей казалось, что она сходит с ума. Теряет контроль.

На нее это было не похоже. Хелен отличалась практичностью, благоразумием и решительностью. Прежде чем что-то предпринять, она все тщательно обдумывала. «С мужским умом», — как нередко говорил ее свекор. Но в последнее время она была сама не своя. События этого года выбили ее из колеи. И теперь она сомневалась в том, что прежде ей бы и в голову не пришло ставить под сомнение: в своем браке, в семейной жизни, в своей профессиональной компетентности.

Все началось с Шона. Сначала с подозрений, а потом — не без помощи Патрика — ужасных подтверждений. Прошлой осенью она обнаружила, что ее муж — верный, надежный, с твердыми моральными принципами — оказался совсем не тем, за кого она его принимала. Для нее это стало настоящим ударом. Все ее благоразумие и решительность куда-то делись. Что она должна

была сделать? Бросить дом и свои обязанности? Поставить ему ультиматум? Плакать и потакать? Или наказать? Если да, то как? Порезать его любимые рубашки, сломать удочки, сжечь во дворе его книги?

Все это казалось бессмысленным, безрассудным или просто смешным, и она обратилась к Патрику за советом. Он убедил ее остаться. Он заверил, что Шон образумится, что сожалеет о своей измене и сделает все, чтобы заслужить ее прощение.

«А пока, — предложил он, — может, тебе стоит занять свободную спальню здесь? Шон все поймет правильно — мы оба поймем. У тебя освободится немного времени для себя, а ему, я уверен, пойдет на пользу почувствовать, что он может потерять».

Прошел год, а она по-прежнему почти все время спала в доме свекра.

Как позже выяснилось, измена Шона стала лишь отправной точкой в переменах, которые нарушили прежний уклад. Переехав в дом Патрика, Хелен стала страдать бессонницей, превращавший ее жизнь в бесконечный, изматывающий ад бодрствования. И ее свекор страдал от того же. Он тоже не мог уснуть и мучился этим, как признал-

ся ей, уже много лет. И они бодрствовали вдвоем, проводя вместе время за чтением, решением кроссвордов или просто сидя в умиротворяющей тишине.

Иногда Патрик позволял себе выпить немного виски и становился разговорчивым. Он рассказывал о своей службе в полиции, о том, каким город был раньше. Иногда от его рассказов ей становилось не по себе. Они были о реке, старых слухах и преданиях, жутких историях, давно канувших в Лету, но снова вытаскиваемых на свет и выдаваемых за правду Нел Эбботт. Слухи об их семье, неприятные подробности. Наверняка все это ложь и пустые предположения. Можно ли подать на нее в суд за клевету?

— Ее ложь никогда не увидит свет, — заверил Патрик. — Я позабочусь об этом.

Только проблема была в другом. По словам Патрика, беда заключалась в том, что ей уже удалось нанести непоправимый ущерб и Шону, и всей их семье.

— Неужели ты действительно думаешь, что он бы так поступил, не забей она ему голову этими россказнями и не заставь сомневаться в себе и в своих корнях? Он ведь изменился, правда, милая? Вот что она сделала!

Хелен переживала, что Патрик окажется прав и по-прежнему уже никогда не будет, но он заверил, что все вернется на круги своя. Об этом он тоже позаботится. Он сжал ей руку, поблагодарил, что выслушала, поцеловал в лоб и сказал:

— Ты очень хорошая!

Какое-то время Хелен считала, что жизнь потихоньку налаживается. А потом опять стало хуже. Когда Хелен уже могла спать больше двух часов подряд и ловила себя на мысли, что улыбается мужу, как в прежние времена, когда в семье наметилось движение назад, к старой доброй жизни, Кэти Уиттакер покончила с собой.

Кэти Уиттакер была гордостью школы, прилежной и воспитанной ученицей, примерной дочерью, и ее самоубийство стало для всех настоящим шоком. И Хелен чувствовала свою вину. Они все ее чувствовали — и родители, и учителя, весь городок. Они не увидели, что Кэти нужна помощь, что она вовсе не была счастлива. Пока Хелен одолевали семейные проблемы, усугублявшиеся бессонницей и сомнениями в себе, одна из ее подопечных умерла.

Когда Хелен добралась до магазина, дождь уже кончился. Выглянуло солнце, и над асфальтом поднимался пар, наполняя воздух запахом земли.

Хелен поискала в сумке список покупок — ей надо было купить кусок говядины на ужин, овощи и бобы. А также оливковое масло, кофе и капсулы для стиральной машины.

Она стояла в секции с консервированными продуктами и выбирала банку помидоров, когда увидела приближавшуюся женщину и с ужасом узнала в ней Луизу.

Та медленно шла в ее сторону с отсутствующим выражением и катила перед собой огромную, почти пустую тележку. Хелен запаниковала, бросила свою тележку с продуктами и поспешила на стоянку, где спряталась в машине и дождалась, пока уедет Луиза.

Она чувствовала себя глупо, ей было стыдно, и она понимала, что на нее это не похоже. Год назад она бы не повела себя столь некрасиво, обязательно бы заговорила с Луизой, взяла ее за руку, спросила о муже и сыне. Повела бы себя достойно.

Хелен перестала быть собой. Как еще объяснить то, о чем она думала и как вела себя в последнее время? И это чувство вины, эти сомнения разъедали ее изнутри. Меняли, выворачивали наизнанку. Она перестала быть прежней. Она чувствовала, будто катится вниз, сбрасывая кожу,

и ей не нравилось это ощущение незащищенности, его запах. Он делал ее уязвимой. Он ее пугал.

Шон

После смерти мамы я несколько дней не разговаривал. Не произнес ни слова. Так, во всяком случае, рассказывал отец. Я мало что помню о том периоде, но хорошо помню, как отец вывел меня из молчания шоком — он заставил меня держать левую руку над пламенем, пока я не закричал от боли. Это было жестоко, но эффективно. А потом подарил мне ту зажигалку. (Я хранил ее много лет и постоянно носил с собой. Но недавно потерял, даже не знаю где.)

Скорбь и шок действуют на людей по-разному. Я видел, как люди реагируют на плохие новости смехом, кажущимся безразличием, злостью, страхом. Поцелуй Джулии в машине после похорон не был порывом похоти — его причиной стала скорбь, желание почувствовать хоть что-то, отличное от печали. Моя немота в детстве, судя по всему, оказалась вызвана шоком, полученной психической травмой. Потеря сестры, наверное, воспринимается не так, как потеря матери или отца, но я знаю, что Джош и Кэти были очень близки, поэтому считаю неправильным делать выводы на основании его слов, поступков или

поведения.

Эрин позвонила сообщить, что на юго-восточной окраине города подвергся нападению дом — вернувшаяся домой соседка увидела, что все окна в нем разбиты и оттуда на велосипеде уезжал какой-то мальчик. Дом принадлежал учителю местной школы, а мальчик — темноволосый, в желтой футболке и на красном велосипеде — наверняка был Джошем.

Найти его оказалось просто. Он сидел в насквозь мокрой одежде на каменной стене моста, прислонив к ней велосипед. Ноги у него были забрызганы грязью. Увидев меня, он не попытался сбежать. Напротив, казалось, даже обрадовался и как всегда вежливо поздоровался:

— Добрый день, мистер Таунсенд.

Я спросил, все ли у него в порядке.

— Можешь простудиться, — сказал я, показывая на мокрую одежду, и он слабо улыбнулся.

— Со мной все нормально, — ответил он.

— Джош, — обратился я к нему, — ты сегодня после обеда катался на велосипеде по Сьюард-роуд?

Он кивнул.

— А мимо дома мистера Хендерсона случайно не проезжал?

Он нервно пожевал нижнюю губу, и его карие

глаза широко раскрылись.

— Только не говорите маме, мистер Таунсенд. Пожалуйста, не говорите маме. Она и так ужасно переживает.

У меня к горлу подкатил ком и на глаза навернулись слезы. Он еще такой маленький и такой беззащитный. Я присел на корточки рядом с ним.

— Джош, как ты мог? С тобой еще кто-нибудь был? Может, ребята постарше? — спросил я с надеждой.

Он покачал головой, но глаз на меня не поднял:

— Я был один.

— Правда? Ты уверен?

Он отвернулся.

— Потому что я видел, как ты разговаривал с Линой возле участка. Это ведь никак не связано с тем, что произошло?

— Нет! — закричал он, срываясь на визг. — Нет! Это я! Я один. Я бросал камни в его окно. Этого… ублюдка.

Слово «ублюдок» он произнес, тщательно выговаривая, будто произносил его впервые в жизни.

— Но зачем ты это сделал?

Он посмотрел мне в глаза — нижняя губа у него

дрожала.

— Потому что он заслужил. Потому что я его ненавижу. — Он разрыдался.

— Пойдем, — сказал я, забирая велосипед. — Я отвезу тебя домой.

Но Джош схватился за руль.

— Нет! — всхлипывал он. — Вы не можете. Я не хочу, чтобы мама узнала. Или папа. Им нельзя об этом знать, нельзя…

— Джош. — Я снова присел на корточки и положил руку на седло велосипеда. — Все в порядке. Все не так страшно. Мы все уладим. Честно. Это не конец света.

— Вы не понимаете, — заскулил он. — Мама ни за что меня не простит.

— Ну конечно, простит! — Я чуть не засмеялся. — Она, конечно, огорчится, но ты не сделал ничего ужасного, никому не причинил боль…

Его плечи вздрагивали.

— Мистер Таунсенд, вы не понимаете. Вы не понимаете, что я сделал.

В конце концов я отвез его в участок. Я не знал, как поступить: домой он ехать отказывался, а оставить его на дороге в таком состоянии я тоже не мог. Я усадил его в задней комнате, заварил ему чай и попросил Келли сбегать купить печенья.

— Мы не можем его допрашивать, сэр, — предупредила Келли, занервничав. — Необходимо присутствие законного взрослого представителя.

— Я не собираюсь его допрашивать, — раздраженно бросил я. — Он испуган и не хочет ехать домой.

От этих слов на меня нахлынули воспоминания. «Он испуган и не хочет ехать домой». Я был младше Джоша, мне исполнилось всего шесть лет, и за руку меня держала женщина-полицейский. Не знаю, какие из моих воспоминаний настоящие: я столько раз слышал отличающиеся друг от друга истории, рассказанные разными людьми о тех событиях, что мне трудно отделить вымысел от реальности. Но в этом воспоминании мне было страшно, я весь дрожал, рядом со мной стояла дородная женщина и гладила меня по голове, чтобы успокоить, прижимая к себе, а где-то надо мной полицейские продолжали обсуждать случившееся.

— Он испуган и не хочет ехать домой, — объяснила она.

— Ты можешь забрать его, Дженни? — спросил отец. — Забрать к себе домой?

Точно! Дженни. Женщина-констебль Сейдж.

От воспоминаний меня оторвал звонок теле-

фона.

— Сэр?

Звонила Эрин.

— Сосед с другой стороны видел убегавшую девушку-подростка. Длинные волосы, джинсовые шорты и белая футболка.

— Лина. Ну, конечно!

— Да, похоже на то. Хотите, чтобы я ее привезла?

— На сегодня с нее хватит. Удалось связаться с владельцем дома? С мистером Хендерсоном?

— Пока нет. Я звонила несколько раз, но его телефон сразу переключается на голосовую почту. В прошлый раз он что-то говорил о невесте, но ее номера у меня нет. Они могут быть уже в самолете.

Я отнес Джошу чай.

— Послушай, — обратился к мальчику я, — нам надо связаться с твоими родителями. Я хочу им просто сообщить, что ты здесь и с тобой все в порядке, хорошо? Я не стану пока им ничего говорить, просто скажу, что ты расстроен и я привез тебя в участок. Так пойдет?

Он кивнул.

— А потом ты расскажешь, из-за чего так расстроился, и мы подумаем, что с этим делать.

Он снова кивнул.

— Но когда-нибудь тебе все равно придется объяснить историю с домом.

Джош пил чай и изредка икал, еще не полностью оправившись от эмоционального потрясения. Он изо всех сил сжимал кружку и шевелил губами, будто пытаясь мне что-то сказать.

Наконец он поднял на меня глаза.

— Что бы я ни сделал, — произнес он, — это обязательно кого-нибудь расстроит. — Потом покачал головой. — Нет, не так. Если я поступлю правильно, то все огорчатся, а если неправильно — то нет. Но так ведь не должно быть?

— Не должно, — согласился я. — И я не думаю, что ты прав. Я не могу представить ситуацию, в которой твой правильный поступок всех огорчит. Одного-двух — возможно, но если поступок правильный, то наверняка найдутся те, кто это поймет и будет тебе благодарен.

Он снова нерешительно пожевал губу.

— Понимаете, — произнес он, и его голос опять задрожал, — плохое уже случилось. Я опоздал. И правильный поступок сейчас уже ничего не исправит.

Он снова заплакал, но не так, как раньше. Он уже не рыдал и не паниковал, а плакал от горечи,

как плачут люди, потерявшие последнюю надежду. Он был в отчаянии и не мог этого больше выносить.

— Джош, я должен позвать сюда твоих родителей, — сказал я, но он вцепился мне в руку.

— Пожалуйста, мистер Таунсенд. Пожалуйста.

— Я хочу помочь тебе, Джош. Правда хочу. Расскажи, что тебя так расстраивает.

Я помню, как сидел на теплой кухне — не нашей — и ел тосты с сыром. А рядом сидела Дженни. «Ты можешь рассказать мне, что случилось, милый? Пожалуйста, расскажи мне». Я ничего не сказал. Ни единого слова.

Но Джош был готов поделиться. Он вытер глаза и шмыгнул носом. Потом откашлялся и выпрямился на стуле.

— Это про мистера Хендерсона. Мистера Хендерсона и Кэти.

Четверг, 20 августа

Лина

Все началось как шутка. С мистером Хендерсоном. Как игра. Мы уже играли в нее с учителем биологии мистером Фрайаром и тренером по плаванию мистером Макинтошем. Нужно было заставить их покраснеть. Мы делали это по очереди. Сначала пробовала одна, а если у нее не

получалось, наступала очередь второй. Можно было делать что угодно и когда угодно, главное, чтобы мы обе присутствовали, потому что других способов проверки не было. Никого больше мы в игру не посвящали, это было нашим секретом — только моим и Кэти, — и я даже не помню, кто предложил это первым.

С Фрайаром я была первой, и мне понадобилось секунд тридцать. Я подошла к его столу, улыбнулась ему и закусила губу, когда он объяснял что-то насчет гомеостаза, а я наклонилась, чтобы ворот блузки раскрылся пошире — и вуаля! С Макинтошем оказалось сложнее, потому что он привык видеть нас в купальниках и на голую кожу вряд ли бы среагировал. Но Кэти все-таки это сделала, прикинувшись милой, застенчивой и немного смущенной, когда заговорила с ним о фильмах про кунг-фу, которые, как мы знали, он просто обожал.

С мистером Хендерсоном все вышло совсем по-другому. Первой пошла Кэти, потому что добилась успеха с мистером Макинтошем. После урока, пока я убирала книги как можно медленнее, она подошла к его столу и присела на край. Она улыбнулась ему, подалась немного вперед и начала что-то говорить, но он вдруг резко вско-

чил, отодвинул стул и сделал шаг назад. Она продолжала, но уже больше по инерции, а когда мы уходили, он проводил нас злым взглядом. На мою же попытку он отреагировал зевотой. Я старалась изо всех сил, подходила совсем близко, улыбалась, трогала волосы и шею, кусала нижнюю губу, но он просто зевал. Не напоказ. Как будто ему действительно было скучно.

Я не могла пережить, что он смотрел на меня как на пустое место и не находил во мне ничего привлекательного. Я не хотела больше играть. Во всяком случае, с ним. В этом не было никакого веселья. Он вел себя как полный придурок. На вопрос Кэти, серьезно ли я так считаю, я ответила, что очень даже, и она не стала настаивать на продолжении. На этом все закончилось.

И только спустя несколько месяцев я узнала, что она нарушила правила. Я понятия ни о чем не имела, поэтому, когда на День святого Валентина Джош пришел меня поздравить и рассказал самую невероятную историю, какую только можно представить, я тут же отправила ей сообщение с маленьким сердечком: «Узнала о твоем милом. КУ + МХ = Л». Через пять секунд пришел ответ: «СОТРИ. Я НЕ ШУЧУ. СОТРИ». Я написала: «Какого черта?» И в ответ получила: «СОТРИ

СЕЙЧАС ИЛИ КЛЯНУСЬ БОГОМ БОЛЬШЕ С ТОБОЙ НЕ ЗАГОВОРЮ». Господи, подумала я. Жесть!

На следующее утро в школе она меня полностью игнорировала. Даже не поздоровалась. После уроков я схватила ее за руку.

— Кэти? Что происходит?

Она силой затащила меня в туалет.

— Что за ерунда? — спросила я. — В чем дело?

— Ни в чем, — прошипела она. — Просто мне это очень не понравилось, ясно? — Она посмотрела на меня так, как взрослые смотрят на детей. Этот взгляд я уже не раз на себе ловила. — А с чего ты вдруг решила так написать?

Мы стояли в дальнем конце туалета у окна.

— Ко мне приходил Джош и рассказал, что видел тебя в парке с мистером Хендерсоном и вы держались за руки… — Я начала смеяться.

Но Кэти не смеялась. Она повернулась к раковине и стала разглядывать свое отражение в зеркале.

— Что? — Она достала из сумки тушь для ресниц. — Что именно он сказал? — Ее голос звучал странно, не зло, не огорченно, а так, словно она испугалась.

— Он сказал, что ждал тебя после школы, увидел тебя с мистером Хендерсоном и вы держались

за руки… — Я снова начала смеяться. — Господи! Что за трагедия?! Он просто все выдумал, потому что искал повод меня увидеть. Был День святого Валентина и…

Кэти крепко зажмурилась.

— Господи! Какая же ты самовлюбленная дура! — тихо произнесла она. — Ты действительно считаешь, что весь мир вертится вокруг тебя?

Я как будто получила пощечину.

— Что?!.

Я даже не знала, как реагировать — она никогда не была такой. Пока я соображала, что сказать, она уронила тушь, схватилась за край раковины и расплакалась.

— Кэти… — Я положила руку ей на плечо, и ее плач перешел в рыдание. Я обняла ее. — Господи, да что с тобой? Что случилось?

— Неужели ты не видела, — всхлипывала она, — что все изменилось? Неужели не замечала, Лини?

Конечно, я замечала. В последнее время она стала другой, какой-то отрешенной. Все время занятой. Ей надо делать уроки, поэтому мы не могли пойти потусоваться после школы; или ей надо с мамой в магазин, поэтому в кино она пойти не может; или ей надо сидеть с Джошем,

поэтому она не может прийти вечером. Были в ее поведении и другие изменения. В школе она стала вести себя тише. Перестала курить. Села на диету. Не поддерживала разговор, как будто общение со мной навевало на нее скуку и отвлекало от действительно важных мыслей.

Конечно, я замечала. И мне было больно. Но я не собиралась ничего говорить. Показывать свою боль другим — последнее дело, разве не так? Я не хотела выглядеть слабой или зависимой, потому что с такими никто не хочет общаться.

— Я думала… не знаю, Кэти, я думала, что тебе стало со мной неинтересно или еще что.

Она заплакала еще сильнее, и я ее обняла.

— Нет, не стало. Но я не могла тебе сказать, не могла никому сказать… — Она вдруг осеклась и освободилась из моих объятий. Потом подошла к дальнему концу туалета, опустилась на колени и поползла ко мне, заглядывая под дверь каждой кабинки.

— Кэти, ты чего?

И тут до меня дошло. Какая же я была тупая!

— Боже, — выдохнула я, когда она выпрямилась. — Ты… ты хочешь сказать… — я понизила голос до шепота, — что между вами?..

Она не ответила, посмотрела мне прямо в глаза,

и я поняла, что это правда.

— Черт, черт! Ты не можешь… Это безумие! Ты не можешь! Не можешь, Кэти! Ты должна прекратить… пока не дошло до *этого*.

Она посмотрела на меня как на умственно отсталую, будто жалела меня.

— Лина, это уже случилось. — Она слабо улыбнулась и вытерла слезы. — Мы занимаемся этим с ноября.

Я ничего не рассказала об этом полицейским. Это не их дело.

Они пришли вечером, когда мы с Джулией ужинали на кухне. Вернее, ела одна я, а она, как всегда, возила вилкой по тарелке. Мама рассказывала мне, что Джулия не любит есть на людях: в детстве она была толстой, и комплекс остался на всю жизнь. Мы обе молчали и с тех пор, как я вернулась домой и застала ее в мамином кабинете, не обменялись ни словом. Так что звонок в дверь меня даже обрадовал.

Когда я увидела Шона и детектива Морган — Эрин, как мне теперь было велено ее называть, раз уж мы столько общаемся, — я решила, что это из-за разбитых окон, и даже подумала, что ради этого заявляться вдвоем уже чересчур. Я сразу решила перейти в наступление.

— Я оплачу весь ущерб, — заявила я. — Я теперь могу себе это позволить, ведь правда?

Джулия поджала губы, явно выражая неодобрение. Она поднялась и начала убирать тарелки, хотя к еде так и не притронулась.

Шон придвинул ко мне ее стул и сел рядом.

— Мы обсудим это позже, — произнес он печально и серьезно. — Но сначала нам надо поговорить о Марке Хендерсоне.

Я похолодела, и у меня засосало под ложечкой, как бывает при дурном предчувствии. Они знают! Чувствуя опустошенность и в то же время облегчение, я попыталась изобразить полное неведение.

— Да, я знаю, — сказала я. — Я разбила в его доме окна.

— А почему ты разбила в его доме окна? — поинтересовалась Эрин.

— Потому что мне было скучно. Потому что он козел. Потому что…

— Хватит, Лина! — вмешался Шон. — Перестань юлить.

Было видно, что он разозлился.

— Ты отлично знаешь, что речь не об этом, верно?

Я промолчала и стала смотреть в окно.

— Мы разговаривали с Джошем Уиттакером, — продолжил он, и у меня снова засосало под ложечкой.

Думаю, я с самого начала понимала, что Джош не сможет молчать об этом вечно, но надеялась, что битье окон станет для него разрядкой и успокоит, пусть даже ненадолго.

— Лина, ты меня слушаешь?

Шон придвинулся ко мне. Я заметила, что руки у него слегка дрожат.

— Джош сделал серьезное заявление в отношении Марка Хендерсона. Он сказал, что на протяжении нескольких месяцев до смерти Кэти Уиттакер Марк состоял с ней в отношениях — в интимных отношениях.

— Чушь! — заявила я и попыталась рассмеяться. — Полная чушь! — Чувствуя на себе их взгляды, я невольно покраснела. — Чушь! — снова повторила я.

— А зачем ему выдумывать такую историю, Лина? — спросил меня Шон. — Зачем маленькому брату Кэти выдумывать такую историю?

— Не знаю, — ответила я. — Не знаю. Но это неправда.

Я смотрела на стол, стараясь придумать хоть какую-нибудь причину, и чувствовала, как пыла-

ло у меня лицо.

— Лина, — вмешалась Эрин, — то, что ты говоришь неправду, всем понятно. Непонятно другое: ради чего ты лжешь? Почему пытаешься выгородить человека, который так подло воспользовался твоей подругой?

— Да ни хрена вы…

— Что? — спросила она, заглядывая мне в лицо. — Что мы ни хрена?

В том, что ее лицо оказалось слишком близко, в самом его выражении было нечто такое, что мне захотелось влепить ей пощечину.

— Он не воспользовался ею. Она не была ребенком!

Эрин кивнула с таким удовлетворенным видом, что я едва сдержалась, чтобы не ударить ее. Но она не унималась:

— Но если он ею не воспользовался, почему ты его так ненавидишь? Ты ревновала?

— Думаю, этого достаточно, — вмешалась Джулия, но ее никто не слушал.

Эрин продолжала говорить, не давая мне передышки:

— Ты хотела его для себя, верно? Ты злилась, потому что считала себя красивой, считала, что тебе нет равных?

И тут я не выдержала. Я знала, что, если она не заткнется, я ее точно ударю. И выпалила:

— Я ненавидела его, тупая ты сука! Ненавидела, потому что он отнял у меня Кэти.

Наступила долгая тишина, которую прервал Шон:

— Он отнял ее у тебя? Каким образом, Лина?

У меня больше не осталось сил. Я смертельно устала. Было ясно, что они все равно до всего докопаются, раз Джош пошел и все выложил. Но больше всего я устала от лжи. Вот почему сидя здесь, на кухне, я предала Кэти.

Я обещала ей. После нашей ссоры, когда она поклялась, что они расстались и больше не встречаются, она взяла с меня клятву: что бы ни случилось, я никогда и никому о них не расскажу. Впервые за долгое время мы отправились вместе к заводи. Сели под деревьями, где нас не было видно, и она плакала, держа меня за руку.

«Я знаю, ты меня осуждаешь, — говорила она, — считаешь, что я не должна была быть с ним. Но я любила его, Лини. И люблю до сих пор. Он был всем для меня. Я не могу допустить, чтобы он пострадал. Просто не могу. Я этого не вынесу. Пожалуйста, не делай ничего, что может ему навредить. Пожалуйста, Лини, сохрани это в

тайне ради меня. Не ради него — я знаю, что ты его ненавидишь. Сделай это ради меня».

И я держала слово. Несмотря ни на что. Даже когда мама вошла ко мне в комнату и сообщила, что Кэти нашли в воде, даже когда Луиза пришла к нам сама не своя от горя, даже когда этот подонок рассказывал местным журналистам, какой замечательной ученицей она была, как ее любили и ребята, и учителя. Даже когда он подошел ко мне на похоронах мамы, чтобы выразить соболезнования, я держала рот на замке.

Я держала его на замке долгие месяцы, и если не перестану, то просто задохнусь.

И я им рассказала. Да, у Кэти и Марка Хендерсона были отношения. Они начались осенью. И закончились в марте или апреле. А в конце мая они снова сошлись, но уже ненадолго. Она прекратила связь. Нет, доказательств у меня не было.

— Они соблюдали крайнюю осторожность. Никаких электронных писем, никаких сообщений, ничего в электронном виде. Это было их железным правилом.

— Их или его? — уточнила Эрин.

Я со злостью повернулась к ней:

— С ним я это не обсуждала. Мне так сказала

Кэти. Это было их правилом.

— А когда ты об этом узнала, Лина? — спросила Эрин. — Ты должна рассказать все с самого начала.

— Не думаю, — вдруг вмешалась Джулия.

Она стояла возле двери, и я вообще забыла о ее присутствии.

— Мне кажется, что Лина очень устала и сейчас ей надо отдохнуть. Мы можем прийти завтра в полицейский участок, или вы сами можете вернуться сюда, но на сегодня достаточно.

Мне даже захотелось ее обнять. Впервые за все время нашего знакомства я почувствовала, что она на моей стороне. Эрин собиралась поспорить, но Шон произнес:

— Да, вы правы.

Он поднялся, и они вместе направились из кухни в прихожую. Я пошла за ними.

— А вы понимаете, чем это станет для ее родителей? Когда они узнают?

Эрин повернулась ко мне:

— Во всяком случае, они будут знать причину.

— Нет, не будут. У них не будет причины. Причины, почему она так поступила, не было. Послушайте, да вы сами сейчас подтверждаете это своим поведением. То, что вы здесь, доказывает,

что она это сделала напрасно.

— Что ты имеешь в виду, Лина?

Они выжидающе смотрели на меня.

— Она это сделала не потому, что он разбил ей сердце, или ее мучил стыд, или из-за чего-то еще. Она это сделала, чтобы защитить его. Она думала, что кому-то стало известно. Она думала, что на него заявят и об этом напишут в газетах. Она думала, что будет суд, его приговорят и он отправится в тюрьму за сексуальное домогательство. А там его будут бить, насиловать, и что там еще делают с такими преступниками. И она решила избавиться от улик, — сказала я и заплакала.

Тут ко мне подошла Джулия и обняла со словами:

— Успокойся, Лина, все в порядке, не надо.

Но ничего не было в порядке.

— Вот что она сделала! — заявила я. — Неужели вы не понимаете? Она избавилась от всех доказательств.

Пятница, 21 августа

Эрин

Коттедж у реки, который я видела во время пробежки, станет моим новым домом. По крайней мере, на какое-то время. Пока мы не закроем вопрос с Хендерсоном. Шон сам предложил мне

там пожить. Он услышал, как я жаловалась Келли, что из-за усталости чуть не заехала утром в кювет, и сказал:

— Так больше продолжаться не может. Вам надо устроиться в городе. Вы можете остановиться в коттедже Уордов. Он стоит на берегу реки, и в нем никто не живет. Это, конечно, не люкс-апартаменты, но зато бесплатно. После обеда я привезу вам ключи.

Когда он ушел, Келли хитро улыбнулась:

— Значит, коттедж Уордов? Берегитесь безумной Энни.

— Не поняла?

— Этот коттедж Патрик Таунсенд использует как рыбацкий домик, а в округе его знают как коттедж Уордов. Ну, помните Энн Уорд? Она одна из тех женщин. Говорят, — она понизила голос до шепота, — что если долго смотреть, то на стенах можно увидеть кровь.

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство — я понятия не имела, о чем шла речь, — потому что она улыбнулась и пояснила:

— Это одна из местных легенд. Старая байка Бекфорда.

Истории Бекфорда столетней давности меня мало интересовали — мне с лихвой хватало и

текущих проблем.

Хендерсон не отвечал на звонки, и мы решили дождаться его возвращения. Если у него действительно была связь с Кэти Уиттакер и он заподозрит, что нам о ней известно, то может вообще скрыться.

А пока Шон попросил меня допросить свою жену, которая была директором школы и являлась начальницей Хендерсона.

— Я уверен, что она не имела ни малейших подозрений в отношении Марка Хендерсона, — сказал он. — Думаю, она о нем довольно высокого мнения, но с ней надо обязательно побеседовать, а я, по понятным причинам, не могу этого сделать сам.

Он сообщил, что она будет ждать меня в школе.

Если она меня и ждала, то ее поведение никак об этом не говорило. Я застала ее, когда она, стоя на четвереньках на полу и прижавшись щекой к ковру, заглядывала под шкаф. Я вежливо кашлянула, и она испуганно подняла голову.

— Миссис Таунсенд? Я сержант уголовной полиции Морган. Эрин.

— О! Да.

Она покраснела и поднесла руку к шее.

— Потеряла сережку, — объяснила она.

— Судя по всему, сразу обе, — заметила я.

Она издала странный пыхтящий звук и жестом предложила мне сесть. Прежде чем сесть самой, она поправила блузку и разгладила серые брюки. Если бы меня попросили описать, как я представляю себе жену инспектора Таунсенда, то образ был бы другой. Привлекательная, хорошо одетая, подтянутая — не исключено, что занимается марафоном или троеборьем. Хелен же была одета так, будто ей лет на двадцать больше. Она была бледной и неспортивной — так выглядят люди, редко выходящие из дома и не бывающие на солнце.

— Вы хотели поговорить со мной о Марке Хендерсоне. — Слегка нахмурившись, она перевела взгляд на стопку бумаг на столе. Никаких прелюдий и преамбул — сразу к делу. Может, этим она и нравилась инспектору.

— Да, — подтвердила я. — Насколько я понимаю, вы в курсе обвинений, выдвинутых Джошем Уиттакером и Линой Эбботт?

Она кивнула и поджала тонкие губы.

— Муж мне вчера рассказал. Для меня, уверяю вас, это явилось полным откровением.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос, но она

меня опередила:

— Я приняла Марка Хендерсона на работу два года назад. Он пришел с отличными рекомендациями, а результаты его работы весьма обнадеживали. — Она просмотрела несколько бумаг, лежавших на столе. — У меня есть конкретика, если вас это интересует.

Я покачала головой, но она опять не дала мне заговорить и продолжила:

— Кэти Уиттакер была ответственной и прилежной девочкой. У меня тут есть ее оценки. Да, прошлой весной у нее начался небольшой спад, но он длился недолго, и она все наверстала к… к… — Она провела рукой по глазам. — Наверстала к лету. — Она чуть поежилась.

— Значит, не было никаких подозрений, не ходило никаких слухов?..

Она наклонила голову набок.

— Про слухи я ничего не говорила. Детектив… э-э… Морган. От слухов, которые гуляют по обычной средней школе, у вас бы волосы встали дыбом. Не сомневаюсь, — сказала она, и уголок ее рта дернулся, — что при желании вы легко вообразите, какие вещи они говорят и пишут обо мне и миссис Митчелл, учительнице физкультуры. — Она помолчала. — А вы встречались с

Марком Хендерсоном?

— Встречалась.

— Тогда вы поймете. Он молод. Привлекателен. А девочки — на то они и девочки! — придумывают о нем всякие небылицы. Все что угодно. Но нужно уметь отличать их домыслы от правды. Полагаю, что я отличала. И по-прежнему так считаю.

Я снова хотела вмешаться, но она продолжила.

— Должна вам сказать, — заявила она, повышая голос, — что я отношусь к этим «признаниям» с большим недоверием. С очень большим, учитывая их источник и время.

— Я…

— Я понимаю, что первым об этом сообщил Джош Уиттакер, но не удивлюсь, если за всем этим стоит Лина Эбботт — Джош в ней души не чает. Если Лина хотела отвлечь внимание от своих собственных грехов — например, приобретения запрещенного лекарства для подруги, — уверена, что убедить Джоша рассказать такую историю ей бы не составило никакого труда.

— Миссис Таунсенд…

— Также я должна упомянуть о том, что между Линой Эбботт и Марком Хендерсоном кое-что было, — продолжала она, не давая мне сказать.

— Кое-что?

— Пара ситуаций. Во-первых, ее поведение не всегда похвально.

— В каком смысле?

— Она флиртует. И не только с Марком. Судя по всему, ее воспитали так, что она считает это самым простым способом получить желаемое. Кокетничают многие девочки, но Марк считал, что она заходит слишком далеко. Позволяла себе отпускать замечания, трогать его…

— Трогать его?

— За руку — ничего криминального. Подходила слишком близко, как поется в песне. Мне пришлось поговорить с ней. — Она поморщилась. — Я сделала ей замечание, но она, конечно, не восприняла это всерьез. По-моему, ответила что-то типа: «Он сам этого хотел».

Я невольно рассмеялась, и она нахмурилась.

— В этом нет ничего смешного, детектив. Такие поступки могут иметь очень серьезные последствия.

— Да, конечно. Я знаю. Извините.

— Да. Хорошо. — Она снова поджала губы как классическая школьная дама. — Ее мать тоже не восприняла это всерьез. Что неудивительно. — Она покраснела, на ее шее от гнева проступили

красные пятна, а голос зазвенел. — Что неудивительно! Все это кокетство, бесконечное хлопанье ресницами и перебирание волос, эта назойливая демонстрация сексуальной доступности — откуда Лина всего этого набралась?

Она глубоко вздохнула и отбросила прядь волос с глаз.

— И во-вторых, — заговорила она уже спокойнее, взяв себя в руки, — весной произошел один инцидент. На этот раз не флирт, а агрессия. Марку пришлось выставить Лину из класса за вызывающее и оскорбительное поведение, когда она позволила себе сквернословить при обсуждении изучаемого произведения. — Она сверилась с записями и подняла бровь. — Полагаю, что это была «Лолита» Набокова.

— Что ж… интересно, — заметила я.

— Именно! Не исключено, что книга даже могла подсказать ей идею подобных обвинений, — кивнула Хелен, хотя я подумала совершенно о другом.

Вечером я поехала в свое временное жилище на берегу. В сгущавшихся сумерках оно выглядело как-то особенно сиротливо, белые березки казались призрачными, а вода журчала не весело, а угрожающе. На берегу и склоне холма

напротив — ни души. Никто не услышит крика. Во время утренней пробежки здесь царила идиллия. А теперь заброшенная хижина казалась декорацией к фильму ужасов.

Я открыла дверь и быстро осмотрелась, стараясь не искать взглядом пятна крови на стенах. Внутри было чисто, в воздухе стоял терпкий цитрусовый запах моющего средства, дрова сложены в аккуратную поленницу возле камина. Все довольно скромно и больше похоже на хижину, чем коттедж: всего две комнаты — гостиная с примыкающей кухней и спальня с небольшой двуспальной кроватью и сложенными на ней чистым бельем и одеялом.

Я открыла дверь и окна, чтобы проветрить и избавиться от искусственного запаха лимона, взяла банку пива, купленного по дороге в местном магазине, и устроилась на ступеньках крыльца, наблюдая, как лучи заходящего солнца превращали бронзовый папоротник на склоне холма в золотой. Видя, как удлиняются тени, я чувствовала, что уединение уступает место одиночеству, и достала телефон, еще не зная, кому собираюсь звонить. Но тут выяснилось, что связи здесь нет. Я встала и принялась ходить, размахивая телефоном в воздухе, — сигнала не

было. Он появился только у самого края берега, рядом с которым выступала пара свай. Я немного постояла, наблюдая, как к ногам пытается подобраться темная вода неглубокой в этом месте реки. Мне показалось, что я слышу чей-то смех, но поняла, что это просто журчание воды, ловко огибающей камни.

Я долго не могла уснуть, а когда вдруг неожиданно проснулась, чувствуя, что вся горю, кругом стояла кромешная тьма, в которой невозможно было разглядеть даже руку, поднесенную к глазам. Я не сомневалась, что меня что-то разбудило. Какой-то звук? Да, кашель.

Я потянулась за телефоном на прикроватной тумбочке и нечаянно смахнула его на пол. Стук о пол прогремел в тишине как выстрел. Я шарила рукой по полу, пытаясь нащупать телефон, и чувствовала, как меня охватывает страх: я была уверена, что когда включу свет, в комнате обязательно кто-нибудь окажется. В деревьях за окном громко ухала сова, и я снова услышала кашель. Сердце бешено колотилось, я боялась отдернуть занавеску рядом с кроватью — а вдруг за окном окажется чье-то лицо?

Чье лицо я боялась увидеть? Энн Уорд? Ее мужа? Глупости. Подбадривая себя вслух, я

включила свет и отдернула занавески. Ничего и никого. Естественно. Я вылезла из кровати, натянула спортивные брюки и толстовку и прошла на кухню. Я собиралась выпить чашку чая, но передумала, обнаружив в кухонном шкафу полбутылки виски «Талискер». Плеснув себе в бокал примерно с два пальца, выпила залпом. Затем надела кроссовки, положила в карман телефон, взяла со стойки фонарь и открыла входную дверь.

Судя по всему, батарейки садились. Луч был слабым и светил не дальше пары метров. А за ним — кромешная тьма. Я направила свет себе под ноги и шагнула в ночь.

Трава была тяжелой от росы. Через несколько шагов кроссовки и низ брюк промокли насквозь. Я медленно обошла коттедж, посветила на серебристую кору берез, похожих на толпу бледных призраков. В мягком и прохладном воздухе чувствовалось приближение дождя. Снова послышалось уханье совы и ритмичное кваканье лягушки. Завершив обход дома, я направилась к реке. Вдруг кваканье неожиданно прекратилось, и я снова услышала кашляющий звук. Он раздался не рядом, а донесся со стороны холма, с другого берега реки, и на этот раз уже меньше походил на

кашель. Это было скорее блеянье. Блеянье овцы.

Чувствуя себя глупо, я вернулась в коттедж, налила себе еще виски и достала из сумки рукопись Нел Эбботт. Затем устроилась в кресле гостиной и занялась чтением.

Смертельная заводь

Энн Уорд, 1920 год

Она уже находилась в доме. Внутри. Снаружи бояться было нечего, опасность таилась внутри. Она ждала, ждала все время, с того самого дня, когда он вернулся домой.

Но для Энн это был не страх, а чувство вины. Холодное и твердое, как речная галька, сознание того, чего она желала, мечты, которую она позволила себе осуществить той ночью, когда кошмар, в который превратилась ее жизнь, стал невыносимым. Этим кошмаром был мужчина, ложившийся с ней в постель или сидевший у камина со стаканом в руке, так и не сняв после улицы ботинок. Кошмаром был его полный отвращения взгляд, который она не раз ловила на себе, словно была какой-то уродиной. Она

знала, что дело не в ней лично. Он так относился ко всем женщинам, детям, старикам, всем мужчинам, не бывавшим на войне. Но ей все равно было больно видеть и чувствовать, – больнее и ужаснее всего на свете, – как сильно он ее ненавидит.

Но разве ей не в чем себя упрекнуть? Кошмар был реальностью, он жил в ее доме, но ей не давал покоя сон, и ей так хотелось, чтобы он стал явью. Ей приснилось, будто на дворе лето 1915 года, она в доме одна и он только что ушел на фронт. Во сне наступал вечер, солнце клонилось к закату, в углах дома собирались тени, и раздавался стук в дверь. На пороге стоял одетый в форму мужчина с телеграммой в руке, и она понимала, что ее муж никогда не вернется домой. Когда она грезила об этом наяву, ей было все равно, как это случилось. Погиб ли он как герой, спасая друга, или трусливо, спасаясь бегством. Это было не важно, главное – его больше нет.

Ей бы точно было легче. И это правда, ведь так? Тогда почему он не должен ее

ненавидеть? Если бы он погиб на войне, она бы оплакала его, окружающие проявили бы к ней сочувствие и жалость – и мама, и друзья, и его братья (если бы остались живы). Они бы помогли ей выстоять, поддержали ее, и она бы все пережила. Она бы горевала по нему, долго, но всему наступает конец. Ей было бы девятнадцать, двадцать, двадцать один – вся жизнь впереди.

Он обоснованно ненавидел ее. Три года, почти три года он воевал, утопая в дерьме и крови людей, с которыми перед этим вместе курил, и теперь она жалела, что он вернулся, и сокрушалась, что день с телеграммой так и не наступил. Она любила его с пятнадцати лет, даже не помнила, как жила до его появления. Война началась, когда ему исполнилось восемнадцать, а в девятнадцать его отправили на фронт, и каждый раз он приезжал оттуда на побывку, состарившись не на месяцы, а на годы, десятилетия, века.

Правда, в первый приезд он изменился не сильно. По ночам кричал и бился, как в лихорадке. Говорил ей, что не хочет воз-

вращаться, что там слишком страшно. В последний вечер перед отъездом она нашла его на берегу реки и силой притащила домой. (Ей не следовало этого делать. Не нужно было его останавливать.) Она сама поступила эгоистично. И теперь пожинает плоды.

В свой второй приезд он не плакал. Он молчал, отгородившись от всего мира, и лишь изредка бросал на нее взгляды исподлобья, но никогда не смотрел прямо, даже в постели. Он переворачивал ее и не останавливался, даже когда она просила, а один раз его не остановило начавшееся у нее кровотечение. Он уже тогда ее ненавидел. Сначала она этого не понимала, но когда сказала, как ей жалко девушек, с которыми так плохо обращаются в тюрьмах, и тех, кто отказывается от прохождения военной службы по идейным соображениям, он ударил ее по лицу, плюнул и обозвал шлюхой.

В третий раз он вернулся совершенно другим человеком. И она знала, что ее прежнего мужа больше нет. От него ничего не осталось. И она не могла уйти,

не могла полюбить другого человека и начать жизнь заново, потому что в ее жизни был только он один и теперь его не стало… Не стало, но при этом он продолжал сидеть у камина в ботинках и смотреть на нее как на врага, и она желала ему смерти.

Что это за жизнь?

Энн так хотелось найти выход. Она жалела, что не владеет тайнами, в которые были посвящены другие женщины, но Либби Ситон давно умерла и забрала их с собой. Кое-что Энн, конечно, было известно, как и большинству женщин деревни. Они знали, какие грибы собирать, а какие не трогать, их предупреждали никогда не прикасаться к белладонне. Энн знала, где она растет в лесу, знала ее действие, но не желала мужу такой смерти.

Он все время боялся. Стоило ей бросить украдкой взгляд, и она замечала на его лице страх: он не спускал глаз с двери и в сумерки с тревогой вглядывался в перелесок. Он боялся и постоянно высматривал опасность. Но он смотрел не в том направлении, потому что враг таился не

там. Он уже забрался к нему в дом и ждал у камина.

Она не хотела, чтобы ему было страшно. Она не хотела, чтобы он видел, как на него падает тень, поэтому дождалась, когда он уснет у камина в своих вечных ботинках и с пустой бутылкой в руке. Она действовала тихо и быстро. Приставила к его шее лезвие ножа и нажала с такой силой, что он умер, даже не успев проснуться. Так-то лучше.

Правда, она вся перепачкалась в крови, и пришлось идти на реку, чтобы смыть ее.

Воскресенье, 23 августа

Патрик

Жена снилась Патрику всегда в одном и том же сне. В воде ночью. Оставив Шона на берегу, он нырял в воду, а потом плыл и плыл, но как только подбирался близко к ней и уже протягивал руку, чтобы схватить, она тут же оказывалась далеко, и ему опять приходилось плыть. Во сне заводь была шире, чем в реальной жизни. Это была даже не заводь, а озеро или целый океан. Ему казалось, что он плыл целую вечность, и когда он окончательно выбивался из сил и боялся, что утонет сам,

ему удавалось схватить ее и подтянуть к себе. Ее тело медленно переворачивалось в воде, она обращала к нему лицо и смеялась окровавленным ртом. Сон никогда не менялся, но прошлой ночью он увидел лицо не жены, а Хелен.

Патрик проснулся от ощущения леденящего ужаса. Сердце у него колотилось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди. Он сел в кровати и приложил к нему ладонь, не желая признаться даже самому себе, что испытывает страх или что этот страх замешан на глубоком чувстве стыда. Он раздвинул шторы, дождался, пока небо начало светлеть, и направился в комнату Хелен. Он вошел тихо, осторожно взял табурет и поставил возле кровати. Сел. Она лежала отвернувшись — совсем как во сне, — и он с трудом подавил в себе желание положить руку ей на плечо и разбудить, чтобы убедиться, что рот у нее не в крови, а зубы не сломаны.

Наконец она пошевелилась, медленно повернулась на другой бок, заметила его и вздрогнула так резко, что стукнулась головой о стену.

— Патрик! Что случилось? Что-то с Шоном?

Он покачал головой:

— Нет. Ничего не случилось.

— Тогда…

— Я… я оставлял что-нибудь в твоей машине? — спросил он. — Ну, тогда. Я забрал мусор из коттеджа, собирался выбросить, а потом эта кошка… В общем, я отвлекся и, похоже, оставил все там. Я прав?

Она сглотнула и кивнула, ее глаза потемнели, расширившиеся зрачки превратили радужную оболочку в узкие светло-карие ободки.

— Да, я… Из коттеджа? — Она нахмурилась, будто пытаясь сообразить.

— Да. Из коттеджа. Что ты сделала с мусором? С мешком.

Она села.

— Я его выкинула. Это же был мусор? По виду обычный мусор.

— Да, просто мусор.

Она отвела взгляд, потом снова посмотрела на него.

— Пап, ты думаешь, все повторилось? — Она вздохнула. — У него с ней? Ты думаешь?..

Патрик наклонился вперед и убрал у нее со лба прядь волос.

— Ну, не знаю. Возможно. Может, и так. Но теперь-то все точно кончено, верно?

Он хотел встать, но ноги у него подкосились, и ему пришлось опереться рукой о тумбочку. Под

ее взглядом ему стало стыдно.

— Хочешь чаю? — предложил он.

— Я заварю, — сказала она, откидывая одеяло.

— Нет-нет. Лежи. Я сам.

У двери Патрик оглянулся.

— Так ты точно выкинула? Тот мусор? — снова спросил он.

Хелен кивнула.

Чувствуя, что в груди давит, а ноги не слушаются, он медленно спустился по ступенькам и добрался до кухни. Там он налил в чайник воды и сел за стол, морщась от боли в груди. Никогда раньше Хелен ему не лгала, но сейчас он был уверен, что там, наверху, она говорила неправду.

Наверное, ему стоило разозлиться на нее, но злился он на Шона, потому что именно из-за него они оказались в таком положении. Хелен вообще не должно быть в этом доме! Она должна жить в доме со своим мужем и спать в его постели. И сам он не заслужил столь унизительной участи, как подчищать за своим сыном. И спит он через стенку от своей невестки, что граничит с неприличием. Кожа на руке под бинтом зачесалась, и он рассеянно ее потер.

И все же, если быть честным, а он всегда к этому стремился, ему ли критиковать сына? Он пом-

нил, каково это быть молодым и испытывать зов плоти. Выбор, который сделал он сам, оказался неудачным, и ему до сих пор было за него стыдно. Он выбрал красотку, слабую и эгоистичную женщину, которой недоставало самоконтроля. Ненасытную женщину. Она сама разрушала свою жизнь, и теперь, оглядываясь назад, он удивлялся только тому, как долго это продолжалось. Патрик знал, что Лорен никогда не понимала, как часто оказывалась на волосок от смерти.

Услышав шаги, Патрик оглянулся. В проходе стояла Хелен, босая и по-прежнему в пижаме.

— Папа, с тобой все в порядке?

Он поднялся, собираясь заварить чай, но она положила руку ему на плечо:

— Посиди. Я все сделаю.

В первый раз его выбор оказался неудачным, чего не скажешь о втором. Потому что Хелен выбрал он. Она была дочерью его сослуживца, тихой, скромной и работящей, и он сразу понял, что она станет любящей и верной женой. Оставалось убедить в этом Шона. Тот влюбился в женщину, с которой познакомился во время стажировки, но Патрик знал: это не продлится долго, а когда связь затянулась, положил ей конец. Теперь он смотрел на Хелен и понимал, что не ошибся в

выборе для сына: Хелен была прямой, серьезной и умной, абсолютно равнодушной к сплетням о знаменитостях, на которые так падки многие женщины. Она не теряла времени на телевизор и чтение романов, много работала и никогда не жаловалась. К тому же была общительной и приветливой.

— Держи. — Хелен уже с улыбкой протягивала ему чашку. — О! А вот тут явно не все в порядке, — сказала она, резко втянув воздух и глядя на забинтованную руку в том месте, где он только что ее почесал.

Кожа под повязкой распухла и покраснела, а рана стала темной. Хелен принесла теплой воды, мыло, антисептик и свежий бинт. Промыв и обработав рану, она снова забинтовала руку, и Патрик поцеловал ее в губы.

— Папа, — укоризненно произнесла она, осторожно отстраняясь.

— Прости, прости, — извинился он, чувствуя, как его снова накрывает волна стыда — и злости.

Женщины всю жизнь его подводили. Сначала Лорен, потом Дженни, а за ней другие. Но не Хелен. Нет, кто угодно, только не Хелен. И все же она ему солгала. Он видел это по ее лицу, искреннему, не привыкшему к обману, и внутренне

содрогнулся. Он снова вспомнил свой сон — как тело Лорен переворачивалось в воде. История повторялась, вот только женщины менялись к худшему.

Никки

Дженни сказала, что кому-то пора с этим разобраться.

— Тебе легко говорить, — возразила Никки. — И ты запела по-другому, правда? А раньше велела мне помалкивать ради собственного спокойствия. А теперь говоришь: хватит молчать?

Дженни никак не отреагировала на эти слова.

— Что ж, в любом случае, я пыталась. Ты знаешь, что это так. Я указывала нужное направление. Я предупреждала сестру, или не так? Разве я виновата, что меня никто не слушает? А-а, я намекаю слишком туманно, так, что ли? Слишком туманно! А ты хочешь, чтобы я ходила и выкладывала каждому все как есть? Подумай, куда тебя саму завел твой длинный язык!

Они спорили весь вечер.

— Это не моя вина! Ты не можешь меня упрекать! Я никогда не желала Нел Эбботт неприятностей. Я только рассказала ей, что знаю сама, вот и все. Ты же сама меня просила. С тобой все равно ничего хорошего не выйдет, это точно. Я даже не

знаю, зачем с тобой разговариваю.

Дженни действовала ей на нервы. Она никак не могла угомониться. И самое ужасное — ну, не самое, потому что самым ужасным было отсутствие сна, — то, что Дженни, возможно, права. Никки знала это с самого начала, с того первого утра, когда почувствовала это, сидя у окна. Еще одна. Еще одна жертва реки. Она это сразу поняла и даже хотела поговорить с Шоном Таунсендом. Но не стала и правильно сделала. Она видела его реакцию, стоило ей упомянуть его мать: маска доброжелательности на мгновение приподнялась, а под ней скрывалась злость. В конце концов, он же был сыном своего отца.

— Тогда с кем? С кем, подруга? С кем мне поговорить? Только не с женщиной из полиции. Даже не предлагай. Они все одинаковые! Она же сразу доложит начальнику, скажешь нет? Но если не с ней, то с кем? С сестрой Нел?

Она не вызывала у Никки доверия. Вот девчонка — другое дело. «Но она же еще ребенок», — возразила Дженни, на что Никки заявила:

— И что? Да у нее в мизинце храбрости больше, чем у половины города вместе взятого.

Да, она поговорит с девчонкой. Правда, пока не решила, что именно ей скажет.

У Никки все еще хранились бумаги Нел. Те, над которыми они работали вместе. Она может показать их девчонке. У Никки была распечатка, а не рукописный текст, но дочь наверняка узнает стиль матери. Конечно, там было написано не так, как хотелось бы Никки. Отчасти это и послужило причиной, по которой они разошлись. Художественные разногласия. Нел психанула и заявила, что если Никки не может выложить правду, то они просто теряют время. Но что она знала о правде? Все ей пересказывали легенды.

Дженни поинтересовалась, почему Никки тянет время и не идет разговаривать с девчонкой, на что та ответила:

— Ладно, успокойся, я поговорю. Только позже. Я поговорю, когда буду готова.

Иногда ей хотелось, чтобы Дженни заткнулась, а иногда, больше всего на свете, — чтобы сидела рядом с ней у окна и они вместе наблюдали за происходящим. Им следовало вместе состариться, мотать, как полагается, друг другу нервы, а не препираться у нее в голове, как это происходит. Никки так казалось, когда она представляла себе Дженни. И этот образ ничем не напоминал сестру, когда та приходила к ней в квартиру в последний раз, то есть за пару дней до своего отъезда из Бек-

форда навсегда: тогда она была бледной от шока и тряслась от страха. Она приходила рассказать Никки, что ей угрожал Патрик Таунсенд: если она не прикусит язык и не перестанет болтать, если продолжит задавать вопросы и вредить его репутации, то он позаботится о том, чтобы с ней разобрались.

«Я не стану пачкаться, — предупредил он, — и сам тебя не трону. Но я найду людей для такой грязной работы. И не одного парня. Я сделаю так, что их будет несколько и все поимеют тебя по очереди. Тебе известно, что я знаю таких ребят, правда, Джен? Ты же не сомневаешься, что я найду парней, которые на такое способны, верно?»

Дженни тогда стояла в этой комнате и заставила Никки пообещать и даже поклясться, что та ничего не станет предпринимать.

— Сейчас мы ничего не можем сделать. Мне вообще не следовало тебе об этом рассказывать.

— Но… мальчик, — недоумевала Никки. — Как же мальчик?

Дженни вытерла слезы.

— Я знаю, знаю. Меня саму тошнит от этой мысли, но мы должны оставить его здесь. Ты должна вести себя тихо и никому ничего не говорить. Потому что тогда Патрик наверняка разберется

сначала со мной, а потом и с тобой. Он слов на ветер не бросает.

Дженни уехала через два дня и больше не возвращалась.

Джулс

«Ну же, Джулия… Признайся. Неужели в глубине души тебе не понравилось?»

Я проснулась, и в голове звучал твой голос. Это было днем. Ночью я спать не могу: дом раскачивается, как судно, а шум воды оглушает. Днем все не так плохо. Как бы то ни было, я, видимо, уснула, потому что проснулась и в голове звучал твой вопрос: «Неужели в глубине души тебе не понравилось?»

«Понравилось» или «пришлось по вкусу»? А может, «хотелось»? Сейчас не могу точно вспомнить. Помню только, как вырвала руку и замахнулась, чтобы ударить тебя, и выражение непонимания на твоем лице.

С трудом переставляя ноги, я добралась до ванной и включила душ. Сил раздеться не было, и я присела на табурет, наблюдая, как комната наполняется паром. Потом выключила воду, подошла к раковине и сполоснула лицо. Подняв глаза, я вдруг увидела проступившие на запотевшем зеркале буквы «Л» и «С». Меня охватил такой

ужас, что я закричала.

Я услышала, как открылась дверь в комнату Лины, и через мгновение она уже барабанила в ванную:

— Что? Что случилось? Джулия!

Я открыла дверь вне себя от злости.

— Что ты делаешь? Чего добиваешься? — крикнула я, указывая на зеркало.

— Что? — озадаченно спросила она. — Что?!

— Ты отлично знаешь что, Лина. Не понимаю, что творится у тебя в голове, но…

— Господи, да у тебя точно не все дома! — Она повернулась и направилась к себе.

Какое-то время я стояла, разглядывая буквы. Мне не померещилось — они были на месте. «ЛС». Ты проделывала такие штуки постоянно: оставляла на зеркале жутковатые сообщения или рисовала красным лаком крошечные пентаграммы на моей двери. Чтобы меня напугать. Тебе нравилось меня изводить, и ты наверняка рассказала об этом дочери. Потому что она приняла эстафету.

Но почему «ЛС»? Почему Либби Ситон? Либби ни в чем не была виновата, ее утопили мужчины, ненавидевшие женщин и перекладывавшие на них вину за свои грехи. Но Лина считала, что ты

рассталась с жизнью по собственной воле. Тогда почему Либби? Почему «ЛС»?

Завернувшись в полотенце, я прошла в твою спальню. Казалось, в ней ничего не изменилось, но в воздухе стоял какой-то странный сладковатый запах — не твоих духов, а чего-то еще. Чего-то приторного, похожего на тяжелый аромат увядающих роз. Ящик стоявшей возле кровати тумбочки был закрыт. Я его выдвинула — все лежало на своих местах, за одним исключением. Зажигалка, на которой ты выгравировала инициалы Либби, исчезла. Кто-то заходил сюда. И забрал ее.

Я вернулась в ванную, снова сполоснула лицо и стерла с зеркала буквы. И вдруг увидела тебя сзади с тем же выражением непонимания на лице. Я резко повернулась, и Лина вскинула руки, будто защищалась.

— Господи, Джулия, успокойся! Да что с тобой происходит?

Я покачала головой:

— Я просто… просто…

— Просто что? — Она закатила глаза.

— Мне нужно подышать воздухом.

Но на крыльце я снова чуть не закричала — возле ворот стояли две женщины в черном и

явно ссорились. Одна из них подняла голову, и я узнала Луизу Уиттакер, мать утонувшей девочки. Она отпрянула от другой женщины и сердито воскликнула:

— Оставь меня! Оставь меня в покое! И не подходи больше!

Вторая махнула рукой — я не поняла, то ли ей, то ли мне, — повернулась и медленно заковыляла по аллее.

— Чертова сумасшедшая! — заявила Луиза, приближаясь. — Она опасна, эта женщина. Не слушайте ее и не пускайте на порог! Она лгунья и мошенница, и ей нужны только деньги. — Она помолчала, переводя дух, и хмуро окинула меня взглядом: — Ладно. Вы выглядите ужасно, совсем как я себя чувствую.

Я открыла рот и снова закрыла.

— Ваша племянница дома?

Я провела ее в дом.

— Сейчас я за ней схожу, — предложила я, но Луиза уже подошла к лестнице и сама позвала Лину по имени, после чего вернулась на кухню и стала ждать.

Через мгновение появилась Лина. На ее лице не было привычного выражения высокомерия и одновременно скуки, которым она так напоми-

нает тебя. Лина робко поздоровалась, но Луиза, похоже, этого даже не заметила, уставившись на стену перед собой, где с полки свисало деревянное сердце. Лина села за стол и убрала волосы в пучок. Она чуть подняла подбородок, будто готовясь к беседе. К допросу. Меня они не замечали, хотя я тоже находилась на кухне и стояла возле шкафа, собираясь при необходимости сразу вмешаться.

Луиза медленно моргнула и перевела взгляд на Лину, которая пару секунд смотрела ей в глаза, а потом опустила голову:

— Мне жаль, миссис Уиттакер. Мне ужасно жаль.

Луиза промолчала. По ее лицу струились слезы, не высыхавшие все эти месяцы безутешной скорби.

— Мне так жаль, — повторила Лина. Она тоже плакала и, опять распустив волосы, накручивала их на пальцы, словно маленькая девочка.

— Я не знаю, — наконец произнесла Луиза, — доведется ли тебе когда-нибудь испытать, каково это — вдруг понять, что ты совсем не знала своего ребенка. — Она глубоко, со всхлипом вздохнула. — У меня есть все ее вещи. Ее одежда, книги, музыка. Фотографии, которые ей нравились. Я знаю ее друзей и людей, которыми она восхища-

лась, я знаю, что она любила. Но ее я не знала. Потому что не знала, кого она любила. У нее была жизнь — целая жизнь, — о которой я не имела никакого представления. Самого главного о ее жизни я не знала.

Лина хотела что-то сказать, но Луиза продолжала:

— Дело в том, что ты могла мне помочь. Могла мне об этом рассказать. Рассказать, как только узнала сама. Могла прийти ко мне и предупредить, что моя дочь попала в сложную ситуацию и что ты знала — не могла не знать! — что добром для нее это не кончится.

— Но я не могла… не могла…

Лина снова попыталась заговорить, но Луиза опять ее перебила:

— Но даже если ты была такой слепой, глупой или беспечной, что не понимала, в какую беду она попала, ты все равно могла мне помочь. После ее смерти ты могла прийти ко мне и сказать, что причина не в том, что мы сделали или не сделали. Что это не моя вина и не вина моего мужа. Ты могла не дать нам свести себя с ума. Но ты предпочла поступить иначе. Все это время ты хранила молчание. Все это время ты… Но самое ужасное даже не это. Ты позволила ему… — Ее

голос сорвался, и фраза повисла в воздухе.

— Выйти сухим из воды? — закончила за нее Лина. Она больше не плакала, и голос у нее не дрожал. — Да, позволила, и меня саму от этого тошнило. Тошнило, черт возьми! Но я сделала это ради нее. Все, что я делала, я делала ради Кэти.

— Не произноси при мне ее имя! — прошипела Луиза. — Не смей!

— Кэти, Кэти, Кэти! — выкрикнула Лина и подалась вперед — их лица разделяло всего несколько сантиметров. — Миссис Уиттакер, — она снова села, — я любила ее. Вы знаете, как сильно я любила ее. Я сделала так, как она хотела. Как она просила.

— Ты не могла решать, Лина, не имела права держать это в тайне от меня, ее матери…

— Так решила не я, а она! Я знаю, вы считаете, что имеете право знать все, но это не так. Она не была ребенком, не была маленькой девочкой.

— Она была моей маленькой девочкой! — Голос Луизы перешел в вой.

Я стояла, вцепившись в столешницу, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

Лина снова заговорила, но теперь тише, и в ее голосе появились умоляющие нотки:

— Кэти сделала свой выбор. Она приняла реше-

ние, и я его приняла. — Помолчав, она добавила еще мягче, будто понимая, что играет с огнем: — И не я одна. Джош тоже.

Луиза размахнулась и влепила Лине звонкую пощечину. Я подскочила к Луизе и схватила ее за руку.

— Нет! — закричала я. — Довольно! Перестаньте! — Я пыталась поднять ее. — Уходите!

— Оставь ее! — крикнула Лина. Левая щека у нее пылала, но лицо было спокойным. — Не вмешивайся, Джулия. Пусть бьет, если хочет. Пусть выцарапает мне глаза и выдерет волосы. Пусть делает со мной, что хочет. Разве это что-то изменит?

Рот у Луизы был открыт, и я почувствовала ее несвежее дыхание. Я отпустила ее руку.

— Джош ничего не сказал из-за тебя, — произнесла она, вытирая слюну с губ. — Это ты велела ему молчать.

— Нет, миссис Уиттакер, — абсолютно спокойно возразила Лина и прижала ладонь к пылавшей щеке, чтобы успокоиться. — Это не так. Джош молчал из-за Кэти. Потому что об этом попросила она. А после, потому что хотел защитить вас и папу. Он думал, что вам будет очень больно. Узнать, что… — Она покачала головой. — Он еще

маленький и думал…

— Не рассказывай мне, что думал мой сын, — перебила миссис Уиттакер. — И почему. Помолчи. — Она поднесла руку к горлу. Рефлекс. Нет, не рефлекс — она взяла двумя пальцами голубую птичку, висевшую на цепочке. — А это, — прошипела она, — это же не ты подарила?

Мгновение поколебавшись, Лина покачала головой:

— Это от него. Это он подарил ей.

Луиза так резко отодвинула стул, что его ножки взвизгнули, проехав по кафельному полу. Она выпрямилась, со злостью сорвала с шеи цепочку и бросила на стол перед Линой.

— Это дал ей он, а ты позволила мне носить ее на шее!

Лина на мгновение закрыла глаза и покачала головой. Кроткая, подавленная девушка, которая всего несколько минут назад сидела, съежившись, на кухне, исчезла, а на ее месте оказалась женщина, намного взрослее Луизы, больше походившей на истеричного и капризного ребенка. Мне вдруг отчетливо вспомнился эпизод из далекого детства, который навсегда врезался в мою память. Ты была чуть младше Лины, когда учительница в школе обвинила меня в воровстве,

и я помню, как ты отчитывала ее. Ты была абсолютно спокойна и напомнила ей, что обвинять без доказательств никому не позволено, и та, устыдившись, пошла на попятную. Я помню, как гордилась тобой тогда, и сейчас меня переполняло такое же чувство.

Луиза снова заговорила, на этот раз очень тихо.

— Объясни мне, пожалуйста, — обратилась она, снова садясь, — раз ты так много знаешь. И так много понимаешь. Если Кэти любила этого человека и он любил ее, то почему? Почему она так поступила? Что он ей сделал, чтобы довести до такого?

Лина посмотрела на меня. Я увидела в ее взгляде то ли страх, то ли обреченность. Трудно сказать, что именно. Пару секунд она не отводила глаз, а потом закрыла их, чтобы сдержать слезы, и ответила высоким срывающимся голосом:

— Он не доводил ее до такого. Это был не он. — Она вздохнула и продолжила: — Мы с Кэти поругались. Я хотела, чтобы она прекратила с ним встречаться. Я считала, что это плохо. И ничем хорошим для нее не кончится. Я думала… — она покачала головой, — я просто не хотела, чтобы она и дальше с ним встречалась.

На лице Луизы мелькнуло понимание, и в тот же момент до меня дошло.

— Ты угрожала ей, — тихо проговорила я. — Тем, что расскажешь.

— Да, — едва слышно подтвердила Лина. — Я угрожала.

Луиза ушла, не проронив больше ни слова. Лина молча и без слез сидела, не шевелясь, и смотрела в окно на реку. Мне было нечего ей сказать — я бы все равно до нее не достучалась. Я видела в ней нечто, что когда-то было и во мне, нечто, присущее этому возрасту, — непознаваемость. Я подумала: как странно, что родители считают, будто знают и понимают своих детей. Разве они помнят, что чувствовали в восемнадцать, пятнадцать или двенадцать лет? Может, родив ребенка, человек забывает, каким сам был тогда. Я помню, какой ты была в семнадцать лет, а я, соответственно, в двенадцать, и уверена, что наши родители понятия об этом не имели.

— Я солгала ей. — Голос Лины прервал мои мысли. Она по-прежнему сидела, не шевелясь, и смотрела на реку.

— Солгала кому? Кэти?

Она покачала головой.

— Луизе? Солгала о чем?

— Нет смысла говорить ей правду, — ответила Лина. — Не сейчас. Пусть винит меня. По крайней мере, я рядом. Ей нужен кто-то, на кого можно обратить свою ненависть.

— Ты о чем, Лина? Что ты имеешь в виду?

Девочка устремила на меня взгляд холодных зеленых глаз. Она казалась совсем взрослой и была очень похожа на тебя, когда ты вытащила меня из воды. Такой же изменившейся и изможденной.

— Я не угрожала. Я бы никогда так не поступила. Я любила ее. Никто из вас этого не понимает, наверное, вы вообще не знаете, что такое любовь. Я бы все сделала ради нее.

— Выходит, если ей угрожала не ты… — Я знала ответ еще до того, как его услышала:

— Это была мама.

Джулс

В комнате повеяло холодом — если бы я верила в духов, то решила бы, что ты к нам присоединилась.

— Мы действительно ругались. Я не хотела, чтобы они продолжали встречаться. Она сказала, что ей все равно, что я думаю. Сказала, что я еще не доросла и не понимаю, что такое настоящие отношения. Я обозвала ее шлюхой, а она меня целкой. То есть мы ругались насмерть. Глупо и

ужасно. Когда Кэти ушла, выяснилось, что мама была в своей комнате, через стенку, а я думала, что ее нет. Она все слышала. И сказала, что должна поговорить об этом с Луизой. Я умоляла ее не делать этого. Говорила, что это разрушит жизнь Кэти. Тогда она предложила поговорить с Хелен Таунсенд, потому что именно Марк поступал плохо, а она была его начальницей. Сказала, что его могут просто уволить, а имя Кэти никогда не всплывет. Я заявила, что это глупость, но она и сама это понимала. Его нельзя будет уволить просто так, придется указать официальную причину. Тут же вмешается полиция. Дело направят в суд. Все выплывет наружу. И даже если имя Кэти не будет названо, родители все равно узнают, все в школе узнают… Такое не останется в тайне. — Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. — Я сразу сказал маме, что Кэти скорее умрет, чем пройдет через все это.

Лина подалась вперед, открыла окно и, покопавшись в кармане толстовки, вытащила пачку сигарет. Затем закурила и выдохнула дым в окно.

— Я умоляла ее, умоляла в буквальном смысле, и мама обещала подумать, как поступить. Сказала, что мне надо убедить Кэти перестать с

ним встречаться, что это было злоупотребление властью и абсолютно недопустимо. Она обещала, что не станет пока ничего предпринимать и даст мне время убедить Кэти. — Она раздавила почти целую сигарету о подоконник и выбросила ее за окно. — Я поверила ей. Я ей доверяла.

Она снова повернулась ко мне:

— Но через пару дней я увидела маму на парковке возле школы: она разговаривала с мистером Хендерсоном. Я не знаю, о чем они говорили, но со стороны беседа выглядела совсем не мирной, и я знала, что должна рассказать Кэти, на всякий случай. Она должна была знать, должна была быть готовой… — Ее голос сорвался, и она с трудом сглотнула. — Через три дня она умерла.

Лина шмыгнула носом и вытерла его.

— Дело в том, что мы с ней потом обсуждали это, и мама клялась, что в разговоре с Марком Хендерсоном не упоминала о Кэти. А спорили они из-за меня, из-за того, что у меня проблемы с учебой.

— Подожди… Лина, я не понимаю. Мама не угрожала им, что обо всем расскажет?

— Я сама ничего не понимала. Она клялась, что ничего не говорила, но при этом чувствовала себя очень виноватой. Я это видела. Я знала, что

это моя вина, но она вела себя так, будто ее. Перестала плавать, стала просто одержима правдой, твердила, что нельзя бояться смотреть правде в глаза, скрывать ее от людей, и все в таком роде…

(Я не знала, как это расценить — то ли как одну из твоих странностей, то ли как удивительную верность себе: истории, которые ты мне рассказывала, не были правдой, но для тебя, для твоего мира они ею являлись. Я должна была знать, что почти всю свою жизнь находилась на темной стороне твоей правды.)

— Но она же не сказала, верно? Она никому ничего не рассказала и не написала о Марке Хендерсоне в своей… истории о Кэти. О нем там нет ни слова.

Лина покачала головой:

— Нет, потому что я ей не позволила. Мы с ней все время ругались, и я постоянно говорила, что хотела бы засадить этого ублюдка в тюрьму, но это разбило бы Кэти сердце. И означало бы, что она пожертвовала своей жизнью впустую. — Она с трудом сглотнула. — Я хочу сказать, что все знаю. Знаю, что Кэти совершила глупость, идиотскую глупость, но она умерла, чтобы защитить его. А если бы мы обратились в полицию, то тогда она заплатила жизнью ни за что. А мама все твер-

дила насчет правды, что оставлять все как есть безответственно. Она была… я не знаю. — Она устремила на меня такой же холодный взгляд, каким раньше смотрела на Луизу. — Ты бы все это знала сама, если бы только с ней поговорила.

— Лина, мне очень жаль, очень, но я все равно не понимаю…

— Ты знаешь, откуда мне известно, что мама сама покончила с собой? Откуда я знаю точно?

Я покачала головой.

— В тот день, когда она умерла, мы поругались. Началось все из-за какой-то ерунды, а закончилось, как всегда, Кэти. Я кричала на нее, обзывала плохой матерью, потому что, будь она хорошей, она бы помогла нам, помогла Кэти, и все сложилось бы по-другому. И она сказала, что хотела помочь Кэти, что встретила ее как-то возвращавшейся поздно домой, остановилась и предложила подвезти. Кэти была очень расстроена, но не говорила почему, а мама посоветовала ей не держать все в себе. Сказала, что может помочь. И что мама с папой тоже могут помочь. А на мой вопрос, почему она раньше мне об этом не рассказывала, мама промолчала. Я спросила, когда это было, и она ответила, что в середине лета, двадцать первого июня. В ту ночь Кэти утопи-

лась. И подтолкнула ее к такому шагу мама, даже не подозревая об этом. А Кэти, в свою очередь, подтолкнула маму.

Меня вдруг захлестнула такая волна горечи, что я покачнулась. Все произошло так, Нел? Ты действительно покончила с собой из-за чувства вины и отчаяния?

Ты отчаялась, потому что тебя некому было поддержать: дочь злилась и не находила себе места от скорби, а я… ты точно знала, что я не отвечу на звонок. Ты отчаялась, Нел? И покончила с собой?

Я чувствовала на себе взгляд Лины и знала, что она видит мой стыд, видит, что я наконец поняла: в этом есть и моя вина. Но она казалась просто уставшей, а не торжествующей или удовлетворенной.

— Я не стала ничего рассказывать полиции, потому что не хочу, чтобы об этом узнали. Не хочу, чтобы ее винили, во всяком случае, больше, чем сейчас. Она так сделала не потому, что желала зла. И пострадала достаточно. Она пострадала за то, в чем не было ее вины. Ни ее, ни моей. — Лина слабо улыбнулась. — Ни твоей. Ни Луизы, ни Джоша. Это не наша вина.

Я хотела ее обнять, но она отстранилась.

— Не надо, — попросила она. — Пожалуйста,

мне просто… — Она запнулась и вздернула подбородок. — Мне надо просто побыть одной. Немного. Пойду пройдусь.

Я отпустила ее.

Никки

Никки отправилась поговорить с Линой Эбботт, как и просила ее Дженни. Осень уже заявляла свои права, и на улице посвежело, поэтому Никки натянула черное пальто, сунула страницы во внутренний карман и пошла к Милл-Хаус. Но возле дома Эбботтов ходили какие-то люди, а ей не хотелось с ними общаться. Особенно после того, как эта Уиттакер заявила, что Никки интересовали только деньги и она хотела нажиться на чужом горе, а это вовсе не так. Она желала совсем другого, но никто не хотел ее слушать. Немного постояв и понаблюдав за домом, она почувствовала, что заболели ноги, и побрела назад. Иногда она ощущала себя на свой возраст, но чаще — на возраст своей матери.

Ей хотелось, чтобы день поскорее закончился и обошелся без очередной ссоры. Дома она задремала в кресле и проснулась с ощущением, что видела, как Лина направлялась к заводи. Может, ей это приснилось, а может, было предчувствием. Позже, когда уже совсем стемнело, она перестала

сомневаться, окончательно убедившись в том, что действительно видела, как Лина, будто призрак, решительно шла через площадь. В своей маленькой темной комнате Никки почувствовала дуновение воздуха, когда та проходила мимо, ощутила исходившие от нее волны энергии и вскочила, забыв о своем возрасте. Девушка шла не просто так, а имела цель. Внутри нее пылал огонь, она была опасна. С такой лучше не связываться. Увидев Лину в таком состоянии, Никки вспомнила саму себя много лет назад, когда ей хотелось выскочить на улицу, пуститься в пляс или завыть на луну. Что ж, хоть ее танцы и остались в прошлом, но, как бы ни болели ноги, она должна сегодня оказаться у заводи. Ей хотелось почувствовать их присутствие, всех этих женщин и девушек, доставлявших проблемы, опасных и несущих гибель. Ей хотелось ощутить их ауру, искупаться в ней.

Она выпила четыре таблетки аспирина, взяла палку, медленно и осторожно спустилась по ступенькам, вышла через заднюю дверь на аллею позади магазинов и заковыляла к мосту.

Путь казался очень долгим, сейчас все занимало немыслимо много времени. В молодости об этом никто не предупреждал, никто не говорил,

каким медленным станет каждое движение и как это будет раздражать. Наверное, будучи медиумом, она могла это предвидеть. Эта мысль ее рассмешила.

Никки помнила, какой легкой была в молодости, быстрой, словно гончая. Тогда они с сестрой бегали по берегу наперегонки. Они носились сломя голову, подоткнув подолы юбок и чувствуя ступнями сквозь тонкую подошву кед каждый камушек и каждую неровность почвы. Остановить их было невозможно. Позже, много позже, когда они повзрослели и стали степеннее, они часто встречались на этом же месте и подолгу гуляли, иногда не произнося ни слова несколько километров.

Во время одной из таких прогулок они заметили на ступеньках коттеджа Уордов Лорен, которая сидела с сигаретой в руке, прислонившись к двери. Дженни ее окликнула, и Лорен подняла голову — ее щека переливалась всеми цветами заката.

«Ее муж сущий дьявол», — заметила тогда шепотом Дженни.

Черта помяни, он и явится. Никки стояла на мосту и вспоминала сестру, облокотившись на холодные каменные перила и глядя на воду,

как вдруг почувствовала его. Она ощутила его приближение еще до того, как увидела. Она не произносила его имя, но, наверное, шепот Дженни заставил явиться сатану их маленького городка. Никки повернула голову и увидела, как он шел по восточной стороне моста с палкой в одной руке и сигаретой в другой. Никки плюнула на землю и пробормотала заклинание, как всегда делала при встрече с ним.

Обычно она этим удовлетворялась, но сегодня — может, потому, что ощущала дух Лины, или Либби, или Энн, или Дженни, — она его окликнула.

— Теперь уже скоро, — произнесла Никки.

Патрик остановился и поднял голову, будто удивившись ее присутствию.

— Что? — прорычал он. — Что ты сказала?

— Я сказала, что теперь уже скоро.

Патрик сделал шаг вперед, и она снова ощутила, как ее окатила волна потустороннего жара, заставив выкрикнуть:

— Они со мной разговаривали!

Патрик досадливо махнул рукой и что-то пробормотал — она не разобрала, что именно, — и продолжил свой путь. Но дух не унимался.

— Моя сестра! Твоя жена! И Нел Эбботт! Все они

говорили со мной. И у нее был твой номер, верно? У Нел Эбботт? — крикнула она.

— Заткнись, старая дура, — огрызнулся Патрик. Он сделал вид, будто собирался подойти, и Никки отпрянула. Он засмеялся и снова отвернулся. — В следующий раз, когда будешь разговаривать с сестрой, — бросил он через плечо, — передай ей от меня привет.

Джулс

Я ждала возвращения Лины на кухне — звонила ей, оставляла голосовые сообщения. Я очень беспокоилась, и в голове все время звучали твои упреки — что я не пошла за ней, а вот ты за мной пошла. Мы с тобой видим ту ситуацию по-разному. Я знаю это точно, потому что прочитала в твоей рукописи: «Когда мне было семнадцать лет, я вытащила из воды сестру, не дав ей утопиться». Звучит героически, если не знать всех обстоятельств. Ты не написала, что этому предшествовало: ни слова о футболе, крови или Робби.

Или о заводи. Ты написала: «Когда мне было семнадцать лет, я вытащила из воды сестру, не дав ей утопиться», но какая же у тебя избирательная память, Нел! Я помню, как ты держала меня за шею, как я отчаянно вырывалась, помню агонию лишенных воздуха легких и охватившую

меня холодную панику — даже в том глупом, безысходном, пьяном оцепенении я понимала, что тону. Ты удерживала меня под водой, Нел.

Но не долго. Ты передумала. Обхватив за шею, ты дотащила меня до берега, но я всегда знала, что в глубине души тебе хотелось оставить меня в воде.

Ты просила никому об этом не рассказывать, взяла с меня обещание не делать этого ради мамы, и я согласилась. Наверное, я ждала, что наступит день, когда мы состаримся, ты изменишься. Тебе станет стыдно, и мы к этому вернемся. Мы поговорим о том, что произошло, что сделала я и что сделала ты, поговорим о твоих словах и о том, как случилось, что мы стали ненавидеть друг друга. Но ты ни разу не сказала, что сожалеешь. И ни разу не попыталась объяснить, как могла так относиться к своей маленькой сестренке. Ты так и не изменилась, а теперь просто умерла, и у меня из груди будто вырвали сердце.

Мне так хочется снова тебя увидеть.

Я ждала Лину, пока окончательно не выбилась из сил и решила лечь. Я рухнула на кровать и забылась в беспокойном сне, но, услышав скрип открывающейся входной двери и шаги Лины на ступеньках, сразу проснулась. Я слышала, как

она прошла к себе в комнату и включила музыку — достаточно громко, чтобы я разобрала слова песни в исполнении какой-то женщины:

That blue-eyed girl
She said 'No more',
That blue-eyed girl
Became blue-eyed whore.[2]

Я снова погрузилась в сон, а когда очнулась, звучала та же песня, только уже громче. Мне хотелось, чтобы она наконец закончилась, но я поняла, что не могу подняться с кровати. Я даже засомневалась, действительно ли проснулась, потому что если я не сплю, то что так сильно давит мне на грудь? Я не могла дышать, не могла пошевелиться, и только женщина продолжала петь:

Little fish big fish, swimming in the water –
Come
back here man, gimme my daughter.[3]

И вдруг тяжесть куда-то исчезла, я встала и в

---

[2] Сноски: 2

«Стоп!» — с глазами синими девушка сказала. Синеглазая девчонка проституткой стала. PJ Harvey «Down By The Water».

[3] Сноски: 3

Рыба малая, большая плавают в воде — парень, ты вернись сюда, отдай мою дочку мне. PJ Harvey «Down By The Water».

ярости выскочила в коридор, крича Лине сделать потише. Я дернула ручку ее двери, и та открылась. В комнате никого не было. Свет включен, окна открыты, в пепельнице окурки, а возле пустой кровати стакан с водой. Музыка играла все громче и громче, голова гудела, челюсти сводило, и я продолжала кричать, хотя там никого не было. Я нашла док-станцию для айпода, выдернула шнур из розетки и наконец-то — наконец-то! — услышала свое дыхание и то, как кровь стучит в висках.

Я вернулась к себе и снова позвонила Лине — трубку по-прежнему никто не брал. Я пробовала дозвониться до Шона Таунсенда, но вызов сразу переключался на голосовую почту. Входная дверь оказалась заперта, но внизу свет везде был включен. Шатаясь, словно пьяная или наркоманка, я обошла все комнаты и выключила свет. А затем пристроилась возле окна, где в детстве любила сидеть и читать с мамой книжки, где двадцать два года назад твой парень меня изнасиловал, и снова провалилась в сон.

Мне снилось, что вода прибывала. Я была наверху, в спальне родителей. Лежала на кровати рядом с Робби. Снаружи свирепствовал ливень, река поднималась, и я откуда-то знала, что пер-

вый этаж уже затоплен. Сначала из-под двери в спальню просочились первые робкие струйки, а потом вдруг двери и окна распахнулись, и в них хлынули потоки грязной воды. Каким-то образом мне стало видно гостиную, погруженную в темную зелень речных вод, которые доходили до горла «Тонущей собаки» Гойи, только теперь собака была не нарисованной, а настоящей. С выпученными от ужаса глазами она отчаянно барахталась, цепляясь за жизнь. Я попыталась встать с кровати и спуститься, чтобы спасти ее, но Робби держал меня за волосы.

Я резко дернулась и очнулась от кошмара. Бросила взгляд на мобильник — четвертый час ночи. Я услышала какие-то звуки: в доме кто-то ходил. Лина вернулась. Слава богу! На лестнице раздались ее шаги в шлепанцах. Она остановилась в проеме, и был виден только ее силуэт.

Она направилась ко мне и что-то говорила, но что именно, я разобрать не могла. Я увидела, что на ней вовсе не шлепанцы, а туфли на шпильках, в которых она ходила на похороны, и то же черное платье, только насквозь мокрое. Волосы липли к лицу, кожа серая, а губы синие. Она была мертва.

Я проснулась, задыхаясь. Сердце бешено коло-

тилось, а обитое материей сиденье подо мной было мокрым от пота. Я села и никак не могла прийти в себя. Картины, висевшие напротив, казалось, двигались, и я подумала, что все еще сплю и никак не могу проснуться — не могу проснуться! Я сильно ущипнула себя, воткнув ногти в кожу, почувствовала боль и увидела, что на коже остались следы. Дом был погружен в темноту, стояла тишина, и только мерно журчала река. Я громко позвала Лину.

Потом побежала наверх, промчалась по коридору и увидела, что дверь в комнату Лины приоткрыта, а внутри горит свет. Там все было так, как я оставила несколько часов назад, — тот же стакан с водой возле неразобранной постели, пепельница с окурками. Лины не было дома. Она не возвращалась. Ушла и не вернулась.

Часть третья

Понедельник, 24 августа

Марк

Он вернулся домой поздно, в третьем часу ночи. Рейс из Малаги задержали, он где-то потерял парковочный билет, и на поиски машины ушло целых три четверти часа.

Теперь он жалел, что поиски не заняли больше времени, что он вообще нашел машину и не остался ночевать в гостинице. Тогда бы прожил спокойно еще целый день. Потому что теперь, обнаружив все окна разбитыми, он понял, что не сможет уснуть. Не только сегодня, вообще никогда. Отдых закончился, и от душевного спокойствия не осталось и следа. Его предали.

Он жалел, что все же порвал со своей невестой. Тогда, если бы за ним пришли, он всегда мог сказать: «Что?! Да я только что вернулся из Испании, где провел пять дней со своей невестой. Красивой и образованной девушкой двадцати девяти лет».

Правда, это вряд ли бы что-то изменило. Было бы не важно, ни что он говорит, ни что делает, ни как прожил свою жизнь: его бы все равно

распяли. Для прессы, полиции, школы, общины было бы абсолютно не важно, что он никакой не извращенец, гоняющийся за девушками вдвое моложе себя. Было бы не важно, что он полюбил и что его тоже полюбили. Взаимность чувств никого бы не интересовала, зрелость Кэти, ее рассудительность, ум, выбор — все это не имело бы никакого значения. Все бы зациклились только на их возрасте — ему двадцать девять, а ей пятнадцать — и пустили бы его жизнь под откос.

Он стоял на лужайке, глядя на пустые глазницы окон, и всхлипывал. Если бы что-то еще оставалось неразбитым, он бы сам все разбил. Он стоял на лужайке и проклинал ее, проклинал тот день, когда впервые обратил на нее внимание, увидел, насколько красивее она была своих глупых самовлюбленных подружек. Он проклинал тот день, когда она медленно подошла к его столу, покачивая полными бедрами и улыбаясь.

«Мистер Хендерсон, могу я обратиться к вам за помощью?» — спросила она.

Она наклонилась к нему так близко, что он уловил не испорченный духами запах ее чистой кожи. Сначала он опешил, решил, что она с ним играет и просто дразнит. Разве не она начала первой? И почему нести ответственность за все

должен он один? Он стоял на лужайке с полными слез глазами и чувствовал, как его охватывает паника. Он ненавидел Кэти, ненавидел себя, ненавидел ситуацию, в которой оказался и из которой теперь не видел выхода.

Что делать? Зайти в дом, собрать вещи и уехать? Сбежать? Он лихорадочно соображал: куда бежать и как? Его уже ищут? Наверняка. Если он снимет деньги, они узнают? Если попытается покинуть страну, то будут его ждать? Он представил, как служащий в аэропорту сравнит его с фотографией, снимет трубку, и полицейские в форме вытащат его из очереди удивленных туристов, отправляющихся на отдых. А они будут знать, за что его задержали? На торговца наркотиками не похож, террориста тоже, наверняка что-то гораздо хуже. Он посмотрел на пустые окна дома и представил, что внутри его уже ждут, что все уже обыскали, просмотрели все книги и бумаги, перерыли весь дом в поисках доказательств того, что он сделал.

Но они ничего не смогут найти. В нем затеплилась робкая надежда. В доме не осталось никаких следов. Никаких любовных писем, никаких фотографий в ноутбуке, ничего, что могло бы указать на то, что она тут бывала (постельное белье давно

выкинуто, весь дом убран и продезинфицирован, все следы стерты). Какие у них доказательства, кроме фантазий мстительной девчонки-подростка? Той, что сама искала его расположения, но получила отпор. Никто, ни одна живая душа толком не знала, что было у них с Кэти, и не должна знать. Нел Эбботт уже отошла в мир иной, а слова ее дочери не много стоили.

Он стиснул зубы, покопался в кармане в поисках ключей, обошел дом и открыл заднюю дверь.

Она накинулась на него в темноте, яростно кусаясь и царапаясь. Он оттолкнул ее, но она не унималась. Какой у него был выбор? Какой выбор она ему оставила?

А теперь пол перемазан кровью, а вымыть его нет времени. Начинало светать. Ему пора.

Джулс

На меня вдруг снизошло озарение. Еще секунду назад я не находила себе места от страха, но сейчас успокоилась, потому что знала. Знала, не где находилась Лина, а кем она была. И теперь могла приступить к поискам.

Я сидела на кухне в оцепенении, не в состоянии ясно мыслить. Полицейские только что ушли и отправились на реку продолжать поиски. Они

велели мне сидеть дома и никуда не уходить. На всякий случай. Если Лина вдруг вернется. Велели продолжать звонить и не выключать мобильник. «Вы поняли, Джулия? Пусть телефон будет все время включен». Они говорили со мной, как с ребенком.

Наверное, их трудно винить, потому что они все время задавали вопросы, на которые у меня не было ответа. Я знала, когда видела Лину в последний раз, но не знала, когда в последний раз она находилась в доме. Я не знала, во что она была одета, когда уходила; я даже не могла вспомнить, что на ней было, когда мы виделись. Я не могла отличить сон от реальности — играла ли на самом деле музыка или мне это приснилось? Кто запер дверь, кто включил свет? Детективы смотрели на меня с подозрением: почему я ее отпустила, видя, как она расстроена после ссоры с Луизой Уиттакер? Почему не бросилась за ней, не попыталась успокоить? Я видела, с каким выражением полицейские переглядывались, видела их молчаливое осуждение: какой из этой женщины опекун?

Ты тоже не оставляла меня в покое, и в голове все время звучал твой голос: «Почему ты не пошла за ней, как я пошла за тобой? Когда мне было

семнадцать лет, я вытащила из воды сестру, не дав ей утопиться». Нет, Нел, это из-за тебя я оказалась в воде, и ты меня едва не утопила. (Вечная перебранка — твое утверждение против моего, и снова по кругу. У меня больше не было сил ее продолжать.)

И вот тут произошло нечто. Изнемогая от усталости и страха, я что-то заметила краем глаза. Как будто какое-то движение, какую-то тень. «Неужели это из-за меня ты оказалась в воде?» — спросила ты. Из-за тебя или из-за Робби? А может, из-за комбинации вас обоих?

Пол чуть качнулся, и я ухватилась за шкаф, чтобы сохранить равновесие. «Комбинации вас обоих». У меня перехватило дыхание, а грудь сдавило, как перед приступом паники. Я ждала, что перед глазами все поплывет, но ничего не случилось. Я продолжала стоять и дышать. «Комбинации вас обоих». Я бросилась наверх, в твою комнату, — и точно! Фотография, где вы с Линой вместе, и на губах у нее играет улыбка хищника. Не твоя. Эта улыбка — его! Робби Кэннона. Она стоит у меня перед глазами — он улыбался мне именно так, когда лежал на тебе и вдавливал твои плечи в песок. Вот кто такая Лина. Она — комбинация вас обоих. Лина твоя, но и его тоже.

Лина — дочь Робби Кэннона!

Джулс

Я присела на кровать со снимком в руках. Вы с Линой улыбались мне, и я почувствовала, как из глаз брызнули горячие слезы, и я наконец заплакала по тебе так, как должна была на похоронах. Я вспомнила, каким он был в день похорон, — я истолковала его взгляд неправильно. Это был взгляд не хищника, а собственника. Он смотрел на девушку не как на объект соблазна и обладания. Она уже принадлежала ему. Так, может, он приехал за ней, чтобы забрать то, что принадлежит ему по праву?

Найти его не представляло труда. Его отец владел сетью крутых автосалонов по всему северо-востоку страны. Компания называлась «Кэннон карз». Ее больше не было, она давно разорилась, но в Гейтсхеде продолжало функционировать ее жалкое подобие. Я отыскала сайт этой фирмы, где на главной странице была размещена фотография Робби, сделанная, судя по всему, несколько лет назад. Тогда он еще не так обрюзг, и лицо сохраняло черты жестокого красавца, каким он был в молодости.

Я не собиралась звонить в полицию, потому что там бы меня все равно не стали слушать.

Я просто забрала ключи от машины и уехала. Покидая Бекфорд, я была довольна собой: я сама во всем разобралась и теперь владею ситуацией. Чем дальше я уезжала от городка, тем увереннее становилась: туман усталости рассеивался, и мышцы наливались силой. Я вдруг ощутила голод, причем зверский, и мне нравилось это чувство — я сильно прикусила щеку и во рту появился вкус металла. Во мне пробудился какой-то древний дух ярости и бесстрашия: я представляла, как наброшусь на него, словно амазонка, и разорву на части.

Автомастерская располагалась в захудалой части города под железнодорожным мостом. Нехорошее, зловещее место. Когда я до нее добралась, от моей храбрости уже мало что осталось. Руки при переключении передачи или включении поворотника дрожали, а во рту ощущался вкус не крови, а желчи. Я старалась сосредоточиться на цели своего приезда — найти Лину и спасти ее, — но вся моя энергия уходила на то, чтобы загнать вглубь воспоминания, которые я держала взаперти полжизни. Теперь они поднимались на поверхность, будто пузырьки воздуха в воде.

Я припарковала машину через дорогу от ма-

стерской. Возле здания стоял человек и курил сигарету — моложе Кэннона и точно не он. Я вылезла из машины, на негнущихся ногах пересекла дорогу и подошла к нему.

— Я могу поговорить с Робертом Кэнноном? — спросила я.

— Ваша тачка? — поинтересовался он, кивая на машину. — Можете сразу заезжать…

— Я по другому вопросу. Мне надо поговорить… Он здесь?

— Так дело не в тачке? Он у себя в кабинете, — пояснил человек, кивком показав, где именно. — Можете пройти, если хотите.

Я вгляделась в зловещий полумрак мастерской, и внутри у меня все сжалось.

— Нет, — сказала я как можно тверже. — Я подожду здесь.

Он щелчком выбросил недокуренную сигарету.

— Дело ваше, — произнес он и скрылся в темном проеме.

Я сунула руку в карман и поняла, что оставила мобильник в сумке на переднем сиденье машины. Я повернулась, чтобы пойти и забрать его, отлично понимая, что, оказавшись в безопасности, уже не решусь покинуть машину, заведу

двигатель и тут же уеду.

— Я могу вам помочь?

Я застыла на месте.

— Вы что-то хотели, киска?

Я обернулась и увидела его — он был даже отвратительнее, чем в день похорон. Лицо обрюзгло, багровый нос испещрен синими прожилками, разбегавшимися по щекам, как протоки в устье реки. Походка была прежней, чуть вразвалочку. Он внимательно на меня посмотрел.

— Мы знакомы?

— Это вы Роберт Кэннон? — спросила я.

— Да, — подтвердил он. — Я Робби.

На долю секунды мне стало его даже жалко. Он по-прежнему называл себя уменьшительным именем. Робби — это имя ребенка, маленького мальчика, который играет на заднем дворе и лазает по деревьям. Так не зовут располневших неудачников и банкротов, которые держат сомнительные мастерские на окраине города. Он подошел ближе, обдав меня запахом пота и спиртного, и вся моя жалость тут же испарилась: я вспомнила тяжесть его тела на себе, вспомнила, как не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Послушайте, милая, я очень занят, — сказал он.

Мои руки сжались в кулаки.

— Она здесь? — спросила я.

— Она — это кто? — Он нахмурился, но потом закатил глаза и вытащил из кармана пачку сигарет. — Черт, вы что — подружка Шелли? Я уже говорил ее старику, что не видел этой шлюхи несколько недель. Поэтому если вопрос о ней, то разговор закончен, ясно?

— Лина Эбботт, — произнесла я. — Она здесь?

Он закурил. В его тусклых карих глазах что-то промелькнуло.

— Так вы ищете… кого теперь? Дочку Нел Эбботт? Да кто вы такая? — Он оглянулся. — И с чего решили, что ее дочь здесь?

Он не разыгрывал комедию. Я видела, что он был слишком туп для этого. Он не знал, где Лина. Я повернулась уйти. Чем дольше я буду здесь находиться, тем больше он узнает. А я не смогу промолчать.

— Погодите, — сказал он, кладя руку мне на плечо.

Я резко дернулась и оттолкнула его.

— Спокойно! — Он поднял руки, словно защищаясь. — Да в чем дело? Вы… — Он прищурился. — Я вас видел — вы были на похоронах.

Наконец до него дошло.

— Джулия? — Его лицо расплылось в улыбке. — Черт возьми, а я тебя и не узнал! — Он оглядел меня с ног до головы. — Джулия, что же ты молчишь?

Он предложил мне выпить чаю. Я начала смеяться и не могла остановиться. Я смеялась, пока по щекам у меня не потекли слезы, а он стоял и смотрел, сначала неуверенно подхихикнув, а потом молча, в полной растерянности.

— Что происходит? — поинтересовался он раздраженно.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Лина сбежала. Я ее везде ищу и подумала…

— Ну, тут ее нет. А с чего ты взяла, что она может быть здесь? Я с ней даже не знаком и впервые увидел на похоронах. Если честно, даже в сердце кольнуло. Уж больно похожа на Нел. — Он изобразил на лице участие. — Мне было жаль узнать о случившемся. Правда жаль, Джулия.

Он хотел снова до меня дотронуться, но я отстранилась. Он сделал шаг навстречу.

— Я… я просто не могу поверить своим глазам, Джулия. Ты сильно изменилась. — На его лице появилась гадкая улыбка. — Даже не знаю, как я мог забыть, — произнес он, понизив голос. — А ведь это я лишил тебя невинности и сорвал твою

черешенку, верно? — Он рассмеялся. — Давно это было.

«Черешенку». С этим словом ассоциировались дни рождения, воздушные шары, веселье и сладкий вкус ягод, а совсем не его скользкий язык у меня во рту и грязные пальцы внизу моего живота. Я думала, что меня вырвет.

— Нет, Робби, — возразила я и сама удивилась, как ровно и спокойно прозвучал мой голос. — Ты не «сорвал мою черешенку». Ты меня изнасиловал.

Улыбка сползла с его обрюзгшего лица. Он оглянулся и снова шагнул ко мне. Голова у меня кружилась от адреналина, дыхание участилось. Я сжала кулаки.

— Я — что?! — прошипел он. — Какого черта?! Я никогда… я тебя не насиловал! — Последнее слово он произнес шепотом, будто боялся, что нас могут подслушать.

— Мне было тринадцать лет, я просила тебя перестать, плакала так, что не могла остановиться, я… — Я замолчала, потому что к горлу подступили слезы, а я не хотела плакать перед этим ублюдком.

— Ты плакала, потому что это был твой первый раз, — заискивающе и тихо произнес он, — и

было немного больно. И ты не говорила, что не хочешь. Ни разу не сказала «нет». — И повторил уже увереннее: — Лживая сука! Ты ни разу не сказала «нет»! — Теперь его разобрал смех. — Да я мог получить все, что хотел, помнишь? Половина девчонок Бекфорда бегали за мной в мокрых трусиках. У меня была твоя сестра — самая крутая девчонка в округе. И ты правда считаешь, что мне понадобилось насиловать такую толстую корову, как ты?

Он верил в это. Я видела, что он искренне так считал, и поняла, что проиграла. Все это время он не чувствовал за собой вины. Не испытывал угрызений совести, потому что не считал себя насильником. Все это время, да и сейчас тоже, он верил, что оказал толстой девочке большую услугу.

Я повернулась и пошла прочь. Я слышала, как он шагал сзади, бормоча себе под нос:

— У тебя всегда были не все дома. Всегда. Не могу поверить, что слышу такое дерьмо…

Не доходя пары метров до машины, я резко остановилась. «Неужели в глубине души тебе не понравилось?» Что-то было не так. Если Робби не считал, что меня изнасиловал, то почему могла так считать ты? О чем ты спрашивала,

Нел? Что имела в виду? Что именно могло мне понравиться?

Я обернулась. Робби стоял сзади с открытым ртом, опустив похожие на окорока руки.

— Она знала? — спросила я.

— Что?

— Нел знала? — закричала я.

Он выпятил губы.

— Что знала? Что я тебя трахнул? Шутишь? Только представь, как бы она отреагировала, узнав, что после нее я трахнул ее маленькую сестренку? — Он засмеялся. — Я рассказал ей про самое начало, как ты напилась, была никакая, приставала ко мне и жалобно смотрела своими поросячьими глазками: ну пожалуйста! Ты вечно вертелась под ногами как собачонка, всегда тайком следила за нами, даже когда мы занимались любовью. Тебе нравилось подглядывать, или не так? Ты думала, мы не замечали? — Он снова засмеялся. — Замечали. Мы даже шутили о том, какой маленькой, толстой и несчастной извращенкой ты была: никто тебя никогда не трогал и не целовал, и тебе нравилось смотреть, как все это достается горячей старшей сестричке. — Он покачал головой. — Изнасилование? Не смеши меня. Тебе хотелось получить то же, что и Нел, и

ты это ясно дала понять.

Я представила себя под деревьями или возле двери в спальню, откуда следила за ними. Он был прав, я действительно за ними подглядывала, но не с похотью, не с завистью, а с каким-то жутковатым любопытством. Я смотрела, как смотрят все дети, а я и была маленьким ребенком. Маленькой девочкой, которая не хотела видеть, что делают с ее сестрой (потому что все выглядело так, как будто с тобой что-то делают), но просто не могла отвести взгляд.

— Я сказал ей, что ты ко мне приставала, а когда я тебя оттолкнул, то убежала в слезах, и она бросилась за тобой.

Перед глазами у меня замелькали картины из прошлого: твои слова, злость, то, как ты держала мою голову под водой, а потом схватила за волосы и вытащила на берег.

«Ах ты, дрянь! Тупая толстая дура! Ты что задумала?!»

А может: «Ах ты, дрянь! Тупая толстая идиотка! Ты чего творишь?!»

А потом: «Я знаю, он тебя обидел, но чего ты ждала?»

Я села в машину, руки дрожали. Я с трудом достала ключи. Робби по-прежнему стоял рядом

и не успокаивался:

— Да, мотай отсюда, лживая сучка. Ты ведь не думала, что девушка тут? Просто нашла предлог? И приехала увидеть меня. Хочешь продолжения?

Я слышала, как он смеялся, переходя улицу.

— Никаких шансов, киска. Все в прошлом. Ты, может, и похудела, но осталась такой же идиоткой.

Я тронулась с места, чуть отъехала, и двигатель заглох. Выругавшись, я снова повернула ключ зажигания и, когда мотор завелся, выжала до отказа педаль газа, стремясь побыстрее оказаться как можно дальше от него и всего, что произошло. Я понимала, что должна беспокоиться о Лине, но не могла думать ни о чем, кроме одного: ты не знала!

Ты не знала, что он меня изнасиловал.

Когда ты сказала: «Мне жаль, что он тебя обидел», ты имела в виду то, что он оттолкнул меня. А когда говорила: «Но чего ты ждала?», ты, конечно, имела в виду, что он так поступил, потому что я еще маленькая. А когда спросила: «Неужели в глубине души тебе не понравилось?», ты имела в виду не секс, а воду.

Мир, в котором я жила, рухнул. Я была слепа и даже не допускала сомнений. А ты ничего не

знала.

Я съехала на обочину и разревелась — мое тело сотрясали рыдания от осознания жуткой правды: ты ничего не знала. Все эти годы, Нел. Все эти годы я приписывала тебе ужасную жестокость, а чем ты это заслужила? Чем? Все эти годы я тебя не слушала, постоянно отказывалась тебя выслушать. А теперь мне самой казалось невероятным, как я могла не понять, что вопрос «Неужели в глубине души тебе не понравилось?» относился к реке, к той ночной воде. Ты хотела знать, что чувствует человек, отдаваясь во власть воды.

Я перестала плакать. В голове прозвучал твой голос: «У тебя нет на это времени, Джулия», и я улыбнулась.

— Я знаю, — громко ответила я. — Я знаю.

Меня больше не трогало, что думал Робби, мне было не важно, что он всю жизнь считал, будто ничего не сделал, — для мужчин вроде него это обычная вещь. И какая разница, что он думал? Для меня он был пустым местом. Для меня всегда имела значение ты: что ты знала, и чего не знала, и что я всю жизнь наказывала тебя за то, чего ты не делала. А теперь я не могла сказать тебе, как мне жаль.

Вернувшись в Бекфорд, я остановила машину

на мосту, спустилась по мшистым ступенькам и направилась по тропинке к реке. Было чуть за полдень, становилось прохладнее, поднимался ветер. Не лучшее время для купания, но я так долго ждала и хотела быть там, с тобой. Только так я могла снова оказаться рядом, другого способа не существовало.

Я сняла туфли и, оставшись в джинсах и футболке, немного постояла на берегу. Потом медленно двинулась вперед: первый шаг, второй, третий. Чувствуя, как ноги начали вязнуть в иле, я закрыла глаза, но не остановилась. Когда вода сомкнулась у меня над головой, я сквозь невольный ужас вдруг осознала, что на самом деле ощущение было приятным. По-настоящему приятным.

Марк

На бинте, которым была перевязана рука Марка, проступила кровь. Он плохо наложил повязку и, несмотря на все попытки расслабиться, продолжал изо всех сил сжимать руль. У него ныла челюсть, а за глазами пульсировала острая боль. Голову снова сжали тиски. Он чувствовал, как они выдавливали кровь из вен и череп начинал трещать, будто вот-вот расколется. Он дважды останавливал машину на обочине и выходил, чтобы не испачкать рвотой салон.

Он понятия не имел, куда ехать. Сначала он направился на север, в сторону Эдинбурга, но потом передумал. А вдруг они ждут его именно там? Выставят на въезде полицейские кордоны, посветят фонарем в лицо, грубо вытащат из машины и тихо предупредят, что дальше будет только хуже? Намного хуже. Он развернулся и поехал в другую сторону. От сильной боли голова отказывалась соображать. Ему надо остановиться, перевести дух, составить план. Марк свернул с шоссе и поехал в сторону побережья.

Все, чего он так боялся, теперь наверняка произойдет. Перед глазами мелькали картины из будущего, будто записанного на пленку, и он прокручивал ее снова и снова: полицейские в дверях, журналисты выкрикивают вопросы, пока его ведут к машине, набросив на голову одеяло. Окна с новыми стеклами вновь забрасывают камнями и разбивают. Стены дома разукрашивают надписями, почтовый ящик мажут дерьмом. Суд. Господи, суд! Лица родителей, когда Лина повторит свои обвинения, вопросы суда: когда, где и сколько раз? Стыд. Приговор. Тюрьма. Все, о чем он предупреждал Кэти, когда говорил, что его ждет. Он не вынесет этого. Не сможет перенести.

В ту июньскую пятницу он ее не ждал. Она

должна была пойти на чей-то день рождения, пропустить который не могла. Он помнил, как открыл дверь, увидел ее и сначала обрадовался, как радовался каждой их встрече, но потом заметил у нее на лице тревогу и беспокойство. Сегодня видели, как на школьной парковке он о чем-то разговаривал с Нел Эбботт. О чем они говорили? Почему он вообще с ней разговаривал?

— Меня видели? Кто? — изумился он, решив поначалу, что Кэти ревнует.

Кэти отвернулась и почесала затылок, как всегда делала, когда нервничала или смущалась.

— Кэти, в чем дело?

— Она знает, — тихо ответила Кэти, глядя в сторону.

Земля разверзлась у него под ногами, и он почувствовал, что летит в бездонную пропасть. Он схватил ее за руку и повернул к себе.

— Мне кажется, что Нел Эбботт знает, — повторила она.

И потом рассказала все — и о чем лгала, и что скрывала. Лина была в курсе уже несколько месяцев, брат Кэти тоже.

— Господи! Господи, Кэти, почему ты не сказала мне? Как ты могла… Господи!

Никогда раньше он на нее не кричал и теперь

видел, как она напугана и расстроена, но остановиться уже не мог.

— Ты понимаешь, что теперь со мной сделают? Ты понимаешь, черт тебя побери, как поступают в тюрьме с извращенцами?

— Но ты не извращенец! — закричала она.

Он схватил ее за плечи (воспоминание об этом даже сейчас окатило его жаркой волной стыда).

— Он самый! И сделала меня им ты!

Он велел ей уходить, но она отказывалась. Просила и умоляла. Клялась, что Лина ни за что не проболтается. И никогда никому ничего не скажет. «Лина любит меня. И ни за что не сделает мне больно». Она убедила Джоша, что все давно кончено, да ничего такого и не было, что переживать не из-за чего, а если он не станет молчать, то разобьет родителям сердце. Но Нел?

— Я даже не уверена, что она знает, — сказала Кэти. — По словам Лины, она могла слышать какие-то обрывки…

Она не закончила фразы, и по ее взгляду он понял, что она лжет. Он не мог ей верить, ни единому ее слову. Эта чудесная девушка, очаровавшая и околдовавшая его, не заслуживала доверия.

Он сказал, что между ними все кончено, видел,

как вытянулось лицо Кэти, а когда она попыталась обнять его, сначала просто отстранился, а потом даже оттолкнул ее.

— Нет, послушай! Мы не можем больше видеться, как прежде. Вообще не можем, поняла? Все кончено. Ничего не было. Между нами ничего никогда не было и ничего нет.

— Марк, пожалуйста, не говори так.

Ее душили рыдания, и сердце у него разрывалось.

— Пожалуйста, не говори так. Я люблю тебя…

Он чувствовал, что слабеет, позволил себя обнять и поцеловать, его решимость таяла на глазах. Она прижалась к нему, и он вдруг отчетливо представил себе, как к его избитому и пережившему надругательство телу прижимается другое — мужское, да не одно, — и резко оттолкнул ее.

— Нет! Нет! Ты представляешь, что натворила? Ты разрушила мою жизнь, понимаешь? Когда это выйдет наружу, — когда эта стерва обратится в полицию, — моей жизни придет конец. Ты знаешь, что делают с такими, как я, в тюрьме? Ведь знаешь? Думаешь, я это переживу? Нет, не переживу. Моя жизнь закончится.

Видя на ее лице испуг и боль, он добавил:

— И все благодаря тебе.

Когда ее тело вытащили из воды, Марк терзался угрызениями совести. Он едва мог встать с кровати, а надо было продолжать жить, ходить в школу, видеть пустое место там, где она сидела, чувствовать скорбь ее друзей и родителей и не показывать своей боли. Он, который так ее любил, не мог позволить себе горевать по ней так, как она заслуживала. Не мог, потому что, хоть и не прощал себе сказанных сгоряча слов, знал, что особой его вины в случившемся не было. В чем заключалась его вина? Разве от человека зависит, кого он полюбит?

Марк услышал стук и, вздрогнув от неожиданности, невольно крутанул руль и выскочил на середину дороги. Потом вернулся на свою полосу и поехал, прижимаясь к обочине. Решив, что наехал на что-то, он посмотрел в зеркало заднего вида, но сзади был только ровный асфальт. Марк глубоко вздохнул и с силой вцепился в руль, морщась от боли в потревоженной ране на ладони. Потом включил радио на полную громкость.

Он понятия не имел, как поступить с Линой. Сначала он собирался добраться до Эдинбурга, оставить машину на парковке и на пароме уехать на континент. Лину найдут быстро. Во

всяком случае, рано или поздно. Он чувствовал себя ужасно, но утешал себя тем, что его вины в этом не было. Это она на него накинулась, а не наоборот. А когда он попытался защититься, она набрасывалась снова и снова, крича и отчаянно царапаясь. Он упал, растянувшись на кухонном полу, и дорожная сумка отлетела в сторону. И из нее, словно по прихоти какого-то божества с извращенным чувством юмора, вылетел браслет. Тот самый, что он постоянно носил с собой, с тех пор как забрал его из кабинета Хелен Таунсенд. Он еще не решил, как распорядиться своей находкой, но сейчас браслет проскользил по полу и замер между ними.

Лина уставилась на него как на потустороннее явление. У нее было такое лицо, словно браслет излучал зеленоватое колдовское свечение. Затем ее замешательство сменилось яростью, и она снова на него набросилась, только теперь вооружилась кухонными ножницами и тыкала ими, целясь ему в лицо и шею. Он поднял руки, защищаясь, и она полоснула его по ладони, оставив на ней глубокую рваную рану. Теперь эта рана сердито пульсировала, отзываясь болью на каждый удар его сердца.

Снова раздались удары — один, другой, третий.

Марк бросил взгляд в зеркало заднего вида — на дороге никого — и резко нажал на педаль тормоза. Послышался глухой удар тела о металл, и снова стало тихо.

Он опять съехал на обочину и остановился, только на этот раз его не вырвало. Он заплакал. Плакал от жалости к себе, оплакивал свою загубленную жизнь. Он плакал, дергая плечами, не в силах справиться с болью, и в отчаянии колотил по рулю, пока правая рука не заболела так же сильно, как левая.

Когда они переспали в первый раз, Кэти было пятнадцать лет и два месяца. Еще десять месяцев, и она бы стала дееспособной. Они стали бы неприкосновенными — во всяком случае, с точки зрения закона. Ему пришлось бы поменять работу, и нашлись бы желающие бросить в него камень или оскорбить, но с этим он бы справился. Они бы справились. Проклятых десять месяцев! Им следовало подождать. Он должен был на этом настоять. Но Кэти не хотела ждать. Категорически. Это она торопилась, хотела, чтобы он стал ее окончательно и бесповоротно. Но теперь ее нет, а ему придется за все расплачиваться.

Подобно кислоте, разъедающей плоть, несправедливость терзала его изнутри, а тиски все

продолжали сжиматься, и ему оставалось только надеяться, что Господь в конце концов сжалится и позволит его голове расколоться на части, и тогда он наконец сможет обрести покой. Как Кэти.

Лина

Очнувшись, я испугалась — я не понимала, где нахожусь. Я ничего не видела. Меня окружала кромешная тьма. Но потом по шуму двигателя и запаху бензина я поняла, что еду в машине. Голова очень болела, и губы тоже. Было жарко и душно. В спину упиралось что-то твердое, похожее на металлический штырь. Я пошарила за спиной, но предмет оказался закреплен намертво.

Жаль, потому что оружие было мне необходимо. Я боялась, но знала, что нельзя поддаваться страху. Я должна сохранить ясность мысли. Потому что рано или поздно машина остановится, и тогда либо он, либо я. И ему не уйти от расплаты за то, что он сделал с Кэти, с мамой и со мной. Черта с два! Я должна была в это поверить и продолжала твердить себе снова и снова: я должна его убить, а сама выжить.

Все эти месяцы после смерти Кэти я постоянно думала о том, как заставить Марка Хендерсона заплатить за содеянное, но мысль об убийстве

никогда не приходила мне в голову. Я рассматривала разные варианты: нанести на стены его дома оскорбительные надписи, разбить окна (это я сделала), позвонить его подружке и рассказать все, что знала от Кэти: сколько раз, когда, где. Как он называл ее «своей любимицей». Я хотела подговорить ребят из старшего класса набить ему морду. Думала о том, чтобы отрезать ему член и заставить его съесть. Но об убийстве не думала никогда. До сегодняшнего дня.

Как же я могла так облажаться? Какой же надо быть дурой, чтобы позволить ему взять верх! Нельзя было идти к нему домой без четкого плана действий.

Я ничего не продумала заранее и пошла туда, повинуясь порыву. Я знала, что он возвращается с отдыха, — это при мне обсуждали Шон и Эрин. А потом, после всего, что наговорила Луиза, после разговора с Джулией о том, что это не было нашей с мамой виной, я вдруг подумала, что больше тянуть нельзя. Я хотела встать перед ним и заставить его тоже почувствовать себя виноватым. Хотела, чтобы он признал, как низко и подло поступил. Вот я и пошла, а попасть в дом не составило труда, потому что стекло задней двери я разбила раньше.

Внутри стоял затхлый запах гниения, как будто он уехал, не выбросив мусор. Я постояла на кухне и осмотрелась, посвечивая по сторонам фонариком мобильника, но потом решила включить свет — с улицы его все равно не видно, а если заметят соседи, то просто решат, что он вернулся.

А отвратительно пахло не случайно. В мойке лежала грязная посуда — на столе упаковки из-под еды на вынос с прилипшими кусочками пищи, все кругом покрывал слой жира. Мусорное ведро было забито пустыми бутылками из-под красного вина. Для меня это явилось полной неожиданностью. В школе он всегда выглядел очень опрятным, ногти чистые и аккуратно подстрижены, и я думала, что и в доме у него такой же порядок.

Я прошла в гостиную и посветила там фонариком мобильного — свет включать не стала, потому что он был заметен с улицы. Гостиная оказалась самой обыкновенной: дешевая мебель, много книг и компакт-дисков, никаких картин на стенах. Просто, грязно и уныло.

Наверху было еще хуже. Спальня выглядело жутко: постель не убрана, дверцы шкафов открыты, и тоже ужасный запах, но не такой, как внизу, а такой, какой издают больные животные.

Я открыла окно, задернула шторы и включила лампу на прикроватной тумбочке. Казалось, будто в этой комнате живет кто-то очень старый: кошмарные желтые стены, коричневые шторы, пол завален бумагами и одеждой. Я открыла верхний ящик, в нем лежали беруши и кусачки для ногтей. В нижнем ящике — презервативы, смазка и меховые наручники.

Меня затошнило. Я села на кровать и заметила, что простыня съехала с матраса и на нем виднелось коричневое пятно. Меня чуть не вырвало. От самой мысли, что здесь была Кэти, была с ним, в этой жуткой комнате этого отвратительного дома, мне стало больно, больно физически. Я собралась уходить. Было глупо приходить сюда, не имея плана. Я выключила свет, спустилась вниз и подошла к двери, как вдруг услышала приближавшиеся шаги. Дверь распахнулась, и в проеме показался он. Он выглядел ужасно: лицо и глаза красные, рот открыт. Я набросилась на него. Хотела выцарапать ему глаза, заставить кричать от боли.

Я не знаю, что случилось потом. Кажется, он упал. Я стояла на четвереньках, и ко мне что-то отлетело по полу. Что-то металлическое, похожее на ключ. Я протянула руку — на предмете не было

никаких зазубрин, поверхность гладкая. И круглая. Серебряный браслет с застежкой из черного оникса. Я повернула его в руке и услышала громкое тиканье часов на кухне и дыхание Марка.

— Лина, — произнес он.

Я подняла глаза и увидела на его лице страх. Я поднялась.

— Лина, — снова сказал он и сделал шаг мне навстречу.

Я невольно улыбнулась, потому что краем глаза заметила еще один блестящий предмет, на этот раз острый, и теперь точно знала, что сделаю. Мне надо перевести дыхание, прийти в себя, дождаться, пока он снова произнесет мое имя, а потом схватить ножницы с кухонного стола и воткнуть ему в шею.

— Лина. — Он протянул ко мне руку, и потом все произошло очень быстро.

Я схватила ножницы и бросилась на него, но он был выше меня, стоял с поднятыми руками, и я, наверное, промахнулась. Потому что он по-прежнему жив, сидит за рулем автомобиля, а я заперта здесь, и на голове у меня огромная шишка.

Я начала кричать, но это было глупо, потому что кто меня тут услышит? Машина ехала быстро, но я все равно кричала.

— Выпусти меня, выпусти, чертов ублюдок!

Я колотила кулаками по крышке багажника, кричала изо всех сил, а потом вдруг неожиданно — бах! Машина встала, а я больно ударилась о край багажника и разревелась.

Но дело было не только в боли. Я вдруг подумала об окнах, которые мы с Джошем разбили, и как сильно это расстроило бы Кэти. Она бы страшно разозлилась на брата, который после нескольких месяцев молчания все-таки проболтался, на меня за мое отношение к мистеру Хендерсону, но больше всего разозлилась бы из-за окон, потому что боялась именно этого. Разбитых стекол, выведенного краской на стене слова «педофил», перемазанного дерьмом почтового ящика, журналистов возле дома, плевков прохожих, готовых пустить в ход кулаки.

Я плакала от боли, от жалости к Кэти и от мысли, что все это разбило бы ей сердце.

— Но знаешь что, Кэти? — шепотом спросила я у нее, понимая, что веду себя как сумасшедшая и похожа на Джулию, все время бормотавшую что-то себе под нос в темноте. — Мне жаль. Мне очень жаль, потому что на самом деле он заслуживает не этого. Я могу это сказать теперь, потому что тебя больше нет, а я заперта в багажнике его

машины. У меня лицо разбито в кровь и раскалывается голова, и я скажу прямо: Марк Хендерсон заслуживает не преследований или побоев. Он заслуживает куда худшего. Я знаю, что ты любила его, но он разрушил не только твою жизнь, но и мою тоже. Он убил мою маму.

Эрин

Мы с Шоном сидели в кабинете, когда поступил звонок. Бледная молодая женщина просунула голову в дверь, на ее лице был испуг.

— Еще одна, сэр. Кто-то увидел ее с холма. Женщина в воде.

Глядя на лицо Шона, я решила, что его вот-вот вырвет.

— Не может быть, — сказала я. — У реки полно полицейских. Откуда там взяться еще одной?

Когда мы приехали, на мосту уже собралась толпа, которую с трудом сдерживали полицейские. Шон бегом помчался по тропинке под деревьями, я за ним. Мне хотелось замедлить шаг и даже остановиться, лишь бы не видеть, как из воды вытаскивают эту девушку.

Но это оказалась не она, а Джулс. Когда мы добрались до места, ее уже вытащили на берег. В тишине слышался какой-то странный звук,

похожий на крик сороки. Я не сразу сообразила, что его издавала Джулс — это у нее стучали зубы. Она вся дрожала, а мокрая одежда на худеньком теле лежала складками, как полотно сложенного шезлонга. Я окликнула ее по имени, и она уставилась на меня непонимающим взглядом налитых кровью глаз, как будто никак не могла прийти в себя и не узнавала меня. Шон снял пиджак и накинул ей на плечи.

Она что-то пробормотала, словно находилась в трансе. Нам она не сказала ни слова и, казалось, едва замечала наше присутствие. Просто сидела, смотрела на черную воду и шевелила губами, совсем как тогда в морге, когда увидела сестру на столе. Она не произносила ни слова, но, казалось, кому-то возражала, спорила с невидимым оппонентом.

Облегчение, которые мы испытали, длилось всего несколько минут, потому что случилась новая неприятность. Полицейские, отправившиеся побеседовать с Марком, вернувшимся из отпуска, никого в доме не застали. Зато там нашли кровь: на кухне следы борьбы, пол и дверные ручки перемазаны кровью, а машины Хендерсона нигде не было.

— О господи! — прошептал Шон. — Лина!

— Нет! — воскликнула я, пытаясь убедить и себя, и Шона.

Я вспомнила о разговоре с Хендерсоном за день до его отъезда в отпуск. В нем было что-то не то, какая-то слабость. И боль. Нет ничего опаснее мужчины в таком состоянии.

— Нет. Возле дома дежурили полицейские, его ждали, он не мог…

Но Шон покачал головой:

— Нет, не ждали. Их там не было. На шоссе А68 произошла авария, и туда направили всех сотрудников. Сняли все посты и послали туда. Возле дома Хендерсона никто не дежурил.

— Черт! Черт!

— Именно! Наверное, он вернулся, увидел, что разбиты все окна, и все понял. Что Лина Эбботт нам рассказала.

— И что? Пошел за ней и силой притащил к себе в дом?

— Откуда мне знать?! — огрызнулся Шон. — Это наша вина. Нам надо было следить за домом, следить за ней… Это мы виноваты, что она пропала.

Джулс

Полицейский — раньше я его не встречала — хотел войти со мной в дом. Он был молод, лет двадцати пяти, но благодаря пухлому, розовоще-

кому и лишенному растительности лицу казался еще моложе. Несмотря на его безобидную внешность, я настояла, чтобы он ушел — я не хотела оставаться в доме с мужчиной одна, как бы он ни выглядел.

Я поднялась наверх и пустила в ванну воду. Вода, кругом вода. Мне не хотелось вновь в нее погружаться, но другого способа избавиться от озноба, пробиравшего до самых костей, я не знала. Я присела на край ванны с телефоном в руке и закусила губу, чтобы перестать стучать зубами. Я снова и снова продолжала набирать номер Лины, но в ответ слышала только ее жизнерадостный голос, предлагавший оставить сообщение. Со мной она никогда так не разговаривала.

Когда ванна наполовину наполнилась, я сжала зубы, борясь с паникой, и медленно опустилась в воду. Сердце бешено колотилось. Все хорошо. Все хорошо. Все хорошо. Ты так говорила. Той ночью, когда мы были здесь вдвоем, ты поливала меня сверху горячей водой и успокаивала. «Все хорошо, — твердила ты. — Все хорошо, Джулия. Все в порядке». Конечно, это было не так, но ты этого не знала. Ты просто считала, что у меня был ужасный день, что надо мной смеялись, что меня унизили и что меня отверг парень, который мне

нравился. И что я в конце концов, как в дешевой мелодраме, отправилась к Смертельной заводи и решила в ней утопиться.

Ты злилась, потому что думала, будто я так поступила, чтобы сделать тебе больно и навлечь на тебя неприятности. Чтобы мама меня больше любила, даже сильнее, чем прежде. Чтобы она от тебя отвернулась. Потому что тогда это была бы твоя вина, разве не так? Ты насмехалась надо мной, а должна была присматривать, и все случилось, когда за меня отвечала ты.

Я повернула кран пальцем ноги и погрузилась в воду — сначала по плечи, потом по шею и, наконец, с головой. Я слушала искаженные и приглушенные водой звуки дома, сразу ставшие чужими. Неожиданный стук заставил меня вздрогнуть и сесть — ставшую теплой кожу окатил холодный воздух. Я прислушалась. Ничего. Померещилось.

Но когда я снова легла в воду, то услышала скрип ступенек и медленные размеренные шаги по коридору. Я снова выпрямилась и ухватилась за кран. Еще скрип. Ручка двери повернулась.

— Лина? — крикнула я срывающимся и по-детски тонким голосом. — Лина, это ты?

В ушах звенела тишина, и мне показалось, что

в ней слышатся какие-то голоса. Твой голос. Один из твоих звонков, самый первый. Самый первый после нашей ссоры на поминках, когда ты задала тот ужасный вопрос. Прошла, наверное, неделя, может, две, и ты позвонила поздно вечером и оставила сообщение. Ты плакала, говорила едва слышно, и я с трудом разбирала твои слова. Ты сказала, что едешь в Бекфорд, чтобы увидеться со старым другом. Тебе надо с кем-то поговорить, а на меня рассчитывать нельзя. Тогда я об этом не задумалась, меня это не волновало.

Я поняла только теперь, и, несмотря на горячую воду, меня пробрала дрожь. Все это время я винила тебя, а на самом деле должно было быть наоборот. Ты поехала увидеть старого друга. Ты искала утешения, потому что я тебя отвергла и отказывалась с тобой разговаривать. Я подвела тебя и продолжала подводить. Я села и крепко обхватила руками колени, чувствуя, как на меня накатывают волны скорби. Я обидела тебя, сделала тебе больно, и мне очень горько из-за того, что причины ты так и не узнала. Всю свою жизнь ты пыталась понять, за что я тебя так сильно ненавижу, а от меня всего-то и требовалось объяснить тебе. А сейчас уже поздно.

Снова послышался звук, теперь он стал гром-

че — скрип или царапанье, — и на этот раз мне точно не померещилось. В доме кто-то был. Я вылезла из ванны и оделась как можно тише. «Это Лина», — говорила я себе. Я осторожно осмотрела все комнаты наверху — в них никого не было, и, будто в насмешку, из каждого зеркала на меня смотрело мое искаженное страхом лицо. «Это не Лина. Это не Лина».

Кроме нее, больше некому, но где она может быть? Девочка на кухне, наверняка голодная, — я сейчас спущусь и увижу, как она стоит, сунув голову в холодильник. Я на цыпочках спустилась по ступенькам и прошла по коридору мимо двери в гостиную. И там боковым зрением я заметила тень. Фигуру. У окна кто-то сидел.

Эрин

Случиться может всякое. Услышав стук копыт, мы рассчитываем увидеть лошадей, но нельзя исключать и зебр. Кто знает? Вот почему, когда Шон вместе с Келли поехали осмотреть дом Хендерсона, меня отправили поговорить с Луизой Уиттакер о ее стычке с Линой накануне исчезновения девушки.

Дверь, как всегда, открыл Джош. И, как всегда, увидев меня, сразу встревожился.

— Что случилось? — спросил он. — Вы нашли

Лину?

Я покачала головой:

— Еще нет. Но не волнуйся…

Он отвернулся, сгорбившись. Я прошла за ним в дом. На последней ступеньке он обернулся:

— Она сбежала из-за мамы?

— С чего ты взял, Джош?

— Мама ее расстроила, — объяснил он, поморщившись. — Теперь, когда Нел больше нет, она во всем винит Лину. Но это глупо. Я виноват не меньше нее, а она обвиняет во всем только ее. А теперь Лины тоже нет. — Его голос стал выше. — Она пропала!

— С кем ты там разговариваешь, Джош? — послышался сверху голос Луизы.

Джош промолчал, поэтому ответить пришлось мне:

— Это я, миссис Уиттакер. Сержант уголовной полиции Морган. Можно войти?

На Луизе был старый серый спортивный костюм. Волосы зачесаны назад, лицо бледное.

— Он злится на меня, — сказала она вместо приветствия. — Винит меня в том, что она сбежала. Считает, что это из-за меня.

Я прошла за ней по лестнице.

— Он винит меня, я виню Нел, я виню Лину, и

снова все по кругу.

Я остановилась в дверях спальни. В комнате было почти пусто — белье с кровати снято, шкафы опустели. На бледно-сиреневых стенах — следы клея. Луиза устало улыбнулась.

— Вы можете войти. Я почти закончила.

Она опустилась на колени и продолжила укладывать в коробки книги, от чего ее отвлек мой приход. Я присела рядом, чтобы помочь, но не успела взять первую книгу, как Луиза решительно остановила меня:

— Не надо, спасибо, я хочу все сделать сама.

Я поднялась.

— Не обижайтесь, я просто не хочу, чтобы к ее вещам прикасались чужие руки. Глупо, правда? — спросила она, поднимая на меня глаза. — Мне хочется, чтобы их больше никто не трогал. Чтобы осталось что-то от нее на обложках книг, на постельном белье, на расческе… — Она запнулась и сделала глубокий вдох. — Похоже, я никак не могу справиться. Продолжить жить дальше…

— В этом нет ничего удивительного, — мягко сказала я. — Прошло…

— Слишком мало времени? Это означает, что настанет день, когда я уже не буду чувствовать

так остро? Но люди не понимают, что я не хочу чувствовать иначе. Да и как я могу? Моя тоска понятна и уместна. Она… в меру, не сводит меня с ума. Мой гнев справедлив, и в нем я нахожу поддержку. Только… — она вздохнула, — только мой сын считает, что Лина пропала по моей вине. Иногда мне даже кажется, что он подозревает, будто это я столкнула Нел Эбботт с обрыва. — Она поморщилась. — В любом случае, он винит меня в том, что Лина оказалась в таком положении. Лишилась матери. Осталась одна.

Я стояла посреди комнаты, сложив руки, чтобы ни до чего не дотронуться. Будто находилась на месте преступления и боялась затоптать следы.

— Матери у нее нет, а как насчет отца? Неужели вы действительно считаете, что Лина не знает, кто ее отец? Вы не в курсе, они с Кэти никогда об этом не говорили?

Луиза покачала головой:

— Я уверена, что не знает. Так всегда говорила Нел. Мне это казалось странным. Не просто странным, а даже безответственным. Я имею в виду, вдруг есть какая-то наследственная болезнь или еще что-нибудь? В любом случае, лишать ребенка выбора, общаться с отцом или нет, несправедливо. Однажды под моим нажимом — тогда мы

с ней еще дружили, — она призналась, что это была случайная связь с человеком, с которым она познакомилась, когда приехала в Нью-Йорк в первый раз. Утверждала, что даже не помнит его фамилии. Потом я поняла, что это ложь, потому что видела ее на фотографии, сделанной во время ее переезда в первую квартиру в Бруклине: на ней была футболка, обтягивавшая уже большой живот.

Луиза перестала складывать книги.

— В этом смысле Джош прав. Она одна. Кроме тетки у нее больше нет родственников. Во всяком случае, я о них не слышала. Что касается бойфрендов Нел… — она грустно улыбнулась, — она как-то призналась, что спала только с женатыми мужчинами, потому что те держали язык за зубами, ни на чем не настаивали и не лезли в ее жизнь. Свои любовные связи она держала в секрете. Не сомневаюсь, что в ее жизни были мужчины, но она о них ничего не рассказывала.

Луиза вздохнула.

— Единственным мужчиной, к которому Лина относилась более-менее нормально, был Шон. — Она слегка покраснела, назвав его имя, и отвернулась, словно сболтнула лишнее.

— Шон Таунсенд? Правда?

Луиза промолчала.

— Луиза?

Та поднялась и подошла к полке взять новую стопку книг.

— Луиза, что вы имеете в виду? Что между Шоном и Линой было… нечто предосудительное?

— Господи, нет! — рассмеялась она. — Лина тут ни при чем.

— Ни при чем? Тогда… Нел? Вы хотите сказать, что между ним и Нел что-то было?

Луиза поджала губы и отвернулась, чтобы я не могла видеть выражения ее лица.

— Просто дело в том, что это очень странно. Расследовать подозрительную смерть женщины, с которой у него имелась связь, было бы…

Чем? Непрофессиональным, неэтичным поступком, основанием для увольнения? Такого не может быть. Он бы ни за что так не поступил, зная, что мне об этом станет известно. Я бы наверняка что-то заметила. А потом я вспомнила, как увидела его в первый раз. Он стоял на берегу реки, опустив голову, будто молился, и у его ног лежало тело Нел Эбботт. Его водянистые глаза, дрожащие руки, рассеянность, печаль. Но разве это не было связано с его матерью?

Луиза продолжала молча укладывать книги

в коробки.

— Послушайте, — сказала я громко, чтобы привлечь ее внимание. — Если вы знаете, что между Шоном и Нел была связь, то…

— Я этого не говорила, — прервала меня Луиза, глядя мне прямо в глаза. — Я не говорила ничего такого. Шон Таунсенд — хороший человек. — Она поднялась. — У меня много дел, детектив. Мне кажется, вам лучше уйти.

Шон

Эксперты-криминалисты, осматривавшие дом, сообщили, что задняя дверь была распахнута. Не отперта, а именно распахнута. Внутри я сразу уловил запах металла. Келли Бьюкен уже была там и разговаривала с соседями. Она о чем-то меня спросила, но я прислушивался к непонятному, странному звуку, будто где-то скулило животное.

— Тсс! — сказал я. — Послушай!

— Весь дом обыскали, сэр, — отозвалась она. — Тут никого нет.

— У него была собака? — спросил я.

Она непонимающе на меня посмотрела.

— В доме есть собака или какое-то другое животное? Или их следы?

— Нет, сэр, ничего такого. А почему вы спрашиваете?

Я снова прислушался, но звук исчез, оставив меня с ощущением дежавю. Все это я видел, слышал и делал раньше: слышал, как скулит собака, выходил через залитую кровью кухню на улицу, где шел дождь. Только сейчас ни дождя, ни собаки не было.

Келли не сводила с меня глаз.

— Сэр, посмотрите сюда. — Она показала на ножницы на заляпанном кровью полу. — Это же не просто царапина? Я хочу сказать, что вряд ли задета артерия, но рана серьезная.

— Больницы?

— Пока ничего, никаких следов — ни его, ни ее.

Зазвонил ее телефон, и она вышла на улицу ответить. Я остался на кухне, наблюдая, как два эксперта-криминалиста тихо делают свое дело. Один из них аккуратно поддел пинцетом длинный светлый волос, зацепившийся за край стола. Меня вдруг затошнило, и рот наполнился слюной. Даже непонятно почему — мне приходилось видеть места преступления намного страшнее, чем здесь, и не терять самообладания. Разве не так? Разве я не бывал на кухнях, где крови пролилось намного больше?

Я потер ладонью запястье и заметил, что Кел-

ли опять обращается ко мне, просунув голову в дверь:

— Можно вас на минутку, сэр?

Я вышел на улицу, и, пока снимал с ботинок бахилы, она сообщила последние новости:

— Дорожная полиция нашла машину Хендерсона. В смысле, его красный «Воксхолл» дважды засветился на камерах. — Она сверилась с записями. — Проблема в том, что тут много непонятного. В первый раз камера зафиксировала, как в четвертом часу ночи он ехал на север по шоссе A68 в сторону Эдинбурга, а пару часов спустя, в пять пятнадцать, направлялся уже на юг по A1 рядом с Аймутом. Может, он… что-то выбросил по дороге? — Она имела в виду, избавился от чего-то. Или кого-то. — Или он пытается нас запутать?

— Или нашел более безопасное место, — предположил я. — А может, просто запаниковал.

— Мечется, как обезглавленная курица, — кивнула Келли.

Мне не понравилось это сравнение. Я не хотел, чтобы он или кто-нибудь другой потерял голову.

— Он был в машине один?

Она поджала губы.

— Да. Конечно… — она осеклась, — конечно, это не значит, что в ней никого больше не было.

Это значит, что другой человек просто не сидел на сиденье.

И снова это странное чувство дежавю, обрывок памяти, казавшийся чужим. Но как он может быть чужим? Наверное, это часть какого-то рассказа, некогда поведанного мне человеком, которого я не помню. Женщина лежала на заднем сиденье, больная, ее тело сотрясали судороги, изо рта текла слюна. Остального я не помнил, но почему-то при мысли об этом внутри у меня все переворачивалось. Я заставил себя думать о другом.

— Ньюкасл напрашивается как очевидный вариант, — сказала Келли. — В смысле, если он пустился в бега. Самолеты, поезда, паромы. Странно, что после той камеры в пять утра машина нигде не засветилась. Значит, он либо остановился, либо съехал с магистрали. Он мог направиться по небольшим дорогам, даже вдоль побережья…

— А у него есть подруга? — прервал я ее рассуждения. — Женщина в Эдинбурге?

— Та самая невеста, — кивнула Келли, подняв брови. — Тут я вас опередила. Трейси Макбрайд — так ее зовут. Сегодня утром с ней связались и доставят в Бекфорд для беседы. Хочу сразу предупредить, что, по ее словам, они уже давно не

встречаются. Где-то около года.

— Что? А разве они не вместе ездили на отдых?

— Так сказал Хендерсон сержанту Морган, но, по словам Трейси, она с ним не разговаривала с осени, когда он позвонил и сообщил, что между ними все кончено. Он неожиданно ее бросил, заявив, будто полюбил без памяти другую женщину.

Трейси не знала, ни кем была эта женщина, ни чем она занималась.

— И не хотела знать! — решительно произнесла она.

Ее привезли час спустя, и сейчас она пила чай у меня в кабинете.

— Я… вообще-то я была в шоке. Только представьте, сегодня я покупаю все к свадьбе, а завтра он сообщает, что свадьбы не будет, «потому что он встретил любовь своей жизни». — Она грустно улыбнулась и провела рукой по коротко стриженным волосам. — После этого я выбросила его из своей жизни. Удалила номер его телефона, из друзей в соцсетях, в общем, по полной программе. А вы не могли бы сказать, что с ним случилось? Все отказываются объяснить, какого черта тут происходит.

Я покачал головой:

— Мне жаль, но сейчас я мало что могу сообщить. Мы не думаем, что с ним что-то случилось. Нам нужно просто его найти и задать несколько вопросов. Мы не знаем, где он может находиться, а вы? Если бы он хотел скрыться? Где живут его родители, есть ли у него друзья в округе?..

Она нахмурилась.

— Это ведь не связано с погибшей женщиной? Я читала в газетах, что неделю или две назад тут погибла еще одна женщина. Она же не была… той женщиной, с которой он встречался?

— Нет-нет. Дело совсем в другом.

— Слава богу! — Ей явно стало легче. — Я хочу сказать, что она была бы для него старовата, правда?

— Почему вы так считаете? Ему нравились молоденькие?

Трейси смутилась.

— Нет… в каком смысле «молоденькие»? Той женщине, кажется, было за сорок, а Марку не было и тридцати, так что…

— Я понял.

— Вы действительно не можете сказать, в чем дело?

— А Марк когда-нибудь обращался с вами грубо, выходил из себя, проявлял жестокость?

— Что?! Господи, нет! Никогда! — Она откинулась на спинку кресла и нахмурилась. — Его в чем-то обвиняют? Но он не такой. Да, он эгоистичен, — что есть, то есть, — но человек он точно не плохой, по крайней мере, в этом смысле.

Я проводил Трейси до машины, где ждали полицейские, чтобы отвезти ее домой, по пути размышляя, в каком смысле Марк мог быть плохим. Мог ли он считать, что любовь его во всем оправдывает?

— Вы спрашивали, куда он мог поехать, — проговорила Трейси, когда мы подошли к машине. — Не зная причины, мне трудно сказать, но одно такое место приходит на ум. У нас — у моего отца — есть домик на берегу. Мы с Марком часто ездили туда на выходные. Он стоит на отшибе, вокруг ничего нет. Марк часто повторял, что это идеальное убежище.

— И в нем никто не живет?

— Мы редко там бываем. Раньше всегда оставляли ключ под горшком, но в начале года выяснилось, что кто-то им пользовался без спроса. Оставлял грязные чашки, мусор в ведре, все такое. И мы перестали класть ключ на прежнее место.

— И когда это случилось в последний раз? В смысле, когда кто-то пользовался домом без раз-

решения?

Она нахмурилась.

— О господи! Давно. Наверное, в апреле? Да, точно, в апреле. На пасхальные каникулы.

— И где конкретно расположен этот дом?

— В Хоуике, — ответила она. — Это маленькая деревушка, ничего особенного. На побережье возле Крастера.

Лина

Выпустив меня из багажника, он извинился:

— Мне очень жаль, Лина, но какой выбор ты мне оставила?

Я начала смеяться, а он велел мне заткнуться и сжал кулаки. Я подумала, что он может снова меня ударить, и перестала.

Мы находились на побережье возле дома, одиноко стоявшего на вершине высокого обрыва. Рядом — стена, маленький сад и стол, какие обычно выставляют на улице возле пабов. Дом, похоже, был необитаем — вокруг ни души. С того места, где я стояла, не было видно никаких других строений, а проселочная дорога казалась давно заброшенной. Сюда не доносился шум машин, и тишину нарушали только крики чаек и рокот волн внизу.

— Кричать бесполезно, — заметил он, будто

прочитав мои мысли. Затем взял за локоть, подвел к столу и дал салфетку вытереть рот. — С тобой все будет в порядке.

— Неужели? — спросила я, и он отвернулся.

Мы долго сидели рядом за столом. Он по-прежнему держал меня за локоть, но постепенно его хватка слабела, а дыхание становилось ровным. Я не пыталась освободить руку. Вступать сейчас в борьбу не имело смысла. Пока. Я чувствовала страх, ноги сильно дрожали, и унять эту дрожь мне никак не удавалось. Но я чувствовала, что это хорошо, что ко мне возвращаются силы, что я вновь обретаю решимость, как тогда у него в доме. Да, пусть сейчас он одержал верх, но по той простой причине, что я не пыталась убить его сразу, не зная, с кем имею дело. Но это был лишь первый раунд. Если он считал, что сумел со мной разобраться, то сильно заблуждался. Знай, что я чувствую и через что прошла, он вряд ли держал бы меня за руку. Он бы во всю прыть мчался прочь, спасая свою жалкую жизнь.

Я сильно закусила губу и почувствовала во рту металлический привкус крови. Мне нравилось его ощущать, и я представляла, как плюну Марку в лицо. Когда пробьет час. У меня накопилось к нему много вопросов, но я не знала, с чего начать,

поэтому просто спросила:

— Зачем ты сохранил это? — Я изо всех сил старалась говорить ровным голосом, чтобы не выдать свой страх. Он не ответил, и мне пришлось повторить вопрос: — Зачем ты сохранил браслет? Почему не выбросил его? Или просто не оставил на руке? Зачем ты его взял?

Он отпустил мою руку и смотрел не на меня, а на море.

— Я не знаю, — ответил он устало. — Честно, понятия не имею, зачем я его взял. Наверное, как страховку. Хватался за соломинку. Чтобы иметь хоть что-то против других… — Он не договорил и закрыл глаза.

Я понятия не имела, о чем он, но чувствовала, что у меня появился шанс. Я чуть отодвинулась. Затем еще немного. Он открыл глаза, но не пошевелился и снова стал безучастно смотреть на воду. Он выглядел измученным. Разбитым. Будто потерял все. Я откинулась на спинку скамьи. Я могла бежать. Я умею быстро бегать, если надо. Я бросила взгляд на дорогу позади дома. Я вполне могла бы сбежать, если бы мне удалось пересечь дорогу, перемахнуть через стену и оказаться в поле. Там он не сможет погнаться за мной на машине.

Но я не стала пытаться. Даже если это было моим последним шансом. Я подумала, что если все закончится плохо, то лучше умереть, зная, что случилось с мамой, чем остаться жить и вечно мучиться догадками без всякой надежды узнать правду. Такого я просто не вынесу.

Я поднялась из-за стола. Он не пошевелился и лишь смотрел, как я обошла стол и села напротив, заставив его взглянуть на меня.

— Ты знаешь, что я думала? Я думала, что мама меня оставила. Когда ее нашли и сообщили мне, я решила, что это ее выбор. Что она выбрала смерть, потому что чувствовала свою вину за случившееся с Кэти, или что ей было стыдно за себя, или… ну, не знаю. Просто потому, что вода притягивала ее сильнее меня.

Он промолчал.

— Я верила в это! — закричала я так громко, что он вскочил. — Я верила, что она меня оставила! Ты знаешь, каково это чувствовать? А теперь выясняется, что она меня не оставляла. Ты забрал ее. Забрал у меня, как забрал Кэти.

Он улыбнулся. Я вспомнила, что мы считали его привлекательным, и меня затошнило.

— Я не забирал у тебя Кэти, — произнес он. — Кэти не была твоей, Лина. Она была моей.

Я хотела наброситься на него, расцарапать ему лицо и закричать, что она не была его. Не была! Не была! Но я со всей силы впилась ногтями в кожу, до крови закусила губу и решила дослушать, что он скажет в свое оправдание.

— Я никогда не считал себя человеком, который может увлечься юной девушкой. Никогда. Я считал таких людей посмешищем. Жалкими старыми неудачниками, с которыми женщины их возраста не хотят иметь дела.

Я засмеялась:

— Именно! В самую точку!

— Нет-нет. — Он покачал головой. — Это не так. Посмотри на меня. У меня никогда не было проблем с женщинами. Они сами на меня вешаются. Сейчас ты качаешь головой, но ты это видела. Господи, да ты сама ко мне приставала.

— Ничего подобного.

— Лина…

— Ты действительно думаешь, что я тебя хотела? Не обольщайся. Это была игра, это было… — Я замолчала.

Как объяснить это такому человеку, как он? Как объяснить, что это никак не связано с ним и связано исключительно с тобой? Это — во всяком случае, для меня — было нашим с Кэти общим

делом, только нашим. Люди, с которыми мы «играли», были для нас «болванчиками». Они нас нисколько не интересовали.

— Ты понимаешь, что значит быть такой, как я? — поинтересовалась я у него. — Я знаю, ты считаешь себя неотразимым или вроде того, но ты понятия не имеешь, каково это — быть девушкой, такой как я. Ты знаешь, как мне легко заставить мужчин плясать под свою дудку, смутить их? Стоит мне лишь посмотреть на них по-особенному, или встать поближе, или засунуть палец в рот и пососать, и они начинают краснеть и возбуждаться. Вот этим я с тобой и занималась, придурок. Просто дурачила.

Он хмыкнул, явно оставшись при своем мнении.

— Ладно, пусть так, Лина. Так чего ты добивалась? Когда угрожала выдать нас, когда кричала так, что услышала твоя мать, — чего ты добивалась?

— Я хотела… хотела…

Я не могла сказать ему, что хотела, чтобы все было как прежде. Хотела вернуть те времена, когда мы с Кэти были неразлучны, проводили вместе все дни напролет, вместе купались в реке, и никто на нас не смотрел, и наши тела были

только нашими. Я хотела вернуть времена, когда мы еще не играли и не знали, на что способны. Но хотела этого только я. А Кэти — нет. Ей нравилось, когда на нее пялились. Для нее это было не просто игрой, а чем-то бóльшим. В самом начале, когда я только узнала о них и мы из-за этого поругались, она сказала: «Ты не представляешь себе это ощущение, Лина: человек хочет тебя так сильно, что готов ради тебя поставить на карту все, абсолютно все. Работу, отношения, свободу. Ты не представляешь, что это за чувство».

Хендерсон смотрел на меня и ждал продолжения. Я пыталась найти слова, чтобы он понял: она ушла не только от него, но и от своей власти над ним. Мне хотелось стереть с его лица уверенность в том, что он ее знал, а я нет. Но таких слов я не нашла, и к тому же было глупо отрицать, что она действительно его любила.

В глазах у меня защипало, я опустила голову, чтобы он не видел моих слез, и вдруг заметила прямо у своих ног гвоздь. Он был длинным, не меньше десяти сантиметров. Я немного подвинула ногу, накрыла ею шляпку и слегка надавила, чтобы другая сторона гвоздя слегка приподнялась.

— Ты просто ревновала, Лина, — произнес

Хендерсон. — В этом все дело, правда? Ты всегда ревновала. Мне кажется, ты ревновала нас обоих. Ее из-за меня, а меня из-за нее. Ты была лишней. И заставила нас заплатить. Вместе со своей матерью…

Я не мешала ему говорить и пороть всю эту чушь, и мне даже было не важно, что он абсолютно неправ, потому что все мое внимание было приковано к гвоздю, который мне удалось приподнять ногой. Я опустила руку под стол. Марк замолчал.

— Тебе нельзя было быть с ней, — сказала я, глядя ему за спину, чтобы отвлечь его внимание. — И ты это знаешь. Должен был знать.

— Она любила меня, и я ее любил. Всем сердцем.

— Но ты взрослый! — возразила я, продолжая смотреть ему за спину, и это сработало.

Он оглянулся, и я, растопырив пальцы, успела нащупать и схватить гвоздь. Сжав его в руке, я выпрямилась и приготовилась.

— Ты действительно думаешь, что твои чувства имеют значение? Ты был ее учителем. Вдвое старше! И ты должен был учить ее правильным поступкам!

— Она любила меня, — снова жалобно повто-

рил он.

— Она была слишком юной для тебя, — настаивала я, сжимая в руке гвоздь. — И слишком хорошей.

Я бросилась на него, но недостаточно быстро. Вытаскивая руку из-под стола, я на секунду замешкалась, и Марк успел перехватить ее и с силой дернуть на себя. Я упала на стол.

— Что ты делаешь?!

Он вскочил и, не выпуская моей руки, вывернул ее за спину. Я взвизгнула от боли.

— Что ты делаешь?! — снова закричал он, продолжая выкручивать мне руку, и разжал мой кулак. Он отнял у меня гвоздь, схватил за волосы, прижал к столу и навалился всем телом. Я почувствовала, как в горло мне упирается холодное острие, а сверху — тяжесть его тела. Наверное, Кэти ощущала эту тяжесть, когда они были вместе. Меня вырвало, и я, сплюнув, крикнула:

— Ты был ее недостоин! Ты был ее недостоин!

Я продолжала выкрикивать это снова и снова, пока он не ударил меня.

Джулс

Тиканье часов. Тик-так. Тик-так. А потом:

— А! Вот вы где. Я позволила себе войти. Надеюсь, вы не против.

У окна, потирая распухшие икры, сидела старая женщина. Та, что подводит глаза черным и красит седые пряди в багряный цвет. Это она выдает себя за медиума и, шаркая ногами, вечно разгуливает по городу, ругает прохожих и плюет им вслед. Это ее я видела днем раньше выяснявшей отношения с Луизой возле нашего дома.

— Нет, против! — громко сказала я, стараясь не показывать, что испугалась и — как это ни глупо — боюсь ее. — Я очень даже против! Что вы тут делаете?

Тик-так. Тик-так. У нее в руках была зажигалка — та самая серебряная зажигалка с выгравированными на ней инициалами Либби.

— Это… Где вы это взяли? Это зажигалка Нел!

Старуха отрицательно покачала головой.

— Но это она! Откуда она у вас? Вы что, были в доме и брали вещи? Вы…

Она махнула пухлой рукой с яркими дешевыми украшениями на ней.

— Пожалуйста, успокойтесь. — Она улыбнулась, обнажив гнилые зубы, и указала на кресло напротив себя: — Присядьте, Джулия. Составьте мне компанию.

Я настолько растерялась, что послушалась. Пройдя через комнату, я села в кресло, а она

немного поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее.

— Тут жестковато, правда? Надо бы сделать сиденье помягче. Хотя кое-кто может сказать, что у меня и так набивка мягкая. — Она фыркнула, явно довольная собственной шуткой.

— Что вам нужно? — спросила я. — Откуда у вас зажигалка Нел?

— Она не нее, не Нел. Смотрите сами. — Она показала на гравировку. — Видите? «ЛС».

— Да, я знаю. «ЛС». Либби Ситон. Но она вряд ли принадлежала ей. Сомневаюсь, что в семнадцатом веке делали такие зажигалки.

Никки хохотнула:

— Либби тут ни при чем. Вы решили, что «ЛС» — это Либби? Нет, нет и нет! Эта зажигалка принадлежала Лорен. Лорен Таунсенд. Урожденной Слейтер.

— Лорен Слейтер?

— Ей самой. Лорен Слейтер, она же Лорен Таунсенд. Мать вашего инспектора уголовной полиции.

— Мать Шона?

Я вспомнила про мальчика на ступеньках и мосту.

— Лорен из той истории — это мать Шона?

— Точно. Господи! А вы не очень-то сообразительны. И это не просто история. Лорен Слейтер вышла замуж за Патрика Таунсенда. У нее был сын, которого она любила без памяти. Все как полагается. Только потом, как уверяют полицейские, она ни с того ни с сего взяла и наложила на себя руки. — Старуха подалась вперед и ухмыльнулась. — Не очень-то одно с другим вяжется, правда? В свое время я говорила об этом, но меня никто не слушал.

Неужели Шон был тем мальчиком? И видел со ступенек, как упала его мать? Или не видел, как она упала, если верить другой версии? Неужели это правда, а не твой вымысел, Нел? У Лорен имелся любовник, она много пила, распутничала и была плохой матерью. Разве это не про нее? Именно на страницах, посвященных Лорен, ты написала: «Бекфорд — не место самоубийц. Бекфорд — это место, где избавляются от неугодных женщин». Что именно ты имела в виду?

Никки продолжала, тыча в меня пальцем:

— Видите? Вот об этом я и говорю. Никто меня не слушает. Я сижу тут перед вами, а вы все равно не слушаете!

— Я слушаю, слушаю. Только… я не понимаю.

Она фыркнула.

— Поняли бы, если бы слушали. Эта зажигалка, — тик-так, — принадлежала Лорен, верно? Вы должны себя спросить: почему ваша сестра держала эту зажигалку среди своих вещей?

— «Среди своих вещей»? Так вы были в доме! И забрали ее… так это вы? Это вы написали на зеркале?

— Послушайте! — Она поднялась. — Забудьте об этом, это не важно.

Никки подошла ко мне, наклонилась и чиркнула зажигалкой. Между нами вспыхнул язычок пламени. От нее пахло пережженным кофе и увядающими розами. Я отшатнулась от этого старушечьего запаха.

— Вы знаете, как он ее использовал? — спросила она.

— Кто ее использовал? Шон?

— Да нет же, глупая! — Она закатила глаза и вернулась на свой стул, жалобно скрипнувший под тяжестью ее тела. — Патрик! Старик. Он тоже не пользовался ею, чтобы закурить. После смерти жены он собрал все, что ей принадлежало — вещи, картины, буквально все, — вынес на задний двор и сжег. Сжег все. А этим, — она снова чиркнула зажигалкой, уже в последний раз, — он разжег костер.

— Ясно, — сказала я, теряя терпение. — Но я все равно не понимаю, почему Нел держала ее у себя? И зачем вы ее забрали?

— Вопросы, вопросы, — вздохнула Никки с улыбкой. — Ладно. Что касается того, зачем я ее забрала, — мне был нужен принадлежавший ей предмет. Чтобы я могла установить с ней контакт и поговорить. Раньше я слышала ее голос ясно и четко, но… Иногда голоса становятся глухими и невнятными, разве не так?

— Понятия не имею, — холодно отозвалась я.

— А-а, поняла! Вы мне не верите? Как будто сами никогда не разговаривали с мертвыми? — Она понимающе засмеялась, и волосы у меня на голове зашевелились. — Мне нужен был предмет для сеанса магии. Держите! — Она протянула мне зажигалку. — Возвращаю. Я могла бы ее продать, верно? Могла бы еще кое-что прихватить и продать — у вашей сестры было много ценных вещей, драгоценностей например. Но я этого не сделала.

— Очень любезно с вашей стороны.

Она ухмыльнулась.

— Теперь перейдем к другому вопросу. Как у вашей сестры оказалась эта зажигалка? Тут не все понятно.

Я не могла больше сдерживаться.

— Вот как? — поинтересовалась я, не скрывая сарказма. — А разве вы не можете общаться с духами? Разве вы не этим живете? — Я осмотрела комнату. — Она сейчас здесь? Почему бы просто не спросить ее?

— Это не так просто, — с обидой отозвалась старуха. — Я пыталась вызвать ее дух, но он молчит.

Как будто это что-то меняло.

— И не надо ерничать. Я всего лишь пытаюсь помочь. Хочу, чтобы вы знали…

— Так скажите! — огрызнулась я. — Скажите!

— Не горячитесь, — попросила она, выпячивая нижнюю губу и тряся подбородком. — Я говорила, но вы не слушаете. Зажигалка принадлежала Лорен, а потом перешла к Патрику. В этом вся суть. Я не знаю, почему она оказалась у Нел, но сам этот факт очень важен, понимаете? Может, она забрала ее у него, может, он сам ей дал. В любом случае, это важно. Лорен тут играет не последнюю роль. Вся эта история с Нел связана не с бедной Кэти Уиттакер, глупым учителем, матерью Кэти и всеми прочими. Это связано с Лорен и Патриком.

Я закусила губу.

— И как это с ними связано?

— Ну, — она снова поерзала, — Нел писала свои истории о них, так? И о Лорен узнала от Шона Таунсенда, потому что он как-никак считался свидетелем, так? И она решила, что он рассказывает правду, так?

— А почему нет? Вы утверждаете, что Шон лгал, когда рассказывал о случившемся с его матерью?

Никки поджала губы.

— Вы видели его отца? Он — сущий дьявол в прямом смысле этого слова.

— Выходит, Шон лгал, потому что боялся отца?

Никки пожала плечами:

— Трудно сказать. Но одно я знаю точно: история, которую услышала Нел, — версию, согласно которой Лорен убежала ночью, а ее муж и сын бросились вдогонку, — не соответствует действительности. Я говорила об этом Нел. Дело в том, что Дженни — это моя сестра — в то время работала в полиции. И была там. В ту ночь.

Она вдруг сунула руку за пазуху и начала там шарить.

— Я рассказала Нел, что сообщила Дженни, и она все записала.

Никки вытащила пачку листов. Я протянула руку, чтобы их взять, но она не отдала.

— Погодите. Вы должны понять, что это, — она потрясла страницами, — не вся история. Хотя я рассказала Нел все, она отказалась записать это полностью. Она была упрямой, ваша сестра. За это я ее и любила. И тогда между нами возникла небольшая размолвка.

Никки снова заерзала и громко закашлялась.

— Я рассказала ей о Дженни, которая работала в полиции, когда Лорен умерла. Дженни была уверена, что Лорен отправилась на тот свет не без помощи посторонних. Она знала, что муж Лорен настоящий дьявол, который поносил ее на людях, говорил, что у нее роман с каким-то мужчиной в коттедже Энн Уорд, хотя никто и никогда его не видел. Понимаете, это была причина. Тот мужчина, с которым она якобы загуляла, ее бросил, она не смогла этого пережить и прыгнула с обрыва. — Никки махнула рукой. — Чушь! Чтобы она оставила шестилетнего сына? Чушь!

— Вообще-то, — заметила я, — депрессия может привести к неожиданным решениям…

— Глупости! — Она не дала мне договорить. — Никакого любовника не было и в помине. Его никто никогда не видел. Можете спросить у Дженни, правда, ее уже нет в живых. И теперь вы понимаете, кто виноват в случившемся с Лорен,

правда?

Она наконец замолчала, и я услышала, как в тишине что-то шепчет вода.

— Вы хотите сказать, что Патрик убил свою жену и Нел об этом знала? И все записала?

Никки раздраженно дернула плечом.

— Нет! А хочу я сказать вот что. Нел записала одно и не стала писать другое, и мы с ней из-за этого поругались. Потому что она была готова записать все, что говорила Дженни, пока была жива, но не то, о чем она поведала после своей смерти. А это лишено всякого смысла.

— Ну…

— Лишено всякого смысла. Но вы должны слушать. А если не хотите слушать меня, — она снова взмахнула страницами, — послушайте свою сестру. Потому что все это его рук дело. В определенном смысле. И с Лорен, и с Дженни, и, если я не ошибаюсь, с Нел, и с остальными.

Смертельная заводь

Снова Лорен, 1983 год

Лорен отправилась к коттеджу Энн Уорд. В последнее время она приходила сюда все чаще – тут было спокойно, как нигде в Бекфорде. Она ощущала опреде-

ленное родство душ с бедной Энн. Та тоже оказалась в цепях лишенного любви брака с человеком, который ее ненавидел. Здесь Лорен могла купаться, курить, и ее никто не беспокоил. Обычно.

Однажды утром она увидела двух женщин. Она их узнала: рослая и пышущая здоровьем Дженни работала в полиции, а ее сестра Никки умела разговаривать с мертвыми. К Никки Лорен относилась с симпатией – та была занятной и казалась добродушной. Даже если и была мошенницей.

Дженни ее окликнула, и Лорен махнула в ответ, надеясь, что женщины продолжат свой путь. В обычных обстоятельствах она бы сама подошла к ним поболтать, но сегодня у нее не все было в порядке с лицом, а вдаваться в объяснения ей не хотелось.

Она пошла купаться. И знала, что делает это, как и многое другое, в последний раз: последняя прогулка, последняя сигарета, последний поцелуй сына в бледный лобик, последнее (предпоследнее) погружение в воду. Окунувшись, она подумала,

будут ли ее ощущения такими же и будет ли она вообще что-нибудь чувствовать.

Первой на реке оказалась Дженни. Когда поступил звонок, она была в полицейском участке и стала свидетельницей разыгравшейся бури: позвонил охваченный паникой Патрик Таунсенд и что-то бессвязно кричал по рации о своей жене. О жене и Смертельной заводи. Примчавшись туда, Дженни увидела под деревьями мальчика, уткнувшегося головой в колени. Сначала она решила, что он спит, но он поднял голову, и его глаза оказались широко раскрытыми и почти черными.

– Шон, – сказала она, стаскивая с себя куртку и накидывая ему на плечи.

Он посинел от холода и дрожал, пижама промокла насквозь, а босые ноги были перемазаны грязью.

– Что случилось?

– Мама в воде, – ответил он. – Я должен сидеть здесь, пока он не придет.

– Кто? Твой папа? А где твой папа?

Шон вытащил из-под куртки худую ручонку и указал за ее спину. Дженни увидела, как к берегу, пошатываясь и рыдая,

идет Патрик с перекошенным от боли лицом.

Дженни бросилась к нему:

– Сэр, я… «Скорая» вот-вот будет, расчетное время прибытия четыре минуты…

– Слишком поздно, – отозвался Патрик, качая головой. – Я опоздал. Ее больше нет.

Подошли остальные: спасатели, полицейские и один или два старших инспектора. Шон поднялся и прижался к отцу – куртка Дженни на нем казалась плащ-палаткой.

– Вы можете отвезти его домой? – обратился к ней один из детективов.

Мальчик захныкал:

– Пожалуйста. Не надо. Не хочу. Не хочу никуда идти.

– Дженни, ты можешь забрать его к себе? – попросил Патрик. – Он испуган и не хочет возвращаться домой.

Патрик опустился перед сыном на колени прямо в грязь, обнял его и, качая головой, что-то зашептал ему на ухо. Когда он поднялся, мальчик казался спо-

койным и послушным. Он взял Дженни за руку и засеменил рядом, не оглядываясь.

Приехав домой, Дженни сняла с Шона всю мокрую одежду. Затем завернула его в одеяло и приготовила тосты с сыром. Шон ел тихо и аккуратно, наклоняясь над тарелкой, чтобы не уронить на пол крошки. Закончив, он спросил:

– С мамой все будет в порядке?

Дженни стала убирать посуду.

– Ты согрелся, Шон? – сменила тему она.

– Да.

Дженни налила им по чашке чая и положила по два кусочка сахара.

– А ты не хочешь рассказать, что случилось, Шон? – спросила она, и он отрицательно помотал головой. – Нет? А как ты оказался у реки? Ты весь перемазался грязью.

– Мы приехали на машине, но потом я упал на тропинке, – объяснил он.

– Понятно. Значит, за рулем сидел папа? Или мама?

– Мы поехали все вместе.

– Все вместе?

Шон поморщился.

– Была гроза, и я проснулся. Очень громко гремел гром, а на кухне раздавались странные звуки.

– Какие странные звуки?

– Ну… как делает собачка, когда ей грустно.

– Скулит?

Шон кивнул.

– У нас нет собачки, мне не разрешают. Папа говорит, что я не смогу за ней ухаживать и тогда это придется делать ему. – Он сделал глоток и вытер глаза. – Я не хотел оставаться дома из-за грозы. И папа посадил меня в машину.

– А мама?

Шон нахмурился.

– Ну, она была в реке, и я должен был ждать под деревьями. Мне нельзя об этом говорить.

– Что ты имеешь в виду, Шон? Что значит нельзя об этом говорить?

Он покачал головой, пожал плечами и больше не произнес ни слова.

Шон

Хоуик. Рядом с Крастером. История не столько повторяется, сколько разыгрывает со мной злую шутку. Это недалеко от Бекфорда, не больше часа езды, но я никогда туда не езжу. Ни на пляж, ни в замок, ни полакомиться копченой рыбой из знаменитой местной коптильни. Это обожала моя мать, это было объектом ее желаний. Отец никогда меня туда не возил, а теперь я не езжу туда сам.

Когда Трейси рассказала, как найти дом и куда надо ехать, я почувствовал волнение. И угрызения совести. Так обычно бывает, когда я вспоминаю, как отказался от обещанного мамой праздника на мой день рождения в пользу Диснейленда. Если бы я не был таким эгоистичным, если бы сказал, что хочу поехать с ней на пляж и в замок, она бы осталась? И все сложилось бы по-другому?

После смерти мамы я часто думал об этой так и не состоявшейся поездке, как и о многом другом, пытаясь представить иной мир, ту альтернативную реальность, в которой она продолжала бы жить. Если бы тогда мы поехали в Крастер, если бы я убирался у себя в комнате без напоминаний, если бы не испачкал свой новый школьный ранец, когда ходил купаться на речку, если бы

слушался отца и не поступал наперекор ему так часто… А потом, став старше, я начал задумываться: а может, наоборот, надо было ослушаться отца, не подчиниться ему и в ту ночь задержаться, а не отправиться спать? Может, тогда мне бы удалось удержать маму от страшного шага?

Но ни один из альтернативных сценариев не менял главного, и в конце концов через несколько лет я пришел к пониманию, что ничего тогда изменить не мог. Потому что мама хотела, чтобы что-то сделал не я, а другой человек, вернее, чтобы он чего-то не сделал. Она хотела, чтобы человек, которого она любила, с которым тайно встречалась, изменяя отцу, не бросил ее. Этот мужчина был невидимкой, не имевшим имени. Он был фантомом, нашим с отцом фантомом. Он объяснил причину произошедшего и дал нам определенное утешение, позволив считать, что в случившемся не было нашей вины. (Вина была его или ее, или их обоих, моей изменившей отцу матери и ее любовника. Мы не могли ничего поделать — она просто любила нас недостаточно сильно.) Он дал нам возможность просыпаться по утрам и продолжать жить.

А потом появилась Нел. Она впервые пришла к нам домой, разыскивая отца. Она хотела пого-

ворить с ним о смерти матери. Его в тот день не было, меня тоже, и она разговаривала с Хелен, которая быстро поставила ее на место. Она сказала, что Патрик не только не станет с ней беседовать, но и посчитает саму просьбу бестактной. Шон тоже, все они. Это наше личное дело, и все давно в прошлом.

Нел не послушалась и все равно обратилась к отцу. Его реакция ее удивила. Он не разозлился, как она ожидала, не сказал ей, что вспоминать случившееся слишком больно и он не хочет ворошить прошлое. Он сказал, что говорить не о чем. Ничего не было. Он так и сказал: ничего не было.

И тогда наконец она пришла ко мне. Стояла середина лета. У меня было совещание в участке, а когда я вышел, то увидел ее возле своей машины. На ней были длинное, до пола, платье, кожаные сандалии на загорелых ногах с ярко-синим лаком на ногтях. Я уже встречал ее раньше и обратил на нее внимание: она была очень красива и притягивала взгляды. Но так близко я ее видел впервые. Я не подозревал, какие зеленые у нее глаза, отчего она казалась особенной, не от мира сего, и уж точно не из мира Бекфорда. Она была слишком экзотичной.

Она передала мне слова отца, что ничего не

было, и спросила, считаю ли я так же. Я ответил, что он имел в виду другое, а не буквально то, что ничего не произошло. Он имел в виду, что мы об этом не говорим, оставив случившееся в прошлом.

— Да, конечно, — сказала она, улыбаясь. — Я понимаю, но дело в том, что я работаю над этим проектом, пишу книгу, возможно, организую выставку, и я…

— Нет, — повторил я. — В смысле, я знаю, чем вы занимаетесь, но я — мы — не стану частью этого. Это безнравственно.

Она чуть отстранилась, но улыбаться не перестала.

— Безнравственно? Какое необычное слово. И что в этом безнравственного?

— Для нас это безнравственно, — произнес я. — Для него. (Я не помню, сказал ли я «для нас» или «для него».)

— О! — Улыбка сползла с ее лица, и на нем появилось выражение тревоги. — Нет. Это не… нет. В этом нет ничего безнравственного, так больше никто не считает.

— Он считает.

— Пожалуйста, — попросила она, — поговорите со мной.

Кажется, я отвернулся, потому что она накрыла мою руку ладонью, и я, опустив глаза, увидел серебряные кольца, браслет и облезший синий лак на ногтях.

— Пожалуйста, мистер Таунсенд. Шон. Я так давно хотела поговорить с вами об этом. — Она снова улыбалась. И это ее обращение — такое прямое и искреннее — не позволило мне отказать. Тогда я понял, что у меня проблема, что проблема эта — она, проблема, которую я ждал всю сознательную жизнь.

Я согласился рассказать ей, что помню о той ночи, когда умерла мама. Предложил поговорить у нее дома, в Милл-Хаус. И попросил никому об этом не сообщать, потому что это расстроит отца и жену. При слове «жена» она поморщилась, потом снова улыбнулась, и мы оба знали, как все будет.

В мой первый визит, когда я пришел рассказать, что помню, мы не разговаривали совсем. Так что мне пришлось прийти снова. Я продолжал приходить, и нам по-прежнему было не до разговоров. Я проводил у нее час или два, а когда уходил, мне казалось, что мы были вместе несколько дней. Меня тревожило, что я начал забываться и терять ощущение времени. Иногда

со мной такое бывает. Отец называет это уходом в себя, как будто я это делаю сознательно и могу контролировать, но это не так. У меня так было всегда, еще с детства: я вдруг отвлекаюсь от настоящего и погружаюсь в совершенно иной мир. Это происходит помимо моей воли. Иногда я сам замечаю, что впал в это состояние, и изредка мне даже удается себя из него вывести. В этом мне помогает прием, который я давно использую: надо просто потереть шрам на руке. Обычно это срабатывает. Но не всегда.

До моей истории дело дошло далеко не сразу. Она не оставляла попыток узнать, но ее было слишком легко отвлечь. Мне казалось, что она начинает любить меня, и думал, что мы все вместе — она, Лина и я — уедем и начнем новую жизнь в другом месте, в другой стране. Мне казалось, что наконец-то я смогу все забыть, что Хелен не будет по мне горевать и быстро найдет человека, достойного своей непреходящей добродетели. И что отец отойдет в мир иной во сне.

Нел по капле вытянула из меня всю историю, и я понимал, что она ее разочаровала. Она рассчитывала услышать не это. Ей была нужна легенда, страшилка, мальчик, который все видел. Я понял, что подход к отцу являлся закуской, а я — основ-

ным блюдом. Я должен был стать стержнем ее проекта, потому что так он для нее начинался — сначала Либби, а потом я.

Она вытягивала из меня то, о чем я не хотел говорить. Я знал, что должен молчать, но не мог. Я понимал: меня втягивают в нечто, из чего мне самому не выбраться. Знал, что становлюсь безрассудным. Мы перестали видеться в Милл-Хаус, потому что начались школьные каникулы и Лина часто находилась дома. Мы отправлялись в коттедж — я понимал, что это рискованно, но гостиницы в округе не было, а куда еще нам было идти? О том, чтобы прекратить связь, я никогда не думал, тогда сама мысль об этом казалась дикой.

Отец обычно совершает свои прогулки на рассвете, и я не знаю, как он мог оказаться там после обеда. Но он пришел туда, заметил мою машину, дождался, спрятавшись под деревьями, когда Нел уйдет, а потом избил меня. Он свалил меня ударом кулака на землю, а потом стал бить ногами по груди и плечам. Я сгруппировался, защищая голову руками, как он сам меня и учил. Я не отбивался, потому что знал: он перестанет, когда решит, что получил я достаточно или что больше не выдержу.

Потом он забрал мои ключи и отвез меня домой.

Хелен пришла в бешенство — сначала из-за того, что отец меня избил, а потом, когда он рассказал за что. Я никогда не видел ее раньше в ярости, холодной и страшной, и только сейчас задумался, что она может сделать из мести. Я допускал, что она может уйти из школы, собрать вещи и уехать, допускал публичный скандал и гнев отца. Всем этим и ограничивались мои представления о возможных последствиях. Но я ошибался.

Лина

Я охнула. Жадно хватая воздух ртом, я изо всей силы двинула ему локтем по ребрам. Он скорчился, но продолжал меня удерживать. Чувствуя на лице его жаркое дыхание, я едва сдерживала рвоту.

— Ты был ее недостоин! — продолжала твердить я. — Недостоин трогать, недостоин трахать… Из-за тебя она умерла, подонок. Как ты можешь жить, просыпаться по утрам, ходить на работу, смотреть ее матери в глаза…

Он сильно поцарапал мне шею гвоздем, я закрыла глаза и стала ждать конца.

— Ты понятия не имеешь, что я пережил, — сказал он. — Даже не представляешь.

Потом схватил меня за волосы, резко потянул на себя и разжал пальцы. От неожиданности я с

силой ударилась головой о стол. И разревелась.

Марк отпустил меня и поднялся. Сделав несколько шагов назад, он обошел стол и встал напротив, не спуская с меня глаз. Он стоял и смотрел, а я больше всего на свете хотела, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Что угодно, лишь бы он не видел моих слез! Я поднялась. Я всхлипывала как ребенок, у которого отобрали куклу, и он принялся повторять:

— Перестань, Лина. Не плачь. Ну, хватит…

Это было странно, потому что он тоже плакал и при этом продолжал твердить:

— Перестань, Лина. Не плачь.

Я перестала плакать. Мы смотрели друг на друга с мокрыми от слез лицами, в руках он по-прежнему сжимал гвоздь.

— Я не делал этого, Лина. Того, что ты думаешь. Я не трогал твою маму. Да, я думал об этом. Но я этого не делал.

— Делал! — возразила я. — У тебя ее браслет, ты…

— Она приходила ко мне. После смерти Кэти. Сказала, чтобы я во всем признался. Ради Луизы! — Он засмеялся. — Как будто ей было не все равно. Как будто ей было не наплевать на всех. Я знаю, почему она просила меня признаться. Она

чувствовала свою вину в том, что у Кэти появились такие мысли, и хотела переложить ее на других. Хотела переложить на меня, эгоистичная стерва.

Я видела, как он вертит в руках гвоздь, и представляла, как наброшусь на него, вырву гвоздь из рук и воткну ему в глаз. Во рту у меня пересохло. Я облизнула губы и почувствовала вкус соли.

Он продолжал:

— Я попросил ее дать мне немного времени. Сказал, что поговорю с Луизой, просто мне надо подумать, как ей все объяснить. Она мне поверила. — Он посмотрел на гвоздь и перевел взгляд на меня. — Видишь, Лина, мне не надо было с ней ничего делать. С такими женщинами, как твоя мать, надо действовать не насилием, их слабое место — тщеславие. Мне доводилось иметь с ними дело, с женщинами старше меня, ближе к сорока, чья красота начинает увядать. Им отчаянно хочется чувствовать себя желанными. И это видно невооруженным глазом. Я знал, что должен сделать, хотя от такой перспективы мне становилось не по себе. Я должен был ее соблазнить.

Он помолчал и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Я подумал, что, может, сделаю несколько

снимков. Чтобы было чем ее шантажировать. Рассчитывал, что тогда она оставит меня в покое и никто не станет мне мешать оплакивать Кэти. — Он потер подбородок. — Такой у меня был план. Но тут вмешалась Хелен Таунсенд, и мне не пришлось ничего делать. — Он отбросил гвоздь в сторону. Я видела, как он ударился о землю и отскочил к стене.

— Ты о чем? — спросила я. — Что ты имеешь в виду?

— Я скажу тебе. Скажу. Только… — он вздохнул, — ты знаешь, что я не хочу причинять тебе боль. Никогда не хотел. Я ударил тебя, когда ты на меня накинулась в доме, но что мне оставалось делать? Я больше тебя не трону, если ты сама меня не вынудишь. Договорились?

Я промолчала.

— Вот что я попрошу тебя сделать. Ты должна вернуться в Бекфорд и сообщить полиции, что просто сбежала, поехала автостопом, не важно что. Главное, ты должна сказать, что все про меня выдумала. От начала до конца. Скажи им, что приревновала, что потеряла голову от горя или что ты просто маленькая злобная стерва, желавшая привлечь к себе внимание, — мне все равно. Лишь бы ты их убедила, что все придумала.

Я усмехнулась:

— Ты думаешь, я это сделаю? Серьезно? А зачем мне это нужно? И потом, это ничего не изменит. Им все рассказал Джош, а не я…

— Тогда скажи им, что Джош соврал. Скажи, что ты попросила Джоша соврать. Поговори с Джошем, чтобы он подтвердил. Я знаю, ты можешь. И, думаю, ты это сделаешь, потому что я не только тебя не трону, но… — Он сунул руку в карман и вытащил браслет. — Я расскажу тебе все, что мне известно. При одном условии: ты выполнишь мою просьбу.

Я подошла к стене и повернулась к нему спиной. Меня трясло. Я знала, что он может разделаться со мной. Только не думала, что он на это пойдет. Он хотел сбежать. Это было видно. Я подцепила гвоздь ногой. Оставался вопрос: позволю ли я ему это сделать?

Я повернулась к нему. Вспомнила, как много ошибок совершила по дороге сюда, и не собиралась делать новых. Я разыграла испуг. И признательность.

— Ты обещаешь?.. Ты правда отпустишь меня в Бекфорд?.. Пожалуйста, Марк, обещай мне! — В моем голосе звучало облегчение, отчаяние, раскаяние. Я решила подыграть ему.

Он сел и положил браслет на середину стола перед собой.

— Я нашел его, — коротко сообщил он, и меня разобрал смех.

— Нашел?! Типа, в реке, где полиция искала несколько дней? Не смеши меня!

Он ответил не сразу и смотрел на меня так, будто ненавидел больше всех на свете. Может, так оно и было.

— Ты будешь слушать или нет?

Я прислонилась к стене.

— Я слушаю.

— Я отправился в кабинет Хелен Таунсенд, — начал он. — Хотел найти… — он запнулся, смутившись, — что-нибудь о Кэти. Хотел… хоть что-то. Чтобы была память…

Он хотел меня разжалобить, но у него ничего не вышло.

— И?

— Я искал ключ от шкафа. Выдвинул ящик стола и нашел там браслет.

— Ты нашел браслет в ящике стола миссис Таунсенд?

Он кивнул.

— Не спрашивай, как он там оказался. Но если в тот день браслет был у нее на руке…

— Миссис Таунсенд, — глупо повторила я.

— Я знаю, что в этом нет никакого смысла.

Но смысл был. Или мог быть. С натяжкой. Да, она, конечно, та еще старая стерва, но у меня в голове не укладывалось, что она способна пойти на убийство.

Марк не спускал с меня глаз.

— Наверное, я чего-то не знаю, да? Что она сделала? Что твоя мать сделала Хелен?

Я не ответила и отвернулась. На солнце наползло облако, и я вдруг почувствовала такой же холод, как утром, холод изнутри и снаружи. Я подошла к столу, взяла браслет и надела себе на руку.

— Итак, — сказал он. — Я тебе все рассказал. И помог, верно? Теперь твоя очередь.

Моя очередь. Я вернулась к стене, нагнулась и подобрала гвоздь.

— Лина, — произнес он, и по его тону, по быстрому и прерывистому дыханию я поняла, что он боится. — Я помог тебе. Я…

— Ты думаешь, Кэти утопилась, испугавшись, что я ее выдам, или что ее выдаст моя мама, или что кто-то выдаст вас обоих, и тогда все об этом узнают, и у нее будет куча неприятностей, и это убьет ее родителей. Но ты знаешь, что дело не

только в этом, ведь правда?

Он опустил голову и вцепился руками в край стола.

— Ты знаешь, что на самом деле причина вовсе не в этом. Причина в том, что она боялась за тебя.

Он продолжал смотреть на стол, не шевелясь.

— Она так поступила ради тебя. Убила себя ради тебя. А что сделал ты ради нее?

Его плечи задрожали.

— Что сделал ты? Ты постоянно врал, отказался от нее, как будто она для тебя ничего не значила, будто была для тебя никем. Разве она это заслужила?

Сжимая гвоздь в кулаке, я подошла к столу. Он всхлипывал и бормотал:

— Прости меня, прости, прости. Господи, прости!

— Слишком поздно, — сказала я. — Слишком поздно.

Шон

Я проехал половину пути, когда пошел дождь. Сначала слегка накрапывало, а потом хлынул настоящий ливень. Видимость стала почти нулевой, и машина еле ползла. Позвонил один из полицейских, отправленных в Хоуик, и я вклю-

чил громкую связь.

— Тут пусто, — сообщил он сквозь треск динамика.

— Пусто?

— Никого. Нашли машину — красный «Вокс-холл», — а его самого нет.

— А Лина?

— Тоже никаких следов. Дом заперт. Мы продолжим поиски…

Машина там, а их нет. Машина сломалась? Если он добрался до дома и выяснил, что ключа нет, то почему не проник в него, чтобы отсидеться? Это же лучше, чем пуститься в бега. А может, их кто-то подобрал? Друг? У него есть сообщник? В принципе, наверное, кто-то мог бы помочь ему выбраться из переделки, но ведь он простой школьный учитель, а не конченый преступник. Я не мог представить, чтобы у него оказались друзья, которых не смутит похищение детей.

И я не знал, радоваться ли этим новостям или огорчаться. Потому что если Лина с ним, то у нас не было никаких зацепок, где ее искать. Уже сутки ее никто не видел. От этой мысли мне стало не по себе. Я должен позаботиться о ее безопасности. В конце концов, я и так сильно подвел ее мать.

Я перестал видеться с Нел после того случая с

отцом. Фактически мы ни разу не оставались наедине до смерти Кэти, а потом у меня не осталось выбора. Я должен был ее допросить, поскольку Кэти дружила с ее дочерью, а Луиза бросалась обвинениями.

Я допросил Нел в качестве свидетеля. Что было, конечно, непрофессионально. Вообще-то немало моих поступков за последний год подпадало под эту категорию, но из-за связи с Нел по-другому и быть не могло. И повлиять на это я никак не мог.

Наша новая встреча причинила мне боль, потому что почти сразу я понял, что прежней Нел, которая открыто мне улыбалась, околдовала меня и подчинила себе, больше не было. Она не столько изменилась внешне, сколько ушла в себя, стала другой, незнакомой. Мечты о новой жизни с ней и Линой благополучно развеяла Хелен, и теперь они выглядели по-детски наивными. Нел, открывшая мне дверь в тот день, казалась другой женщиной — чужой и недоступной.

Во время беседы я почувствовал, что она считает себя виноватой, правда вина эта не была связана с чем-то конкретным. Нел по-прежнему занималась своим проектом «Смертельная заводь», настаивая, что он никак не мог привести к трагедии с Кэти, и все же ощущала свою вину.

Все ее ответы начинались словами «я должна была», «мне следовало» и «я не сознавала». Но что именно ей «следовало» и чего она «не сознавала», было непонятно. Теперь я понимаю, что она могла винить себя из-за Хендерсона, что должна была что-то знать или подозревать, но ничего не сделала.

После беседы я поехал в коттедж. Я ждал ее там, больше надеясь, чем рассчитывая на ее появление. Она приехала после полуночи, не совсем трезвая и на взводе. На рассвете, когда у нас обоих уже не осталось сил, мы отправились на реку.

Нел была очень возбуждена, почти не в себе. Она с исступлением фанатички говорила, как устала от лжи, как хотела правды. Правда, только правда, ничего кроме правды.

— Но ты же сама все понимаешь, — сказал я ей. — Иногда невозможно докопаться до правды. Мы никогда не узнаем, что творилось у Кэти в голове.

Она покачала головой:

— Дело не в этом, совсем не в этом… — Она сжала мою ладонь одной рукой, а другой продолжала чертить круги на земле. — Почему, — прошептала она, глядя в сторону, — твой отец ухаживает за этим домом? Зачем он это делает?

— Потому что…

— Если это дом, куда приходила твоя мать, если тут она изменяла ему, то зачем, Шон? В этом нет никакого смысла.

— Я не знаю, — ответил я.

Я и сам не раз задавался этим вопросом, но никогда не задавал его отцу. Мы не говорим об этом.

— А этот мужчина, ее любовник. Почему никто не знает, как его зовут? Почему его никто никогда не видел?

— Никто? Только потому, что его не видел я, Нел…

— Никки Сейдж сказала мне, что его никто не знал.

— Никки? — засмеялся я. — Ты разговариваешь с Никки? И слушаешь ее?

— А почему никто не относится всерьез к ее словам? — возмутилась она. — Потому что она старая? И уродливая?

— Потому что она сумасшедшая.

— Да, — пробормотала она, обращаясь к себе. — Стервы все сумасшедшие.

— Брось, Нел. Она мошенница! Утверждает, что разговаривает с мертвыми.

— Да. — Она зарылась пальцами глубже в зем-

лю. — Да, она мошенница, но это не означает, что все сказанное ею неправда. Ты даже не представляешь, Шон, как много из того, что она говорит, похоже на правду.

— Она использует холодное чтение[4], Нел. А в твоем случае в этом нет необходимости. Она знает, что ты хочешь услышать.

Она помолчала. Потом перестала чертить круги и произнесла свистящим шепотом:

— А с чего Никки могла взять, будто я хочу услышать, что твою мать убили?

Лина

Чувство вины исчезло. На смену ему пришли облегчение, скорбь и какая-то странная легкость, которую ощущаешь, когда просыпаешься после кошмара и понимаешь, что все это тебе лишь приснилось. Но тут другой случай, потому что кошмар был настоящим. И мама умерла. Но, по крайней мере, она не ушла из жизни по своей воле. Она не оставила меня. Кто-то лишил ее жизни, и это меняло дело, потому что теперь я могла что-то предпринять — ради себя и ради нее. Я могла заставить Хелен Таунсенд заплатить за все.

---

[4] Сноски: 4

Набор приемов, которыми пользуются ясновидящие, экстрасенсы и менталисты, чтобы заставить человека поверить, будто они знают о нем гораздо больше, чем в действительности.

Я бежала по тропинке вдоль берега, зажав в руке мамин браслет. Я боялась его уронить, боялась, что он упадет с обрыва в море. Мне даже хотелось для надежности зажать его во рту, как крокодилы переносят своих детенышей.

Бежать по тропинке было опасно, потому что я могла упасть, зато она хорошо просматривалась в обоих направлениях и я знала, что за мной никто не гонится. Конечно же, не гонится. Кругом не было ни души.

Не было никого — ни чтобы меня поймать, ни чтобы прийти на помощь. И я понятия не имела, куда подевался мой телефон, остался ли он в доме Марка или в его машине, или он забрал его и выбросил. Спросить же у него я теперь не могла.

Чувство вины исчезло. Я должна сосредоточиться. К кому можно обратиться? Кто мог бы мне помочь?

Впереди показались дома, и я побежала изо всех сил. Мне казалось, что там обязательно окажется человек, который будет знать, что делать, и у кого найдутся ответы на все вопросы.

Шон

Телефон на подставке подал сигнал и вернул меня к действительности.

— Шон? — послышался голос Эрин. — Вы сей-

час где?

— На пути к побережью. А вы? Удалось что-нибудь узнать у Луизы?

Она не ответила, и я решил, что она не услышала мой вопрос.

— Луиза что-нибудь сказала про Лину?

— Э-э… нет, — неуверенно произнесла Эрин.

— В чем дело?

— Послушайте, мне надо с вами поговорить, но не по телефону…

— О чем? Это связано с Линой? Выкладывайте, Эрин, хватит темнить.

— Это может подождать. И не связано с Линой. Это…

— Черт возьми, если это не срочно, то зачем вы звоните?!

— Мне надо поговорить с вами, сразу как вы вернетесь в Бекфорд, — ответила она холодно и зло. — Это понятно? — И повесила трубку.

Дождь стал стихать, и я поехал быстрее по узкой извилистой дороге, зажатой с обеих сторон высокой живой изгородью. У меня снова появилось странное ощущение легкости, которое возникает на американских горках, когда адреналин зашкаливает. Я проскользнул в узкую каменную арку и устремился вниз, а потом снова взлетел на холм,

и передо мной открылась маленькая бухта с качавшимися на волнах рыбацкими баркасами.

В деревне стояла тишина: судя по всему, ее обитателей распугала непогода. Это и был Крастер. Машина сбавила скорость, а я даже и не понял, что сам притормозил. Когда я остановился в парке, несколько пешеходов в теплых непромокаемых куртках устало пробирались через лужи. Я последовал за молодой парой, спешившей укрыться от дождя, и зашел в кафе, где группа пенсионеров коротала время за чаем. Я показал им фотографии Марка и Лины. Они их не видели, но ответили, что полчаса назад об этом же их спрашивал полицейский в форме.

На обратном пути я прошел мимо той самой коптильни, куда меня обещала сводить мама, чтобы попробовать копченой рыбы. Я попытался вспомнить ее лицо, но мне это в очередной раз не удалось. Наверное, мне хотелось почувствовать то разочарование, которое она испытала, когда я сказал, что не хочу сюда ехать. Мне хотелось ощутить боль — ее боль тогда и свою сейчас. Но воспоминания были слишком расплывчатыми.

Я проехал с полкилометра до Хоуика. Найти нужный дом оказалось нетрудно: он стоял на отшибе на краю обрыва и смотрел на море. Как

и сообщалось, рядом оказался припаркован красный «Воксхолл». Багажник у него был открыт.

Я с трудом вылез из машины — от страха за Лину ноги не слушались. Один из полицейских ввел в курс дела: где искали и что нашли. Они связались с береговой охраной.

— Море довольно бурное, поэтому, если кто-то из них оказался в воде, его быстро отнесло от берега, причем довольно далеко, — сообщил он. — Мы не знаем, когда они сюда приехали, и… — Он подвел меня к багажнику. — Посмотрите сами. Похоже, в нем кого-то перевозили.

Он показал на пятно крови на коврике и след крови на заднем стекле. За замок зацепилась прядь светлых волос, точно таких же, как на кухне.

Полицейский показал, что еще удалось обнаружить: следы крови на столе, стене и ржавом гвозде. Я подвел ее, как подвел свою мать. Нет — ее мать. Я подвел ее, как подвел ее мать. Я снова ощутил, что теряю связь с реальностью. И тут услышал:

— Сэр? Мы только что получили сообщение. Позвонил хозяин магазина из соседней деревни. Говорит, у них там девушка, мокрая насквозь, со следами побоев. Не знает, где находится, и просит

связаться с полицией.

Она сидела на скамейке возле магазина, запрокинув голову и закрыв глаза. На ее плечи была накинута темно-зеленая куртка, слишком большая для нее. Услышав скрип тормозов подъехавшей машины, она открыла глаза.

— Лина! — Я выскочил из машины и бросился к ней. — Лина!

Лицо у нее было мертвенно-бледное, на щеке — пятно крови. Она ничего не сказала и снова откинулась на спинку скамейки, будто не узнала меня, будто видела впервые в жизни.

— Лина, это я! Лина! Все в порядке, это я.

Выражение ее лица не изменилось, увидев мою протянутую руку, она снова отшатнулась, и я понял: что-то не так. Она меня узнала, она не была в шоке и понимала, кто я. Она понимала, кто я, и боялась меня.

На меня вдруг отчетливо нахлынули воспоминания: однажды я видел точно такое выражение на лице ее матери, и один раз у Дженни, когда она везла меня домой. Не просто страха, а чего-то еще. Страха и непонимания, ужаса. Такое выражение я замечал и у себя, если случайно встречался взглядом со своим отражением в зеркале.

Джулс

Когда Никки ушла, я поднялась в твою комнату. Белье с кровати было снято. Я подошла к шкафу и взяла твое пальто из кашемира цвета карамели — мягкое и роскошное. Купить подобное я даже не мечтала. Я завернулась в него и все равно никак не могла согреться. Потом прилегла на кровать и долго лежала, не в силах пошевелиться, будто ждала, когда тепло дойдет до костей, кровь снова начнет циркулировать, а сердце забьется. Я ждала, что ты заговоришь со мной, но ты молчала.

Пожалуйста, Нел, молила я, пожалуйста, поговори со мной. Я сказала, что очень сожалею. И знала, каким будет твой ответ: «Все эти годы, Джулия, я всего-то и хотела, что поговорить с тобой». И еще: «Как ты могла так обо мне подумать? Как ты могла подумать, что я закрыла бы глаза на изнасилование, что стала бы над тобой насмехаться?» Я не знаю, Нел, и мне ужасно жаль.

Так и не услышав твой голос, я сменила тактику. Тогда расскажи мне о Лорен. Расскажи о «неугодных женщинах». Расскажи о Патрике Таунсенде. Расскажи, чем хотела поделиться раньше. Но ты по-прежнему хранила молчание. Я почти физически ощущала твою обиду.

Зазвонил мобильник, и на голубом экране

высветилось имя Эрин Морган. Я медлила, не решаясь ответить. Как мне жить, если с Линой что-то случилось, как искупить вину за все совершенные ошибки, если ее тоже не стало? Дрожащей рукой я нажала кнопку приема. Слава богу! Мое сердце вновь забилось, наполняя кровью сосуды. Она в безопасности! Лина в безопасности. Она у них. И ее везут домой.

Казалось, что прошла целая вечность, долгие часы мучительного ожидания, прежде чем снаружи наконец хлопнула дверца машины. Я вскочила с кровати, сбросила твое пальто и помчалась вниз по лестнице. У двери уже стояла Эрин и смотрела, как Шон помогает Лине вылезти из машины.

На ее плечи накинута мужская куртка, лицо бледное и грязное. Но она цела и невредима! С ней все в порядке. Но когда она подняла глаза и встретилась со мной взглядом, я поняла, что это не так.

Лина ступала очень осторожно, опасливо переставляя ноги, и я понимала, что она чувствовала. Она обхватила себя за плечи и, когда Шон протянул руку, чтобы направить ее к дому, вздрогнула. Я подумала о человеке, который ее похитил, о его наклонностях. Меня затошнило, и во рту по-

явился привкус водки с апельсиновым соком, я почувствовала его жаркое дыхание и настойчивость пальцев на мягкой плоти.

— Лина! — окликнула я, и она мне кивнула.

То, что я сначала приняла за грязь, оказалось кровью, запекшейся на губах и подбородке. Я хотела взять ее за руку, но она съежилась еще сильнее, и я просто пошла следом за ней. В доме она скинула куртку на пол. Я наклонилась, чтобы ее поднять, но Эрин меня опередила. Она подобрала ее и передала Шону, и в их взглядах промелькнуло что-то непонятное, как мне показалось, это была злость.

— Где он? — прошипела я, глядя на Шона.

Лина, склонившись над раковиной, пила воду прямо из-под крана.

— Где Хендерсон?

Меня обуревало первобытное желание причинить этому человеку боль за то, что ему доверились, а он этим низко воспользовался. Мне хотелось скрутить его и разорвать на части — другого такие подонки не заслуживают.

— Мы его ищем, — ответил Шон. — Он объявлен в розыск.

— Что значит «ищем»? Разве она была не с ним?

— С ним, но…

Лина по-прежнему жадно глотала воду.

— Ее возили в больницу? — спросила я у Шона.

Он покачал головой:

— Еще нет. Лина наотрез отказалась.

Выражение его лица мне не понравилось: он точно что-то скрывал.

— Но…

— Мне не надо ни в какую больницу, — заявила Лина, выпрямляясь и вытирая губы. — Со мной все в порядке.

Она лгала. Я это знала, потому что говорила подобную ложь сама. Я впервые увидела в ней не тебя, а себя. На ее лице был написан страх и вызов, и в сохранении тайны она видела свою защиту. Боль кажется не такой сильной, а унижение не таким горьким, если другим о них ничего не известно.

Шон взял меня за руку, вывел из комнаты и сказал очень тихо:

— Она настаивала на том, чтобы сразу поехать домой. Мы не можем провести медицинский осмотр против ее воли. Но ее надо показать врачу. И чем быстрее, тем лучше.

— Да, конечно, я все сделаю. Но я не понимаю, почему вы его не схватили. Где он? Где Хендер-

сон?

— Скрылся, — ответила Лина, неожиданно оказавшись рядом со мной.

Ее пальцы коснулись моих и были такими же ледяными, как у Нел, когда я взяла ее за руку в морге.

— Куда скрылся? — спросила я. — Что значит «скрылся»?

Лина смотрела в сторону:

— Просто скрылся.

Таунсенд добавил:

— Его повсюду ищут полицейские. Машину он бросил, так что далеко уйти не мог.

— А куда он, по-твоему, направился, Лина? — Я пыталась поймать ее взгляд, но она отворачивалась.

Шон удрученно покачал головой и тихо произнес:

— Я спрашивал. Она не хочет разговаривать. Думаю, она очень устала.

Лина сжала мои пальцы и шумно выдохнула:

— Да. Я очень устала. Мы можем отложить это до завтра, Шон? Я ужасно хочу спать.

Детективы ушли, предупредив, что еще придут, потому что Лине нужно дать официальные показания. Я проводила их взглядом до машины

Шона. Когда Эрин садилась на пассажирское место, она захлопнула дверцу с такой силой, что чуть не вылетели стекла.

Лина позвала меня с кухни.

— Я умираю с голоду, — призналась она. — Ты не можешь приготовить спагетти по-болонски, как в прошлый раз?

Тон ее голоса изменился, в нем появилась мягкость, и это было не менее удивительно, чем ее прикосновение.

— Конечно, приготовлю, — тут же согласилась я. — Прямо сейчас.

— Спасибо. А я ненадолго поднимусь наверх. Мне надо принять душ.

Я накрыла ее руку своей.

— Нет, Лина. Нельзя. Сначала надо показаться врачу.

Она мотнула головой:

— Нет, мне правда не надо. Со мной все нормально.

— Лина, — я не решалась посмотреть ей в глаза, — прежде чем идти в душ, тебе надо показаться врачу.

Она вдруг стушевалась, съежилась, покачала головой и неуверенно шагнула ко мне. Я не смогла сдержать слез. Она обняла меня и сказала

точь-в-точь как ты той ночью у реки:

— Все хорошо, Джулия, все хорошо. Он не делал ничего такого. Все было по-другому. Ты не понимаешь, но он не сексуальный маньяк. Он просто несчастный старик.

— Слава богу! — воскликнула я. — Слава богу, Лина!

Мы стояли, обнявшись, пока я не перестала плакать, а она не начала. Всхлипывая, как маленькая, она выскользнула из моих рук и опустилась на пол. Я присела рядом и хотела взять ее за руку, но она была крепко сжата в кулак.

— Все будет хорошо, — сказала уже я. — Обязательно. Я позабочусь о тебе.

Она молча смотрела на меня, не в силах произнести ни слова. А потом протянула руку и разжала кулак, в котором прятала свое сокровище — маленький серебряный браслет с пряжкой из оникса, — и наконец обрела дар речи.

— Она не покончила с собой, — сказала она, и глаза ее светились.

В комнате вдруг стало холодно.

— Мама не оставляла меня. Это было не самоубийство.

Лина

Включив такую горячую воду, какую только

могла выдержать, я долго стояла под душем. Мне хотелось соскоблить и смыть со своей кожи прошедшие день и ночь, всю неделю и весь месяц. Я хотела смыть с себя Марка, его жуткий дом, его кулаки, противный запах, дыхание и кровь.

Когда я вернулась, Джулия встретила меня очень ласково. Она не притворялась, была искренне рада моему появлению и очень за меня волновалась. Она, наверное, думала, что Марк меня изнасиловал, что он был извращенцем, преследовавшим молоденьких девушек. В одном я с ним согласна: люди не понимают, какие у них с Кэти были отношения, и никогда не поймут.

В глубине души я надеюсь, что загробная жизнь существует и там они смогут быть вместе, все наладится и Кэти обретет счастье. При всей моей ненависти к нему, мне кажется, что он мог бы сделать Кэти счастливой.

Ощутив себя чистой, по крайней мере, настолько, насколько это вообще возможно, я пошла к себе в комнату и устроилась на подоконнике, потому что там мне думается лучше всего. Я закурила и стала размышлять, как поступить дальше. Мне отчаянно хотелось поговорить с мамой, посоветоваться с ней, но я не могла, потому что обязательно расплакалась бы, а чем ей

это поможет? Я не знала, стоит ли рассказывать Джулии о том, что мне сообщил Марк. Могу ли я рассчитывать, что она поступит правильно?

Не исключено. Когда я сказала, что мама не совершала самоубийства, я думала, она заявит, что я ошибаюсь или сошла с ума, но она приняла это как должное. Без всяких вопросов. Словно уже знала. Или всегда знала.

Я даже не была уверена, рассказал ли Марк мне правду, хотя трудно представить, что такое можно придумать. Зачем указывать на миссис Таунсенд, если есть куда более подходящие кандидатуры? Например, Луиза. Конечно, он мог ощущать вину за горе, которое и так уже принес этой семье…

Я не знаю, говорил ли Марк правду или лгал, но он заслужил все то, что я сказала и сделала. Он заслужил все, что получил.

Джулс

Смыв с себя всю грязь, Лина спустилась на кухню, села за стол и стала жадно есть. А когда закончила, улыбнулась и поблагодарила. Я невольно вздрогнула, потому что, один раз увидев, уже не могла этого не замечать. У нее была улыбка отца.

Интересно, что еще она от него унаследовала?

— Что-то не так? — вдруг спросила Лина. — Ты на меня так странно смотришь.

— Извини. — Я смутилась, покраснев. — Я просто… я ужасно рада, что ты дома и с тобой все в порядке.

— Я тоже.

Я немного помолчала, прежде чем продолжить:

— Я понимаю, что ты устала, но я должна спросить о том, что сегодня случилось. О браслете.

Она отвернулась и посмотрела в окно.

— Да, я понимаю.

— Он был у Марка?

Она снова кивнула.

— И ты его у него забрала?

— Он сам мне его отдал, — произнесла она со вздохом.

— А зачем он его отдал? И главное, откуда он у него?

— Я не знаю.

Она повернулась ко мне, но в ее глазах ничего нельзя было прочитать.

— Он сказал, что нашел его.

— Нашел? Где?

Она не ответила.

— Лина, нам надо сообщить об этом в полицию,

они должны знать.

Она встала, отнесла тарелку в раковину и проговорила, не оборачиваясь:

— Мы заключили сделку.

— Какую сделку?

— Что он отдаст мне браслет и отпустит домой, а я скажу полиции, что солгала насчет него и Кэти, — ответила она неестественно беспечным тоном, моя посуду.

— И он тебе поверил?

Она пожала худенькими плечиками.

— Лина, скажи мне правду. Ты думаешь… ты считаешь, что твою маму убил Марк Хендерсон?

Она повернулась ко мне:

— Я говорю правду. Я не знаю. Он сказал, что нашел его в кабинете миссис Таунсенд.

— Хелен Таунсенд?

Лина кивнула.

— Жены Шона? Вашего директора? Но как браслет мог у нее оказаться? Я не понимаю…

— Я тоже, — тихо отозвалась она.

Я заварила чай, и мы пили его в молчании. Я взяла браслет Нел и принялась его разглядывать. Лина сидела, свесив голову и опустив плечи. Я потянулась к ней и сжала ее пальцы.

— Ты устала. Тебе надо поспать.

Она кивнула и сонно посмотрела на меня:

— А ты можешь пойти со мной? Пожалуйста! Я не хочу оставаться одна.

Я пошла за ней наверх, но не в ее, а в твою комнату. Она легла на твою кровать, пристроила голову на подушке и похлопала по месту рядом.

— Когда мы только-только сюда приехали, — начала она, — я не могла засыпать одна.

— Из-за звуков? — спросила я, устраиваясь рядом.

Она кивнула:

— Всякие скрипы, стоны…

— И страшные истории, которые рассказывала мама?

— Точно. Я всегда приходила сюда и засыпала, только когда она была рядом.

У меня к горлу подкатил ком.

— Я тоже так делала — засыпала с мамой.

Она уснула. Я лежала и разглядывала ее лицо, которое во сне было так похоже на твое. Мне хотелось до нее дотронуться, погладить по голове, по-матерински приласкать, но я побоялась ее разбудить, потревожить или сделать что-нибудь не так. Я понятия не имею, что такое быть матерью. За всю свою жизнь я ни разу не ухаживала за ребенком. Жаль, что ты не можешь со мной по-

делиться, сказать, как я должна себя вести и что чувствовать. Я сидела рядом, и меня переполняла нежность, но я чувствовала ее по отношению к тебе и нашей маме. Заметив, что ее зеленые глаза вдруг приоткрылись и уставились на меня, я вздрогнула.

— Почему ты все время так на меня смотришь? — прошептала она, едва заметно улыбаясь. — Это очень странно.

— Извини, — сказала я и перевернулась на спину.

Она взяла меня за руку:

— Все в порядке. Странно — это не обязательно плохо. Странное может быть хорошим.

Мы лежали, держась за руки. Я слышала, как ее дыхание участилось, а затем снова выровнялось.

— Знаешь, я не понимаю, — прошептала она, — за что ты ее так ненавидела.

— Я не…

— Она тоже не понимала.

— Я знаю, — вздохнула я, — знаю, что не понимала.

— Ты плачешь. — Она дотронулась до моего лица и вытерла мне слезы.

Я ей рассказала. Рассказала твоей дочери все, что должна была рассказать тебе. Рассказала, что

подвела тебя, что поверила в худшее, что позволила себе обвинить тебя.

— Но почему ты ей ничего не рассказала? О том, что произошло на самом деле?

— Все было очень сложно, — ответила я и почувствовала, как она напряглась.

— Что значит «сложно»? В чем тут сложность?

— Наша мама умирала. Родители были в ужасном состоянии, и я не хотела расстраивать их еще больше.

— Но… он же изнасиловал тебя! — возразила она. — Он должен был отправиться за решетку!

— Я думала по-другому. Я же была совсем ребенком. Младше тебя, и не только по возрасту, хотя и это тоже. Я была очень наивной, неопытной, ничего толком не знала. В то время мы ничего не знали про возраст согласия, как вы сейчас. Я думала…

— Ты думала, что он поступил нормально?

— Нет, но я не считала это тем, чем это было на самом деле. Я думала, что изнасилование — это когда мужчина набрасывается на тебя среди ночи в темном переулке и приставляет нож к горлу. Я не думала, что на такое способны школьники вроде Робби, симпатичные парни, гулявшие с самыми красивыми девчонками города. Я не

думала, что такое возможно в гостиной твоего собственного дома, что потом они с тобой разговаривают, спрашивают, насколько тебе это понравилось. Я считала, что сама что-то сделала не так, недостаточно ясно дала понять, что не хочу этого.

Лина немного помолчала, но потом заговорила уже громче и настойчивее:

— Ладно, может, тогда ты и не хотела ничего рассказывать, а потом? Почему потом ты ей не объяснила, что случилось той ночью?

— Потому что я неправильно поняла ее слова, — ответила я. — Абсолютно неправильно. Я была уверена, что она знала о случившемся той ночью.

— Ты решила, что она знала и ничего не сделала? Как ты могла так о ней подумать?

Разве можно это объяснить? Что я соединила твои слова, сказанные той ночью и спустя много времени: «Неужели в глубине души тебе не понравилось?» И придумала объяснение, которое все расставило по своим местам и позволило жить дальше, не задумываясь о том, что произошло на самом деле.

— Я решила, что она встала на его сторону, — прошептала я. — Выбрала его, а не меня. Я не

могла его винить, потому что даже не думала о нем. Если бы я посчитала, что это его вина, и стала думать о нем, все стало бы для меня реальностью. Поэтому… вместо него я думала о Нел.

Голос Лины стал холодным:

— Я не понимаю тебя. Я не понимаю таких людей, как ты, которые во всем видят вину только женщин. Если два человека совершают плохой поступок и один из них — женщина, то виновата обязательно она, так, что ли?

— Нет, Лина, не так, не так…

— Нет, так! Когда муж заводит роман, почему жена всегда ненавидит другую женщину? Почему не своего мужа? Это он ей изменил, это он клялся любить ее вечно и все такое. Так почему же не его сталкивают вниз с проклятого обрыва?

Четверг, 25 августа

Эрин

Рано утром я отправилась на пробежку вверх по реке. Мне хотелось оказаться подальше от Бекфорда и как следует все обдумать, но, хотя воздух после дождя казался удивительно свежим, а на небе не было ни облачка, туман в моей голове продолжал сгущаться. Все запутывалось еще больше.

К тому времени, когда мы с Шоном накануне

вышли от Джулс и Лины, я уже настолько себя завела, что не могла больше сдерживаться и, сидя в машине, прямо спросила его:

— А что было между вами и Нел Эбботт?

Он так резко затормозил, что я едва не вылетела через лобовое стекло. Мы остановились посреди дороги, но Шон, похоже, этого даже не заметил.

— Что ты сказала?

— Может, лучше встать на обочине? — поинтересовалась я, глядя в зеркало заднего вида.

Он в него не смотрел. Я знала, что поступила глупо, задав вопрос сразу в лоб, а не подведя к нему и не попытавшись осторожно выяснить подробности.

— Ты сомневаешься в моем профессионализме? — На его лице появилось упрямое выражение, которое раньше мне видеть не доводилось. — Ну?! Так или нет?

— Я получила информацию, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Мне дали понять, что…

— Дали понять? — переспросил он, будто не веря своим ушам.

Сзади нетерпеливо просигналила машина, и Шон нажал на педаль газа.

— Кто-то дал понять! И ты решила, что это дает

тебе право меня допрашивать?

— Шон, я…

Мы доехали до стоянки возле церкви. Он остановился, потянулся через меня к дверце и открыл ее.

— Ты видела мое личное дело, Эрин? — поинтересовался он. — Потому что твое я читал.

— Сэр, я не хотела вас обидеть, но…

— Убирайся!

Я едва успела захлопнуть дверь, как он рванул с места.

Добравшись до вершины холма к северу от коттеджа, я совсем запыхалась и остановилась, чтобы перевести дух. Было еще очень рано — всего семь часов, — и передо мной открывалась вся долина. Такая мирная и прекрасная. Я приготовилась к спуску, чувствуя, что мне нужна физическая нагрузка, что нужно выложиться, не жалея себя. Разве это не лучший способ обрести ясность мыслей?

Шон вел себя так, словно был виновен. Или задет за живое. Как человек, считавший, что его профессионализм ставится под сомнение безо всяких на то оснований. Он не случайно поднял вопрос о наших личных делах. Его было безупречным, а меня чуть не выгнали из полиции за связь

с более молодым коллегой. Я неслась вниз по склону, не сводя глаз с тропинки, и обрамлявшие ее кусты дрока казались бесформенной желтой массой, проплывавшей мимо. У Шона впечатляющий список задержаний, он пользуется большим уважением среди коллег. Как сказала Луиза, он — хороший человек. Правой ногой я зацепилась за камень и растянулась в пыли, жадно глотая воздух. Шон Таунсенд — хороший человек.

Таких кругом немало. Мой отец считался хорошим человеком. Уважаемым офицером полиции. Однако это не мешало ему избивать нас с братьями до полусмерти, когда он был не в настроении, но кого это волновало? Когда наша мама пожаловалась его коллеге, что он сломал брату нос, тот заметил: «Есть очень тонкая линия, милая, которую тебе лучше не переступать».

Я поднялась и отряхнулась от пыли. Сказать мне было нечего. Я могла остаться по эту сторону тонкой линии, не обращать внимания на слова Луизы, проигнорировать факт возможной связи Шона с Нел Эбботт. Но разве секс не весомый мотив? У него были причины избавиться от Нел, и у его жены тоже. Я вспомнила нашу с ней беседу в школе, как она говорила о Нел и Лине. Что ей так не нравилось? Ее «назойливая демонстрация

сексуальной доступности»?

Я добралась до подножия холма и стала обходить заросли дрока. Коттедж находился всего в паре сотен метров, и я заметила возле него какую-то фигуру. Грузную и сгорбленную, в темном пальто. Это был не Патрик и не Шон. Подойдя ближе, я узнала состарившуюся представительницу готов, медиума и сумасшедшую Никки Сейдж. Она стояла, держась за стену. Лицо у нее побагровело, и казалось, что ее вот-вот хватит удар.

— Миссис Сейдж! С вами все в порядке?

Тяжело дыша, она перевела взгляд на меня и чуть сдвинула на затылок бархатную шляпу с широкими полями.

— Я в порядке, — заверила она, — хотя уже давно не проделывала такой долгий путь. — И, оглядев меня с ног до головы, добавила: — Похоже, вы играли в грязи.

— Да, — согласилась я, безуспешно пытаясь стереть грязь с испачканных брюк. — Упала.

Она кивнула и выпрямилась. Каждый ее вдох и выдох сопровождался хрипом.

— Может, зайдете и немного посидите со мной?

— Там? — Она указала в сторону дома. — Ну уж нет. — Она отошла от стены. — Вы знаете, что тут

произошло? Что сделала Энн Уорд?

— Она убила своего мужа, — ответила я. — А потом утопилась в реке.

Никки пожала плечами и заковыляла к берегу. Я последовала за ней.

— Скорее изгнала нечистую силу, если хотите знать мое мнение. Она избавилась от нечисти, вселившейся в ее мужа. Та покинула его, но осталась в доме. Как вам тут спится?

— Ну, я…

— Меня это не удивляет. Совсем не удивляет. Я бы вас предупредила, но разве бы вы послушали? Это место пропитано нечистью. А почему, по-вашему, Таунсенд считает его своим и ухаживает, как за своей собственностью?

— Понятия не имею. Я думала, он использует его, когда рыбачит.

— Рыбачит! — воскликнула Никки с таким видом, будто никогда не слышала ничего более глупого. — Рыбачит!

— Вообще-то я видела, как он ловил здесь рыбу, так что…

Никки фыркнула и досадливо отмахнулась. Мы были уже у самой кромки воды. Она осторожно вытянула распухшую, со вздувшимися венами ногу в шлепанце, потрогала пальцем воду и удо-

влетворенно хмыкнула.

— Вода здесь холодная. И чистая. — Затем зашла в воду по щиколотки и спросила: — Вы с ним разговаривали? С Таунсендом? Спрашивали про его жену?

— Вы имеете в виду Хелен?

Никки повернулась ко мне, презрительно поморщившись:

— Жену Шона? С лицом, похожим на отлупленную задницу? Она-то тут при чем? Кому она интересна? Все равно что пустое место. Нет, вам нужна жена Патрика, Лорен.

— Лорен? Которая умерла тридцать лет назад?

— Да, Лорен, которая умерла тридцать лет назад! Вы думаете, что мертвые ничего не значат? Что они не умеют говорить? Вам нужно послушать, что они могут сказать. — Она прошла чуть дальше и нагнулась, чтобы намочить руки. — Вот сюда Энн пришла вымыть руки, вот так, только потом пошла дальше…

Мое терпение подходило к концу:

— Мне пора, Никки. Надо еще принять душ и кое-что сделать. Была рада увидеть вас.

Я направилась к дому.

Примерно на полпути Никки снова меня окликнула:

— Вы думаете, что мертвые не говорят? Вам следует послушать, и вы услышите. Вам нужна Лорен, потому что все началось с нее!

Я оставила ее у реки. Я собиралась прийти к дому Шона пораньше, чтобы застать его и отвезти в участок. Тогда у меня точно будет минут пятнадцать. Он не сможет от меня отделаться, выбросить из машины. Говорить с ним следует в участке, в присутствии других полицейских.

От коттеджа до дома Таунсендов не так далеко. Вдоль реки не больше трех километров, но дороги там нет, поэтому пришлось сначала добираться до города и уже оттуда вернуться назад, к их дому. Я оказалась на месте только в девятом часу и опоздала. Машин во дворе не было — он уже уехал. Я понимала, что самым благоразумным было бы развернуться и поехать в участок, но у меня в голове вертелись слова Никки и Луизы, и я решила проверить — вдруг дома окажется Хелен.

Ее тоже не было. Я несколько раз постучала в дверь, но никто не ответил. Я уже направлялась к своей машине, но вдруг подумала, что можно попытать счастья в доме Патрика Таунсенда, который стоял рядом. Но и там никого не оказалось. Я заглянула в окно, но ничего толком не

увидела — только темную пустую комнату. Я вернулась к входной двери и снова постучала. Тишина. Я потрогала ручку, и дверь вдруг открылась. Я восприняла это как приглашение войти.

— Есть кто-нибудь? — позвала я. — Мистер Таунсенд! Вы дома?

Тишина. Я прошла в гостиную — спартанского вида помещение с темным деревянным полом и голыми стенами. Единственным ее украшением служили фотографии в рамках на каминной полке. Патрик Таунсенд в форме — сначала армейской, потом полицейской. И фотографии Шона — совсем маленького и уже подростка, на которых он натянуто улыбался в одинаковой позе и с одинаковым выражением лица. Тут же была и свадебная фотография, сделанная на пороге церкви Бекфорда. Шон на ней выглядел молодым, красивым и несчастным, а Хелен такой же, как сейчас, разве что чуть стройнее. Она казалась более счастливой, несмотря на жуткое свадебное платье, и застенчиво улыбалась в камеру.

У стены напротив окна стоял большой шкаф, в котором, тоже в рамках, были выставлены доказательства карьерных успехов отца и сына: сертификаты, свидетельства и благодарственные письма. Насколько я могла судить, фотографий

матери Шона нигде не было.

Я вышла из гостиной и снова позвала:

— Мистер Таунсенд?

В ответ — снова тишина, отозвавшаяся эхом в коридоре. Дом казался необитаемым, но стерильно чистым: на полках и перилах ни пылинки. Я поднялась на второй этаж. Там располагались две спальни, разделенные стеной, так же скудно обставленные, как и гостиная, но жилые. Причем обе. В спальне с большим окном, выходившим на долину и реку, находились вещи Патрика: у стены стояли начищенные до блеска черные ботинки, в шкафу висели его костюмы. В комнате рядом я увидела аккуратно застеленную односпальную кровать, а на спинке стула — знакомый пиджак, именно в нем была Хелен, когда мы с ней разговаривали в школе. В шкафу висели другие ее вещи — все одинаково бесформенные и исключительно черного, серого или темно-синего цвета.

Мой телефон вдруг издал сигнал, прозвучавший пронзительно громко в похоронной тишине дома. Он извещал о пропущенном звонке и голосовом сообщении от Джулс.

— Сержант Морган, — ее голос звучал официально, — мне нужно с вами встретиться. Это очень срочно. Я приеду к вам в участок. Я… э-э…

мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз. Увидимся в участке.

Я сунула телефон в карман, еще раз зашла в комнату Патрика и быстро ее осмотрела: пробежала взглядом по книгам на полках, заглянула в ящик тумбочки. Там хранились старые фотографии — Шон и Хелен на рыбалке возле коттеджа: вот они с довольным видом опираются на свою новую машину; вот Хелен гордо и в то же время смущенно смотрит в объектив перед зданием школы; вот она с кошкой на руках на заднем дворе. Хелен, Хелен, Хелен…

Я услышала шум, щелчок, звук отодвигаемой задвижки и скрип половиц. Быстро вернув фотографии на место, я тихо выскользнула в коридор. И тут же замерла на месте. У лестницы стояла Хелен с ножом в левой руке и сжимала лезвие так сильно, что на пол капала кровь.

Хелен

Хелен не понимала, почему Эрин Морган разгуливает по дому Патрика, словно хозяйка, но в тот момент ее больше волновала кровь на полу. Патрик любил порядок в доме. Она принесла с кухни тряпку и принялась вытирать пол, но из-за глубокого пореза на ладони закапала его кровью еще больше.

— Я резала лук, — объяснила она детективу. — Вы меня напугали.

Это была неправда, потому что лук она перестала резать, как только заметила, что к их дому подъехала машина. Замерев на месте с ножом в руке, она наблюдала, как Эрин стучалась в дверь и ходила по дому Патрика. Хелен знала, что Патрика нет, и думала, что детектив сразу уедет. Но потом вспомнила, что, уходя утром, не заперла входную дверь, и решила пойти посмотреть, по-прежнему не выпуская нож из рук.

— Рана глубокая, — сказала Эрин. — Вам надо ее обработать и перевязать. — Она спустилась вниз и наблюдала, как Хелен вытирает пол. Она вела себя в доме Патрика так, будто имела полное право в нем находиться.

— Он с ума бы сошел, если бы это увидел, — пробормотала Хелен. — Он любит порядок в доме. Всегда любил.

— А вы… следите тут за порядком?

Хелен бросила на нее испытующий взгляд.

— Я ему помогаю. Конечно, почти со всем он справляется сам, но годы берут свое. Кроме того, он помешан на порядке. Его покойная жена была грязнулей. Это его слово, старомодное. Теперь нельзя говорить «потаскуха», верно? Это не по-

литкорректно. — Она выпрямилась и посмотрела на Эрин, держа окровавленную тряпку перед собой.

Боль в руке была острой, как от ожога. Хелен уже не знала, кого бояться и в чем себя винить, но чувствовала, что Эрин следует задержать и выяснить цель ее визита. А там, если повезет, вернется Патрик, который наверняка захочет с ней побеседовать.

Хелен вытерла ручку ножа тряпкой.

— Не желаете чашку чая, детектив? — предложила она.

— С удовольствием, — согласилась Эрин, но улыбка сползла с ее лица, когда Хелен заперла входную дверь на ключ, положила его в карман и прошла на кухню.

— Миссис Таунсенд… — начала Эрин, но Хелен не дала ей договорить:

— Вам с сахаром?

В подобных ситуациях лучшая тактика — сбить противника с толку. Хелен знала это из многолетнего опыта общения с чиновниками сферы государственного образования. Не делайте того, чего от вас ждут, это сразу озадачит собеседника и как минимум позволит выиграть время. Поэтому, вместо того чтобы закатить скандал женщине,

без спроса проникшей в их дом, Хелен была сама любезность.

— Вы уже нашли его? — поинтересовалась она, передавая Эрин чашку. — Марка Хендерсона? Он уже где-нибудь засветился?

— Нет, — ответила Эрин. — Пока нет.

— Машина брошена на обрыве, и нигде нет его следов, — вздохнула Хелен. — Но самоубийство ведь может считаться признанием вины, правда? Судя по всему, к этому все идет. Как это ужасно!

Эрин кивнула. Было видно, что Хелен нервничает, все время поглядывает на дверь и проверяет ключ в кармане.

— Ужасно для нашей школы, ее репутации. Репутация всего города снова запятнана…

— Вы поэтому так не любили Нел Эбботт? — спросила Эрин. — Потому что ее работа бросала тень на репутацию Бекфорда?

Хелен нахмурилась:

— В том числе. Она была плохой матерью, как я вам уже говорила, неуважительно относилась ко мне и к традициям и правилам нашей школы.

— А она была потаскухой?

— Прошу прощения? — удивленно рассмеялась Хелен.

— Мне интересно, считали ли вы Нел Эбботт

потаскухой, если использовать политически некорректное слово. Я слышала, что у нее были романы кое с кем из жителей вашего города.

— Мне об этом ничего не известно, — заявила Хелен, чувствуя, как лицо заливает краска, и зная, что уже не является хозяйкой положения. Она поднялась, подошла к раковине и стала смывать кровь с ножа. — Я не претендую на знание личной жизни Нел Эбботт, — тихо произнесла она.

Хелен чувствовала на себе взгляд детектива, внимательно наблюдавшей за выражением ее лица и движением рук. Предательская краска заливала уже шею и грудь, выдавая ее волнение. Она постаралась говорить самым непринужденным тоном:

— Но я бы не удивилась, если бы узнала, что она была не слишком разборчива в связях. Ей нравилось обращать на себя внимание.

Ей хотелось прекратить эту беседу. Хотелось, чтобы детектив ушла, а Шон и Патрик оказались дома. Хотелось внести во все ясность, признаться в собственных грехах и потребовать от них того же. Конечно, они совершали ошибки, но Таунсенды были хорошей семьей. И хорошими людьми. Им нечего бояться. Она повернулась к детективу, изо всех сил стараясь казаться уверенной в себе,

но ее руки тряслись так сильно, что она боялась уронить нож. Но разве ей есть чего бояться?!

Джулс

Когда я уходила утром, Лина еще крепко спала, и я оставила ей записку, в которой сообщила, что мы должны встретиться в одиннадцать в полицейском участке, где ей нужно дать показания. Но сначала мне надо было поговорить, и в этом разговоре могли участвовать только взрослые. Теперь я должна думать как мать. И защитить Лину от возможных неприятностей.

Я поехала в участок, по дороге позвонила Эрин и предупредила, что скоро буду. Мне хотелось поговорить именно с ней, и чтобы нам никто не мешал.

«Так почему же не его сталкивают вниз с проклятого обрыва?» Вчера ночью Лина говорила о Шоне Таунсенде. Сейчас все вышло наружу: Шон влюбился в Нел, а Нел — как считала Лина — увлеклась Шоном. Их связь закончилась. Как объяснила Нел, «всему приходит конец», но Лина ей не поверила. Как бы то ни было, Хелен, наверное, узнала об измене мужа и решила отомстить. Теперь уже я разозлилась: почему она не рассказала мне раньше? Шон возглавлял расследование смерти Нел, хотя абсолютно не имел

на это права.

— Он любил ее, — возразила Лина. — И потому сделает все, чтобы выяснить правду.

— Но, Лина, как ты не понимаешь…

— Он хороший человек, Джулия. Как я могла сказать? У него были бы неприятности, а он их не заслуживает. Он хороший человек.

Эрин не ответила на звонок, и я оставила ей голосовое сообщение и поехала в участок. Добравшись до места, я снова позвонила, но она опять не взяла трубку, и я решила ее подождать. Через полчаса я все-таки направилась в участок. Если там окажется Шон, я скажу, что перепутала время, считала, что встреча назначена на девять, а не на одиннадцать. Что-нибудь придумаю.

Как выяснилось, его тоже не было. Как и Эрин. Дежурный сообщил, что Шон уехал в Ньюкасл и пробудет там весь день, а где Эрин, он не знает, но ждет ее появления с минуты на минуту.

Я вернулась к машине, достала из кармана браслет, — для надежности я убрала его в пластиковый пакет. На всякий случай. Шансы, что на нем сохранились отпечатки пальцев или следы ДНК, были очень малы, но вдруг. Очень мало не значит ничего. И они давали надежду на получение ответов. Никки уверена, что ты

умерла, потому что узнала нечто о Патрике Таунсенде; Лина считает, что ты умерла, потому что влюбилась в Шона, а он в тебя, а ревнивая и мстительная Хелен не смогла это пережить. Куда бы я ни бросала взгляд, везде он упирался в Таунсендов. Метафорически. А буквально я увидела в зеркале заднего вида грузную фигуру Никки Сейдж. Она шла по стоянке, с трудом переставляя больные ноги, и ее лицо под широкими полями мягкой шляпы было багровым. Она добралась до моей машины и оперлась на нее перевести дух. Сквозь открытое окно я слышала, с каким трудом она дышит.

— Никки. — Я вылезла из машины. — С вами все в порядке?

Она не ответила.

— Никки?

Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

— Не могли бы вы меня подвезти? — задыхаясь, попросила она. — Я на ногах уже много часов.

Я помогла ей сесть в машину. Одежда на ней промокла от пота.

— Никки, где вы были? Что делали?

— Ходила к коттеджу Уордов, — прохрипела она. — Слушала реку.

— Река же течет прямо рядом с вашим домом!

Она покачала головой:

— Не та река. Вы думаете, она везде одинаковая, но она меняется. Там у нее другая душа. Иногда приходится пройтись, чтобы услышать ее голос.

Перед мостом я повернула налево в сторону площади:

— Я правильно еду? Нам туда?

Она кивнула, все еще жадно хватая ртом воздух.

— Наверное, вам стоит попросить кого-нибудь вас туда отвезти, когда захотите побывать там в следующий раз.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза:

— Предлагаете свои услуги? Я не думала, что вы тут останетесь.

Добравшись до ее дома, мы еще посидели в машине. У меня не хватило духу сразу отправить ее подниматься по лестнице к себе в квартиру, и мне пришлось выслушать, почему я должна остаться в Бекфорде, почему для Лины лучше быть у воды и почему я никогда не услышу голос сестры, если уеду.

— Но я не верю во все это, Никки, — сказала я.

— Еще как верите! — возразила она сварливо.

— Ладно. — Я не собиралась спорить. — И все

же. Зачем вы ходили к коттеджу Уордов? Там сейчас живет Эрин Морган, верно? Вы ее случайно не видели?

— Видела. Сначала она отправилась на пробежку. А потом снова куда-то понеслась. Но она ищет не там, идет по ложному следу. Зациклилась на Хелен Таунсенд, а я ей говорила, что заниматься надо не Хелен. Но меня никто не слушает. Я ей говорила, что заняться надо Лорен, а не Хелен. Но меня никто никогда не слушает.

Она сообщила мне адрес Таунсендов. И предупредила: если старик заподозрит, что мне что-то известно, быть беде. Нужно действовать по-умному. Я не стала ей ничего говорить о браслете и о том, что по ложному следу идет не Эрин, а она.

Эрин

Хелен продолжала с надеждой поглядывать в окно, как будто кого-то ждала.

— Вы ждете Шона, верно? — спросила я.

Она покачала головой:

— Нет. Зачем ему возвращаться? Он поехал в Ньюкасл докладывать начальству о скандале с Хендерсоном. А вы разве не в курсе?

— Он мне не сказал. Наверное, забыл.

Она недоверчиво подняла брови.

— Он же бывает рассеянным, правда? — про-

должала я.

Ее брови поднялись еще выше.

— Я не имею в виду, что это как-то сказывается на работе, но иногда…

— Прекратите нести чушь! — резко оборвала она.

Ее реакцию невозможно было предугадать. Вежливость неожиданно сменялась раздражением, а волнение — агрессией. То она злилась, то вдруг пугалась. Меня это очень беспокоило. Эта тихая и бесцветная женщина, сидевшая напротив, внушала мне страх. Я не знала, что она сделает в следующий момент: предложит еще чаю или бросится на меня с ножом.

Неожиданно она резко отодвинула стул — его ножки проскребли по кафелю, — поднялась и подошла к окну.

— Его нет уже очень давно, — тихо произнесла она.

— Кого? Патрика?

Хелен не ответила.

— По утрам он ходит на прогулку, но обычно не задерживается так долго. Он плохо себя чувствует. Я…

— Вы хотите пойти его поискать? Я могу пойти с вами.

— Он ходит к этому коттеджу почти каждый день, — продолжала она, словно не замечая моего присутствия и не слыша меня. — Я не знаю почему. Шон водил ее туда. Там они… Господи, я не знаю! Не знаю, что делать. Даже перестала понимать, что хорошо, а что плохо. — Она сжала руку в кулак, и на белом бинте проступило пятно крови. — Я была так счастлива, когда Нел Эбботт умерла. Мы все были. Испытали настоящее облегчение. Но ненадолго. Потому что теперь я не знаю, не обернется ли эта смерть более серьезными неприятностями. — Наконец она повернулась ко мне: — Зачем вы сюда явились? Только, пожалуйста, не лгите, потому что сегодня я не в том настроении.

Она подняла руку и вытерла рот, оставив на губах кровавый след.

Я вынула из кармана телефон.

— Думаю, что мне пора, — сказала я, медленно поднимаясь из-за стола. — Я пришла поговорить с Шоном, но раз его нет…

— А он вовсе не рассеянный, — вдруг произнесла она, делая шаг влево, чтобы оказаться между мной и входной дверью. — Да, он иногда уходит в себя, но это совсем другое. Нет, если он не сообщил вам, что уезжает в Ньюкасл, то только

потому, что не доверяет вам. И я не знаю, могу ли доверять вам сама. Поэтому спрашиваю в последний раз: зачем вы сюда явились?

Я кивнула, усилием воли заставив плечи опуститься, чтобы хоть немного расслабиться.

— Как я уже сказала, я хотела поговорить с Шоном.

— О чем?

— О его ненадлежащем поведении, — ответила я. — О его связи с Нел Эбботт.

Хелен шагнула ко мне, и у меня засосало под ложечкой.

— Последствий избежать не удастся, — заметила она, печально улыбнувшись. — Как мы могли считать, что их не будет?

— Хелен, мне просто нужно знать…

Я услышала, как хлопнула входная дверь, и быстро сделала шаг назад. В комнату вошел Патрик.

На мгновение мы все замерли. Он смотрел мне прямо в глаза, поигрывая желваками. Затем снял пиджак и повесил его на спинку стула. Потом взглянул на Хелен, увидел кровь на повязке и заволновался:

— Что случилось? Это она? Милая…

Хелен покраснела, и внутри у меня все сжа-

лось.

— Это ерунда, — быстро сказала она. — Пустяки. Она тут ни при чем. Я нечаянно поранилась, когда резала лук…

Патрик перевел взгляд на другую ее руку, все еще сжимавшую нож. Потом осторожно забрал его.

— Что она тут делает? — поинтересовался он, не глядя на меня.

Хелен повернулась, чтобы посмотреть на меня, затем снова перевела взгляд на свекра.

— Детектив задавала вопросы о Нел Эбботт, — она с трудом сглотнула, — и Шоне. О его профессиональной этике.

— Мне надо кое-что прояснить. Это процедурный вопрос, связанный с расследованием.

Патрику, похоже, это было неинтересно. Он сел за кухонный стол, по-прежнему не глядя на меня.

— А ты знаешь, — обратился он к Хелен, — почему ее перевели сюда? Я навел справки — у меня остались связи — и поговорил с бывшим коллегой, который теперь служит в Лондоне. Он сообщил, что эта замечательная сыщица лишилась места в столице, потому что соблазнила коллегу моложе себя. И не просто коллегу,

а женщину! Представляешь? — Его сухой смех перешел в долгий приступ кашля заядлого курильщика. — И вот теперь она ловит вашего мистера Хендерсона, хотя сама виновна в том же. В превышении власти ради своего сексуального удовлетворения. Но с работы ее не выгнали. — Он закурил. — А теперь она заявляется сюда, чтобы обсудить профессиональную этику моего сына!

Наконец он посмотрел на меня:

— Тебя следовало сразу выкинуть из полиции, но потому что ты женщина, да еще лесбиянка, тебе это сошло с рук. Вот что они называют равноправием! — Он усмехнулся. — А можешь себе представить, что было бы, окажись на ее месте мужчина? Если бы Шона поймали на связи с одним из его подчиненных, его бы вытолкали в момент.

Я сжала кулаки, чтобы унять дрожь.

— А как насчет связи Шона с женщиной, которая закончилась ее смертью? — поинтересовалась я. — Что, по-вашему, с ним было бы тогда?

Патрик оказался очень проворным для своего возраста: в один миг он вскочил, опрокинув стул, и схватил меня за горло.

— Думай, что говоришь, грязная сука! — прошипел он, обдавая меня кислым запахом табачного

дыма.

Я с силой толкнула его в грудь, и он ослабил хватку. Потом сделал шаг назад и опустил руки, все еще сжимая кулаки.

— Мой сын не сделал ничего плохого, — тихо произнес он. — Если ты устроишь ему неприятности, подружка, я устрою их тебе. Поняла? Получишь их с процентами.

— Папа, — вмешалась Хелен. — Довольно. Ты ее напугал.

Он повернулся к невестке с улыбкой.

— Знаю, милая. Этого я и хотел, — ответил он и перевел взгляд на меня: — По-другому кое-кто из них просто не понимает.

Джулс

Я оставила машину на съезде к дому Таунсендов. Необходимости в этом не было, потому что возле дома места для парковки хватало, но мне казалось, что поступить нужно именно так. Как будто я должна подобраться скрытно и застать их врасплох. Во мне вновь проснулась храбрость, переполнявшая меня в день встречи с тем, кто меня изнасиловал. С браслетом в кармане, расправив плечи и преисполненная решимости, я быстро пересекла залитую солнцем лужайку. Я пришла ради своей сестры, пришла, чтобы решить все

вопросы. Я чувствовала себя уверенно. И ничего не боялась.

Я ничего не боялась, пока дверь не открыл Патрик Таунсенд с перекошенным злобой лицом и с ножом в руке.

— Что надо? — спросил он.

Я отступила на пару шагов назад от двери:

— Я…

Он собирался захлопнуть дверь перед моим носом, а я слишком растерялась, чтобы сказать то, что собиралась. «Это его рук дело. И с Лорен, и с твоей сестрой», — предупреждала Никки.

— Я была…

— Джулс? — послышался голос из глубины дома. — Это вы?

Ситуация была странной. Посреди кухни стояли Хелен с окровавленной повязкой и кровью на лице и Эрин, тщетно пытающаяся делать вид, что контролирует ситуацию. Она встретила меня радостной улыбкой:

— Что вы тут делаете? Мы же должны были увидеться в участке.

— Да, я знаю, я…

— Выкладывай! — пробурчал Патрик с таким видом, что у меня по коже побежали мурашки, а дыхание участилось. — Эбботты! Господи, что

за семейка! — воскликнул он и бросил нож на стол. — Знаешь, а я тебя помню. Ты в детстве была толстой, верно? — Он повернулся к Хелен: — Она была на редкость толстой уродиной. А родители! Жалкие личности!

Он снова повернулся ко мне, и руки у меня задрожали.

— У твоей матери еще имелось оправдание, потому что она умирала, но кто-то же должен был за вами присматривать! Вы с сестрой росли без присмотра, разве не так? И вот во что все это вылилось. У нее были не все дома, а ты… Ты-то какая? Размазня?

— Довольно, мистер Таунсенд, — вмешалась Эрин и взяла меня за руку. — Пойдемте, нам пора в участок. Надо снять показания Лины.

— Ах да, той девчонки. Она пойдет по стопам своей матери — у нее такой же непотребный вид, такой же поганый язык, такое же лицо, по которому так и хочется залепить пощечину…

— А вы, похоже, долго думали, что сделать с моей несовершеннолетней племянницей, — громко произнесла я. — Вы это называете достойным поведением?

Меня снова захлестнула ярость, и Патрик этого не ожидал.

— Ну? Это так? Мерзкий старик! — Я повернулась к Эрин: — Я еще не готова уйти. Но я рада, что вы здесь, Эрин, и думаю, что ваше присутствие более чем уместно, потому что я пришла поговорить не с ним, — я кивнула в сторону Патрика, — а с ней. С вами, миссис Таунсенд.

Дрожащей рукой я вытащила из кармана маленький пластиковый пакет и положила его на стол рядом с ножом.

— Я хотела узнать у вас: когда вы сняли этот браслет с руки моей сестры?

Глаза у Хелен расширились, и я поняла, что она виновна.

— Откуда у вас браслет, Джулс? — удивилась Эрин.

— От Лины, которая получила его от Марка Хендерсона. А он забрал его у Хелен. Она, судя по выражению ее лица, забрала его у моей сестры перед тем, как ее убить.

Патрик разразился громким фальшивым смехом.

— Она взяла его у Лины, которая взяла у Марка, который взял у Хелен, которая взяла его у феи с гребаной новогодней елки. Извини, дорогая, — обратился он к Хелен, — не мог сдержаться, когда услышал всю эту чушь.

— Браслет был у вас в офисе, Хелен? — спросила я и посмотрела на Эрин. — На нем должны быть отпечатки пальцев и ДНК, так ведь?

Патрик снова хмыкнул, но Хелен была объята ужасом.

— Нет, я… — наконец выдавила из себя она, переводя взгляд с меня на Эрин, а потом на свекра. — Он был… Нет! — Она глубоко вздохнула. — Я нашла его. Но я не знала… не знала, что это ее. Я просто… сохранила его. Хотела отдать в бюро находок.

— А где вы его нашли, Хелен? — поинтересовалась Эрин. — В школе?

Хелен взглянула на Патрика, потом снова на детектива, словно решая, поверят ли ей, если она солжет:

— Я думаю, что… да, я нашла. И… э-э… я не знала, чей он, поэтому…

— Моя сестра носила этот браслет постоянно, — вмешалась я. — На нем инициалы моей матери. Я не верю, что вы не знали, чей он и как важна эта улика.

— Я не знала, — повторила Хелен дрогнувшим голосом и покраснела.

— Конечно, не знала! — вдруг закричал Патрик. — Конечно, не знала, чей он и откуда взял-

ся. — Он быстро подошел к ней и положил ей руку на плечо. — Хелен нашла этот браслет в машине, а оставил его там я. По неосмотрительности. Я собирался его выбросить, но… память стала мне изменять. Я стал забывчивым, да, милая?

Хелен молчала и не шевелилась.

— Пусть так, — согласилась Эрин. — А как он оказался у вас?

Он посмотрел мне прямо в глаза и ответил:

— А где, по-твоему, я мог его взять, бестолочь? Я сорвал его с руки этой шлюхи, прежде чем столкнул ее с обрыва.

Патрик

Он любил ее давно, но особенно остро это почувствовал, когда она бросилась на его защиту.

— Все было не так! — Хелен вскочила. — Это не… не надо! Не надо брать на себя вину, папа, все было не так! Вы не… вы даже не…

Патрик улыбнулся ей и протянул руку. Она взяла ее и прижалась к нему. Она была мягкой, но не слабой; ее скромная и заурядная внешность, которой она ничуть не стыдилась, значили для него куда больше любой внешней красоты. Он был тронут до глубины души и почувствовал, как его сердце застучало сильнее, разгоняя по жилам кровь.

Все молчали. Сестра Нел беззвучно плакала, шевеля губами и не произнося ни слова. Детектив не спускала глаз с него и Хелен. Она начинала понимать.

— Вы?.. — Она покачала головой, не находя слов. — Мистер Таунсенд, я…

— Ну же, в конце концов! — Он вдруг разозлился и захотел оказаться подальше от убитой горем женщины. — Ты же офицер полиции, так выполняй свой долг!

Эрин сделал глубокий вдох и подошла к нему:

— Патрик Таунсенд, вы арестованы по подозрению в убийстве Даниэлы Эбботт. Вы имеете право хранить молчание…

— Да, да, довольно, — устало произнес он. — Да знаю я, все это знаю. Господи! Такие, как ты, никогда не понимают, когда надо заткнуться. — Потом он повернулся к Хелен: — Но ты, милая, не такая. Ты знаешь, когда можно говорить, а когда лучше промолчать. Расскажи им правду, девочка.

Она заплакала, и ему больше всего на свете захотелось снова оказаться с ней в комнате наверху, в самый последний раз, пока его не увели навсегда. Он поцеловал ее в лоб и попрощался, после чего последовал за детективом.

Патрик никогда не верил в мистику, во внут-

реннее чувство и интуицию, но такого исхода в глубине души ждал. Ждал развязки. Он почувствовал это задолго до того, как из воды вытащили холодное тело Нел Эбботт, но посчитал признаком старения. В последнее время его разум стал проделывать с ним фокусы, с необыкновенной яркостью и четкостью вызывая в памяти картины прошлого и размывая настоящее. Он понимал, что это начало необратимого процесса, долгого прощания, которое изъест его. Он должен быть благодарен, что хотя бы успел навести порядок и не потерял самообладания. Он понимал, что это был единственный способ спасти остатки построенной ими жизни, но кому-то придется за это заплатить.

Когда его привели на первый допрос в полицейском участке Бекфорда, Патрик сначала думал, что не переживет такого унижения, однако справился. К его удивлению, он чувствовал облегчение. Ему хотелось все рассказать. Раз уж все выплыло наружу, то узнать обо всем нужно от него, пока он еще соображал и разум не успел его покинуть. Он ощущал не только облегчение, но и гордость. Всю свою жизнь он испытывал желание рассказать о том, что в действительности произошло той ночью, когда Лорен рассталась с

жизнью, но не мог этого сделать. Он скрывал это из любви к сыну.

Он говорил простыми короткими предложениями. Излагал все очень ясно. Заявил, что хочет признаться в убийстве Лорен Слейтер в 1983 году и Даниэлы Эбботт в 2015-м.

С Лорен, понятно, никаких трудностей не возникло. Они поругались дома. Она набросилась на него, он защищался, и в процессе борьбы она получила травмы, несовместимые с жизнью. Поэтому, чтобы избавить сына от правды, а себя — он это признал — от тюрьмы, он отвез ее тело на реку, отнес на обрыв и уже мертвую сбросил вниз.

Сержант уголовной полиции Морган вежливо его слушала, но тут остановила.

— Ваш сын все это время был с вами, мистер Таунсенд? — спросила она.

— Он ничего не видел, — ответил Патрик. — Он был слишком мал и слишком напуган, чтобы понять, что происходит. Он не видел, как его мать получила травмы, и не видел, как она летела с обрыва.

— Он видел, как вы бросили ее вниз?

Патрику потребовалось собрать все силы, чтобы не перегнуться через стол и не ударить ее.

— Он ничего не видел. Мне пришлось посадить его в машину, я не мог оставить шестилетнего ребенка одного дома в грозу. Будь у вас дети, вы бы это поняли. Он ничего не видел. У него все в голове перепуталось, и я рассказал ему… версию правды, в которую он мог поверить. И убедить самого себя, что так и было.

— Версию правды?

— Я рассказал ему историю — так поступают с детьми, говоря о вещах, которые они не в состоянии понять. Я рассказал ему историю, с которой он мог жить, с которой его жизнь не превратилась бы в кошмар. Неужели непонятно? — Несмотря на все усилия, ему не удалось сохранить спокойствие. — Я не мог оставить его одного. Его мать умерла, а если бы я сел за решетку, то что бы с ним стало? Какая бы жизнь его ждала? Его бы отправили в приют. Я видел тех, кто вырос в приюте, — никому еще не удавалось выйти оттуда нормальным. Я защищал его, — Патрик чувствовал, как его переполняет гордость, — всю жизнь.

Рассказывать о Нел Эбботт, по понятным причинам, было сложнее. Узнав, что она общалась с Никки Сейдж и отнеслась к ее версии смерти Лорен серьезно, он забеспокоился. Не потому, что она могла пойти в полицию, нет. Ее не волновало

правосудие или что-нибудь еще, но она была одержима идеей превратить свой никчемный проект в настоящую сенсацию. Для него главным было то, что она могла своими откровениями расстроить Шона. Он опять-таки защищал сына.

— Именно так поступают отцы, — подчеркнул он. — Хотя вы об этом можете и не знать. Мне говорили, что ваш любил выпить. И нрав у него был крутой. — Патрик улыбнулся, видя, как вздрогнула Эрин Морган, подтверждая, что его удар достиг цели.

Он сказал, что договорился встретиться с ней на обрыве вечером.

— И она согласилась?! — не поверила детектив Морган.

Патрик улыбнулся.

— Вы ее не знали. Вы понятия не имеете, какой у нее был гонор и как много она о себе мнила. От меня-то и требовалось всего лишь пообещать, что я покажу ей, как все произошло той ночью с Лорен, на том самом месте. Пообещать рассказать то, что еще никому не рассказывал, что она будет первой, кто узнает правду. А там, наверху, все было уже просто. Она перед этим выпила и нетвердо держалась на ногах.

— А браслет?

Патрик поерзал на стуле и заставил себя посмотреть детективу Морган в глаза.

— Она стала сопротивляться, я схватил ее за руку, она ее выдернула, и браслет соскочил с запястья.

— Но раньше вы говорили, что сорвали его с руки, верно? — Она сверилась с записями. — «Сорвал его с руки этой шлюхи».

Патрик кивнул:

— Да, я был зол, признаю. Я был зол, что она крутила роман с моим сыном, ставя под угрозу его брак. Она соблазнила его. Даже самые стойкие и высокоморальные мужчины могут попасть в сети женщин, которые так себя предлагают…

— Что значит «так»?

Патрик скрипнул зубами.

— Предлагают сексуальную страсть, которой он может быть лишен в семье. Это печально, я знаю. Но такое случается. Меня это злило. А брак моего сына очень прочен.

Увидев, как брови Морган поползли наверх, Патрик снова заставил себя сдержаться.

— Меня это приводило в ярость. Я сорвал браслет у нее с руки. А потом столкнул.

Часть четвертая

Сентябрь

Лина

Я не думала, что захочу уехать, но я не могу каждый день смотреть на реку и переходить ее по мосту по дороге в школу и обратно. Я даже не могу в ней больше плавать. К тому же, сейчас для этого слишком холодно. Завтра мы уезжаем в Лондон. Почти все вещи собраны.

Дом сдадим в аренду. Мне этого не хотелось. Я не хотела, чтобы в наших комнатах жили чужие люди, но Джулс объяснила, что тогда в нем могут поселиться бездомные. Но даже если этого не произойдет, дом начнет разваливаться, потому что поддерживать его будет некому, и такой вариант мне тоже не нравился. В конце концов я согласилась.

Дом по-прежнему будет моим. Мама оставила его мне, поэтому, когда мне исполнится восемнадцать (или двадцать один, или что-то в этом роде), он станет моей собственностью. И я снова буду в нем жить. Я знаю, что буду. Я вернусь сюда, когда боль немного утихнет и я перестану везде

видеть маму.

Мне страшновато переезжать в Лондон, но уже не так, как раньше. Джулс (не Джулия) и правда странная и всегда такой останется — чокнутой на всю голову. Но я и сама странная и чокнутая на всю голову, так что мы, наверное, поладим. В ней есть то, что мне нравится. Она готовит мне и трясется надо мной, запрещает курить, заставляет докладывать, куда я иду и когда вернусь. Как делают все матери.

В любом случае, я рада, что мы станем жить вдвоем, что у нее нет мужа или парня, или еще кого-нибудь в этом роде, и что я начну ходить в школу, где никто ничего не будет про меня знать. Джулс сказала, что я смогу стать другой. Мне это показалось странным: разве со мной что-то не так? Но я знаю, что она имела в виду. Я подстриглась и теперь выгляжу иначе, и когда пойду в школу в Лондоне, уже не буду красивой девушкой, которую никто не любит, а буду самой обыкновенной.

Джош

Лина зашла попрощаться. Она подстриглась. И все равно осталась красивой, но не такой, как прежде. Я сказал, что мне больше нравились длинные волосы, а она засмеялась и ответила,

что они отрастут. Еще она пообещала, что мы скоро увидимся, и я обрадовался, что она так думает, хотя сам я в этом сомневался, потому что они переезжают в Лондон, а мы в Девон, что совсем не близко. Она сказала, что это не так уж и далеко — всего часов пять или вроде того, а через несколько лет она получит водительские права и тогда приедет за мной и посмотрит, в какие еще неприятности мы можем угодить.

Мы немного посидели в моей комнате. И испытывали неловкость, потому что не знали, что сказать друг другу. Я спросил, есть ли какие-нибудь новости, а когда увидел, что она не поняла, объяснил, что имел в виду Хендерсона, на что она покачала головой. Было ясно: ей не хочется об этом говорить. Ребята в школе шептались, что она его убила и столкнула с обрыва в море. Говорили, что она заколола его гвоздем. Я думаю, что все это выдумки, но даже если и убила, то я ее не осуждаю.

Я знаю, Кэти бы расстроилась, случись что с мистером Хендерсоном, но как она может об этом узнать? Никакой загробной жизни нет. Имеют значение только те, кто остался жить, и мне кажется, что им стало лучше. Мама с папой по-прежнему несчастливы, но все-таки не так,

как раньше. И они изменились. Может, им стало легче? Оттого что они больше не мучаются вопросом: почему? Теперь они знают причину. Кто-то сказал, что им теперь есть за что держаться, наверное, это так, хотя я никак не могу понять, какой во всем этом смысл.

Луиза

Чемоданы уже лежали в машине, все коробки были подписаны. Они отдадут ключи еще до полудня. Джош и Алек ненадолго отправились в город, чтобы попрощаться с ним и знакомыми, а Луиза осталась.

Дни были разными — одни лучше, другие хуже.

Луиза осталась, чтобы попрощаться с домом, в котором ее дочь прожила всю свою короткую жизнь. Попрощаться с детским ростомером в шкафу под лестницей, с каменной ступенькой в саду, на которой Кэти упала и разбила колено. Тогда Луиза впервые в жизни подумала, что у ее ребенка появится шрам и ее тело не будет совершенным. Она хотела попрощаться с комнатой Кэти, где они с дочерью сидели и болтали, пока та сушила волосы и подкрашивала губы. Она говорила, что потом собирается зайти к Лине, и просила разрешения переночевать у нее. Сколько

раз это было неправдой?

Ей часто не давало спать, среди прочего, воспоминание о том дне, когда она встретила на реке Марка Хендерсона и была тронута его соболезнованиями, выраженными со слезами на глазах.

Лина зашла попрощаться и принесла с собой рукопись Нел, фотографии, записи и флешку со всеми файлами.

— Делайте с этим, что хотите, — произнесла она. — Можете даже сжечь, я не хочу это видеть больше никогда в жизни.

Луиза была рада приходу Лины, но еще больше тому, что ей не придется с ней снова встречаться.

— Вы сможете меня когда-нибудь простить? — спросила Лина. — Когда-нибудь?

И Луиза ответила, что уже простила, хотя это было ложью, сказанной из доброты.

Она надеялась, что ей станет легче, если в душе вместо гнева поселится доброта. Но она знала, что никогда не сможет простить Лину за ее молчание, скрытность, просто за то, что она продолжает жить, а ее дочь нет. Но и ненавидеть ее она не могла. Потому что если во всем этом кошмаре и было нечто, не вызывавшее сомнений, так это любовь Лины к Кэти.

Декабрь

Никки

Все вещи Никки были уложены.

В городе стало тише. Так всегда бывает перед приходом зимы, но и в жизни местных перемен произошло немало. Патрик Таунсенд гнил в камере (ха!), а его сын куда-то отправился в поисках покоя. Удачи ему в этом! Милл-Хаус пустовал, а Лина Эбботт с теткой перебрались в Лондон. Уиттакеры тоже уехали, и уже меньше чем через неделю их дом заняла семья с «Рейндж Ровером», тремя детьми и собакой.

В голове у Никки теперь тоже стало тише. Дженни больше не говорила так громко, как раньше, да и разговоры ее стали больше походить на беседы, а не тирады. В последнее время Никки стала меньше сидеть у окна и больше лежать в кровати. Она чувствовала себя очень усталой, а боль в ногах усилилась.

Утром она уезжает в Испанию, чтобы провести две недели на солнышке. Кроме отдыха ей уже ничего не нужно. Деньги свалились на нее неожиданно: Нел Эбботт завещала десять тысяч фунтов Николе Сейдж, проживающей в Бекфорде на Марш-стрит. Кто бы мог подумать? Но Никки, наверное, не стоит этому удивляться, потому что

Нел была единственной, кто ее слушал. Бедняжка! И чем все закончилось!

Эрин

Я вернулась в Бекфорд накануне Рождества. Даже не могу сказать зачем, вероятно, из-за того, что мне почти каждую ночь снилась река, и я подумала, что поездка туда поможет мне избавиться от наваждения.

Я оставила машину у церкви и направилась на север, к заводи. Поднялась по холму мимо нескольких клумб, на которых умирали прикрытые целлофаном цветы. Дошла до коттеджа. Он стоял сгорбленный и жалкий. Занавески в окнах задернуты, на входной двери растеклась красная краска. Я потрогала ручку — дверь оказалась запертой, поэтому я повернулась и направилась по заиндевевшей траве к отливавшим голубизной тихим водам реки, над которой поднималась похожая на призрак дымка. Изо рта у меня вырывались клубы пара, а уши стало щипать от холода. Надо было надеть шапку.

Я пришла на реку, потому что больше идти было некуда и говорить не с кем. Единственным человеком, с которым мне хотелось пообщаться, был Шон, но разыскать его мне не удалось. Мне сообщили, что он переехал в городок Пи-

ти-Ми в графстве Дарем, — название казалось вымышленным[5], но такой городок действительно существует, правда, Шона в нем не было. По адресу, который мне дали, находился дом с табличкой «Сдается». Я даже связалась с тюрьмой «Франкленд», в которой Патрик проведет остаток своих дней, но мне ответили, что старика никто не навещал.

Я хотела узнать правду. Я надеялась, что Шон ее скажет, тем более в полиции он больше не служил. Я надеялась, что он объяснит, как мог так жить, и ответит, подозревал ли своего отца, когда занялся расследованием смерти Нел. В таком предположении не было никакой натяжки. Как-никак он защищал отца всю свою жизнь.

Река не давала ответов. Когда месяц назад какой-то рыбак, увязнувший в резиновых сапогах в грязи, нашел в ней мобильник Нел Эбботт, во мне затеплилась надежда. Однако ничего нового эта находка нам не принесла. Если в телефоне и имелись компрометирующие фотографии, которые помогли бы разобраться с тем, что осталось неясным, то извлечь их мы не смогли: он даже не включался, его забил ил и испортила вода.

---

[5] Сноски: 5

От англ. Pity Me — дословно можно перевести как «Пожалей меня».

После отъезда Шона мне пришлось заполнить гору бумаг. Началось следствие, возникла куча вопросов, которые так и остались без ответа: что Шон знал и какого черта следствие велось так непрофессионально? Причем не только по делу Нел. Как Хендерсону удалось ускользнуть из-под нашего носа?

Я вновь и вновь прокручивала в голове последний допрос Патрика и его рассказ. Как он схватил Нел за руку и сдернул с нее браслет. Как они боролись на обрыве перед тем, как он столкнул ее вниз. Но на ее руке не было синяков, как не было и царапин на запястье, которые обязательно остались бы, если бы Патрик сорвал браслет. Никаких следов борьбы на обрыве тоже не нашли, и застежка на браслете была целой.

Все это я довела до сведения начальства, но после всего случившегося, после признания Патрика, отставки Шона, всеобщего стремления прикрыть свою задницу и перевести стрелки на других, никого это не интересовало.

Я сидела на берегу и вновь размышляла о том, что в истории с Нел, да и с Кэти тоже, осталось немало белых пятен. Во всяком случае, у меня полной ясности не было.

Хелен

У Хелен была тетка, которая жила к северу от Дарема, неподалеку от Пити-Ми. Она владела фермой, и Хелен помнила, как однажды летом ездила к ней, кормила морковкой осликов и собирала ежевику в зарослях живой изгороди. Тетки уже не было на свете, и фермы, скорее всего, тоже. Городок оказался даже более бедным и убогим, чем ей запомнилось, да и ослики на глаза не попадались, зато он был маленьким, и никому в нем не было до нее дела.

Она нашла работу, правда, намного скромнее той, на которую могла рассчитывать, и сняла маленькую квартирку на первом этаже с внутренним двориком. После обеда туда заглядывало солнце. Приехав сюда, они сняли дом, но однажды утром несколько недель спустя она проснулась и обнаружила, что Шон исчез. Она вернула ключи хозяину и стала искать новое жилье.

Она не стала ему звонить. Знала, что он не вернется. Их семья разрушилась, и разрушилась бы давно, если бы не Патрик: он был связующим звеном, благодаря которому они держались вместе.

Ее сердце тоже было разбито, и ей не хотелось об этом думать. Она не ездила навестить Патрика. Она понимала, что после его признания в хладнокровном убийстве жены и Нел Эбботт она

не должна испытывать к нему даже жалости.

Но слово «хладнокровное» тут не подходило. Хелен понимала, что Патрик видел все только в белом и черном свете и искренне считал, что Нел Эбботт представляла угрозу для их семьи, их единства. Что было правдой. И тогда он решил действовать. И поступил так ради Шона и ради нее. Выходит, действовал он не так уж и хладнокровно.

Но каждую ночь ей снился один и тот же кошмар, как Патрик топит ее кошку. Во сне его глаза были закрыты, а глаза животного вытаращены, и когда кошка, отбиваясь, поворачивалась к ней, глаза у нее были такие же ярко-зеленые, как у Нел Эбботт.

Хелен страдала от одиночества и плохо спала. Несколько дней назад она проехала двадцать километров до ближайшего садоводческого магазина, чтобы купить куст розмарина. А сегодня отправится на Честер-ле-стрит, чтобы забрать из приюта для животных понравившуюся ей кошку.

Январь

Джулс

Это так странно — каждое утро видеть за завтраком сидящую напротив пятнадцатилетнюю

тебя. Она так же, как и ты, не умеет вести себя за столом и так же закатывает глаза, когда ей на это указывают. Она сидит, поджав ноги под стулом и расставив острые коленки, в точности как ты. Когда она слушает музыку или думает, у нее на лице появляется такое же мечтательное выражение, как у тебя. Она своенравная и несносная. Постоянно и фальшиво что-то напевает, совсем как наша мама. А смех у нее папин. Каждое утро, отправляясь в школу, она целует меня в щеку.

Я не могу исправить все то, в чем перед тобой виновата: нежелание тебя выслушать, готовность поверить в худшее о тебе, отказ в помощи, когда ты в ней нуждалась. Я даже не пыталась тебя любить. Но если я ничего не могу сделать для тебя, моим искуплением должен стать акт материнства. Я не сумела быть твоей сестрой, но постараюсь стать матерью для твоего ребенка.

В моей маленькой опрятной квартирке в Сток-Ньюингтоне, что на северо-западе Лондона, она ежедневно устраивает настоящий разгром. От меня требуются огромные усилия, чтобы сохранить присутствие духа и не поддаться панике. Но я стараюсь. Я помню, какую решимость ощутила в тот день, когда встретилась с отцом Лины, и мне хочется снова стать женщиной, похожей на ту.

Чтобы во мне было больше от тебя и от Лины. (Когда Шон Таунсенд подвозил меня до дома после твоих похорон, он сказал, что я на тебя похожа, а я не согласилась, заявив, что я — твой антипод. Я этим гордилась, но сейчас уже нет.)

Я стараюсь получать удовольствие от жизни с твоей дочерью, потому что она — вся моя семья и другой у меня не будет. Она приносит мне радость, а утешение я нахожу в том, что человек, который лишил тебя жизни, и сам скоро отойдет в мир иной. Он расплачивается за то, что сделал со своей женой, своим сыном и с тобой.

Патрик

Патрику больше не снилась жена. Теперь ему снился другой сон, в котором события, произошедшие в тот день у них дома, развивались по-другому. Вместо признания он хватал нож со стола и вонзал его детективу прямо в сердце, а покончив с ней, разбирался с сестрой Нел Эбботт. Возбуждение охватывало его все сильнее, и он, наконец насытившись, вытаскивал нож из груди сестры Нел и переводил взгляд на Хелен, стоявшую рядом. По щекам у нее струились слезы, а с рук капала кровь.

— Папа, довольно, — говорила она. — Ты ее напугал.

Просыпаясь, он каждый раз вспоминал выражение лица Хелен, когда он признался в содеянном. Он был рад, что не видел реакции Шона. Когда тот вернулся вечером в Бекфорд, Патрик уже дал признательные показания. Шон посетил его лишь один раз, еще до суда. Патрик сомневался, что увидит его снова, и это разбивало ему сердце. Потому что все, что он ему рассказывал, вся выстроенная им жизнь были исключительно ради блага сына.

Шон

Я не тот, за кого себя принимаю.

И никогда не был тем, за кого себя принимал.

Когда все начало рушиться, когда я сам стал разваливаться на части после слов, которые Нел не следовало говорить, я старался сохранить рассудок, постоянно повторяя себе: «Все так, как есть и как всегда было. По-другому просто быть не может».

Я был сыном матери, покончившей жизнь самоубийством, и отца — порядочного человека. Я стал офицером полиции. Женился на достойной, добропорядочной женщине и жил достойной, добропорядочной жизнью. Все было просто и ясно.

Конечно, определенные сомнения у меня име-

лись. Отец рассказывал, что после смерти матери я три дня не разговаривал. Но я помнил — мне казалось, что это воспоминание, — наш разговор с доброй и ласковой Дженни Сейдж. Разве не она отвезла меня к себе домой той ночью? Разве мы не сидели на кухне и не ели тосты с сыром? Разве я не сказал ей, что мы поехали на реку вместе? «Все вместе?» — спросила она. Я тогда решил вообще больше ничего не говорить, потому что боялся что-то сделать не так.

Мне казалось, что в машине нас было трое, но отец заверил: мне просто приснился кошмар. И в этом кошмаре меня разбудила не гроза, а крик отца. И мамы. Они кричали друг на друга и оскорбляли. Она — «неудачник, животное», он — «неряха, шлюха, плохая мать». Я услышал громкий удар. Другой звук. А потом вдруг все смолкло, наступила тишина.

Только дождь и гроза.

Затем послышался скрежет отодвигаемого стула и скрип задней двери. В том кошмаре я тихонько спустился вниз и притаился возле кухни, стараясь не дышать. Снова голос отца, уже тихий, что-то неясно бормотавший. И еще — скулила собака. Но собаки у нас не было. (В том кошмаре я даже подумал: может, они ссорятся из-за того,

что мама привела домой бездомного пса? Она на такое вполне была способна.)

В кошмаре я вдруг понял, что остался дома один, и выбежал на улицу. Родители уже садились в машину. Они собирались уехать и бросить меня одного. Я испугался, с криком бросился к машине и забрался на заднее сиденье. Отец вытащил меня, громко ругаясь. Я вцепился в ручку дверцы, лягался, плевался и укусил отца за руку.

В том кошмаре мы ехали втроем: отец за рулем, я сзади, а мама на пассажирском сиденье, только она сидела не ровно, а привалившись к двери. Когда машина резко повернула, голова мамы откинулась, и я увидел на ее лице кровь. Она пыталась что-то сказать, но я не понимал слов: они звучали странно, как будто она говорила на непонятном языке. Лицо у нее тоже выглядело странно: искривленное, рот перекошен, а глаза закатились, и в глазницах виднелись одни белки. Язык вываливался изо рта как у собаки, на губах розовая слюна. В кошмаре она протянула руку и дотронулась до меня. Я в ужасе отпрянул и забился в угол, прижавшись к дверце, стараясь отползти как можно дальше.

Отец объяснил, что мне привиделось в кошмаре, будто мама до меня дотронулась. На самом

деле этого не было. Мне показалось. Точно так же как запомнилось, что мы втроем ездили в Крастер и ели там копченую рыбу, хотя мне было всего три месяца и я никак не мог этого запомнить. Отец сказал, что я увидел снимок коптильни и представил себе, как мы там были. Примерно так.

Это звучало довольно убедительно. Не давало ответов на все вопросы, но все-таки многое объясняло. А в двенадцать лет я вспомнил кое-что еще: я и раньше помнил, как выбежал на улицу под дождь, но на этот раз отец не садился в машину, а заталкивал в нее маму. Усаживал на пассажирское сиденье. Я вспомнил это очень отчетливо, и это не казалось частью ночного кошмара, потому что картинка, выплывшая из глубин памяти, была совсем другой. В ней я тоже боялся, но ужас был не таким, какой я испытал, когда мама потянулась ко мне. Воспоминание меня тревожило, и я спросил об этом отца.

Он тогда ударил меня с такой силой, что я, налетев на стену, вывихнул плечо, но в память врезалось не это, а то, что случилось потом. Отец сказал, что должен преподать мне урок, взял нож для рыбы и аккуратно разрезал кожу у меня на запястье. Это было предупреждением.

«Теперь ты точно запомнишь. И никогда не забудешь. А если забудешь, то в следующий раз будет уже по-другому. — Он приложил кончик лезвия к основанию моей правой ладони и медленно провел им до локтя. — Вот так. Я не хочу больше это обсуждать, Шон. Ты это знаешь. Мы говорили об этом достаточно. Мы не вспоминаем твою мать. То, что она сделала, было постыдным».

Он рассказал мне о Седьмом круге ада, где самоубийцы превращаются в колючий куст и скармливаются Гарпиям. Я спросил, что такое «Гарпия», и он ответил, что ею была моя мать. Это сбивало с толку: превращалась ли она в колючий куст или сама была Гарпией? Я подумал о кошмаре, как она тянулась ко мне в машине, открыв рот и пуская кровавые слюни. Я не хотел, чтобы она кормилась мною.

Когда порез на запястье зажил, выяснилось, что оставшийся шрам оказался очень чувствительным и крайне полезным. Если я начинал терять связь с действительностью, то стоило мне потрогать шрам, как почти всегда я тут же приходил в себя.

Во мне всегда ощущалась линия разлома: с одной стороны, я знал, что тогда случилось,

знал, каким был сам и каким был мой отец, а с другой — смутно чувствовал некую фальшь и диссонанс. Как отсутствие в Библии упоминания о динозаврах — необъяснимо, но факт. Причем факт неоспоримый, потому что, как меня заверяли, и Адам с Евой, и бронтозавры были истинной правдой. Время от времени я замечал, что над линией разлома происходило движение пластов, но по-настоящему разрушительное землетрясение вызвала Нел.

Не сразу. Вначале была она, были наши отношения. Мой рассказ о том, что я считал правдой, ее разочаровал. Но после самоубийства Кэти Нел изменилась. Эта смерть сделала ее другой. Она стала больше общаться с Никки Сейдж и перестала верить тому, что рассказывал я. Версия Никки гораздо больше соответствовала ее представлению о Смертельной заводи как месте расправы с неугодными женщинами, ставшими жертвами патриархальных устоев. А их олицетворением являлся мой отец. Она сказала мне, что маму убил мой отец, и линия разлома начала расширяться: все пласты пришли в движение, меня стали посещать странные виде́ния в кошмарных снах, а на смену им сплыли воспоминания, долгие годы скрывавшиеся в глубинах памяти.

Узнав о нас с Нел, отец сказал, что она не доведет меня до добра. Но она сделала больше. Она лишила меня целостности. Если я ее послушаю и поверю ей, то перестану быть достойным сочувствия сыном покончившей с собой матери и образцового отца и превращусь в отпрыска чудовища. Хуже того: я видел, как умирала моя мать, и промолчал. Я был сначала мальчиком, потом подростком и, наконец, уже взрослым мужчиной, который защищал ее убийцу, жил с ее убийцей и любил его.

Став таким человеком, я понял, как трудно им быть.

В ту ночь, когда умерла Нел, мы, как обычно, встретились с ней в коттедже. Я не был прежним. Она так хотела, чтобы я принял правду, сказала, что это освободит меня от себя самого, от той жизни, которой я и сам не хотел жить. Но она думала и о себе — о том, что ей удалось раскопать и как это отразится на ней, ее работе и жизни. Но самое главное, для нее Смертельная заводь перестала быть местом совершения самоубийств. Она стала местом, где избавлялись от неугодных женщин.

Мы направились в город вместе. Мы делали так и прежде: после того как отец застал нас в коттедже, я больше не парковался возле дома, а

оставлял машину в городе. От спиртного, секса и осознания своей новой миссии она испытывала невероятный подъем. И настаивала, что я обязан все вспомнить. Надо пойти туда, еще раз оказаться на том месте и все вспомнить. Прямо сейчас. Ночью.

Я возразил, что тогда шел дождь. Когда умерла мама, была гроза. А сегодня небо ясное. Нам нужно дождаться дождя.

Но она не хотела ждать.

Мы стояли на вершине обрыва и смотрели вниз. Я сказал, что ничего не мог видеть, потому что сидел под деревьями внизу. А оттуда ничего не было видно. Нел стояла на краю обрыва спиной ко мне.

Она спросила, слышал ли я крик, когда мама летела вниз.

Я закрыл глаза и увидел маму в машине: она тянется ко мне, а я отодвигаюсь назад. Я забился в угол, но она продолжала тянуться, и я попытался ее оттолкнуть. Я уперся руками Нел в поясницу и оттолкнул ее.

От автора

Истоки этой особой реки не так просто отыскать, но мои первые слова благодарности по праву должны быть адресованы Лиззи Кремер и Гарриет Мур за их необычные идеи, твердую убежденность, тонкий литературный вкус и неиссякаемую поддержку.

Одно дело найти истоки реки, а придерживаться течения ее вод — совсем другое. Я выражаю искреннюю признательность необыкновенным редакторам Саре Адамс и Саре Макграт за то, что они помогли мне не сбиться с пути. Отдельное спасибо Фрэнки Грею, Кейт Самано и Дане Кукафка за оказанную ими редакционную поддержку.

От всей души благодарю Элисон Барроу. Без ее дружбы и советов я бы, наверное, никогда не справилась с трудностями, с которыми столкнулась в последние два года. Я говорю спасибо Саймону Липскару, Ларри Финлею, Джеффу Клоске, Кристин Кокрейн, Эми Блэк, Биллу Скотту-Керру, Лиз Хоэнадель, Джейн Мартин, Трейси Тэррифф, Кейт Старк, Лидии Хэрт и Мэри Стоун за их помощь и поддержку, рекомендации по тексту

и отличные идеи.

За яркие и красивые обложки я выражаю признательность Ричарду Оглу, Джае Микели и Хелен Йентус.

Я благодарю Элис Хау, Эмму Джеймисон, Эмили Рэндл, Камиллу Дубини и Марго Виалерон за все, что они сделали, чтобы эту книгу смогли прочесть на десятках разных языков.

Спасибо Маркусу Доулу, Мадлен Макинтош и Тому Уэлдону.

Я благодарю за профессиональные советы Джеймса Эллсона, бывшего полицейского Большого Манчестера, и профессора Шарона Коуана из Школы права Эдинбургского университета — излишне говорить, что возможные юридические ошибки или процедурные неточности исключительно на моей совести.

Спасибо сестрам Руки из Виндзор-Клоуз за многолетнюю дружбу и поддержку.

Я признательна мистеру Ригсби за все его советы и конструктивную критику.

Спасибо Бену Мэйдену за объективность.

Спасибо моим родителям Глинн и Тони и брату Ричарду.

Спасибо всем и каждому из моих многострадальных друзей.

И отдельная благодарность Саймону Дэвису за все.